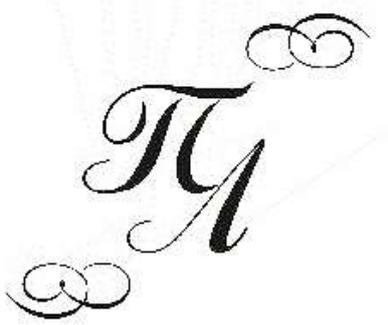

ISSN 2226-2369

**СЛОВО И ТЕКСТ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
ПОДХОД**

ТВЕРЬ 2018

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тверской государственный университет»
Кафедра теории языка и перевода

**СЛОВО И ТЕКСТ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Сборник научных трудов

Выпуск 18

ТВЕРЬ 2018

УДК 81'23(082)
ББК Ш100.0я5
С48

Рецензент

кафедра иностранных языков Юго-Западного
государственного университета

Редакционная коллегия:

Заслуженный деятель науки РФ, проф. А.А. Залевская (отв. редактор), д-р филол. наук, доц. Н.О. Золотова, канд. филол. наук, доц. Е.М. Масленникова, д-р филол. наук, доц. С.В. Мкртычян (зам. отв. редактора), д-р филол. наук, проф. Е.Ю. Мягкова, д-р филол. наук, проф. Т.М. Рогожникова, д-р филол. наук, доц. С.А. Чугунова.

С48 Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018.– Вып. 18.– 115 с.

Предлагаемый сборник включает статьи по результатам научных изысканий в области теории языка, значения слова, текста и дискурса.

Рассматриваются проблемы языка как «живого знания», специфики текста и дискурса, а также различные вопросы исследования терминов, анализа концептов и макроконцептов; приводятся результаты экспериментальных исследований на материале лексики и грамматики, обсуждаются трудности при овладении языком и т.д.

Сборник предназначен для широкого круга специалистов в области психолингвистики, психологии речи, общего языкознания, обучения языкам.

УДК 81'23(082)
ББК Ш100.0я5

ISSN 2226-2369

© Авторы статей, 2018
©Тверской государственной
университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Залевская А.А.</i> Слово и текст в разных ракурсах (Нашему сборнику сорок лет: предисловие редактора)	5
Вопросы теории	
<i>Гордеева Л.К.</i> Медицинский термин: некоторые аспекты исследования	11
<i>Яковлев А.А.</i> Язык как форма живого знания	18
Исследования в области лексики и грамматики	
<i>Арлукевич М.Е.</i> Сопоставление значений слов <i>картина</i> и <i>picture</i> в русском и английском языках	35
<i>Басова У.А.</i> Трансформация мотивирующих признаков макроконцепта <i>дети</i> (на материале психолингвистического эксперимента)	42
<i>Доминикан А.И.</i> Лингвистический корпус как инструмент идентификации значения полисемантического слова	48
<i>Мкртычян С.В.</i> Различение полной и краткой форм прилагательных в функции предиката (на основе экспериментального материала)	54
<i>Сизов Н.С.</i> Иноязычные заимствования как способ обогащения банковской лексики русского языка	62
<i>Тиунова О.В.</i> Дименсиональные признаки концепта <i>дом</i> в русской языковой картине мира	66
Исследования в области текста и дискурса	
<i>Бородина А.В.</i> О взаимоотношении юридического дискурса и юридического текста (на материале нотариальных текстов)	73
<i>Мартюшева М.А.</i> Особенности построения гипертекста в книге Д.Е. Галковского «бесконечный тупик»	80
<i>Янсон Т.А.</i> Специфика экскурсионного дискурса	87
Вопросы психолингводидактики	
<i>Гордашникова Д.С.</i> Лексико-семантическая интерференция при обучении иностранному языку в военно-технических вузах ...	94
<i>Загуменкина В.С.</i> Цели и направления современного литературного образования	100
<i>Фомина Т.П.</i> Функциональная неграмотность: к истокам проблемы	105
<i>Чубарова О.В.</i> Грамматические ошибки при изучении немецкого языка	111

CONTENTS

Zalevskaya A.A. Different aspects of word and text (We are forty now: editor's comments)	5
Research in Linguistic Theory	
<i>Gordeeva L.K.</i> Medical terms: some aspects of study	11
<i>Yakovlev A.A.</i> Language as a form of the living knowledge	18
Research in Lexicology and Grammar	
<i>Arlukevich M.E.</i> <i>Картина</i> and <i>picture</i> : comparing the meanings in Russian and English	35
<i>Basova U.A.</i> Transformation of motivating signs of the macroconcept <i>children</i> (psycholinguistic experiment results)	42
<i>Dominikan A.I.</i> Corpus as a word sense disambiguation tool	48
<i>Mktytchian S.V.</i> The semantic opposition of full and short predicative adjectives (supported with experimental data)	54
<i>Sizov N.S.</i> Foreign borrowings as a means of enriching the Russian banking vocabulary	62
<i>Tiunova O.V.</i> Dimensional signs of the concept <i>house</i> in the Russian language picture of the world	66
Research in Text and Discourse	
<i>Borodina A.V.</i> Interaction of legal discourse and legal text as exemplified in notary texts	73
<i>Martiusheva M.A.</i> Specifics of hypertext construction in the novel «Endless deadlock» by D.E. Galkovsky	80
<i>Yanson T.A.</i> The specificity of excursion discourse	87
Different Aspects of Teaching Languages	
<i>Gordashnikova D.</i> Lexico-semantic interference in learning English at military-technical universities	94
<i>Zagumenkina V.S.</i> Goals and tendencies of modern literary education	100
<i>Fomina T.P.</i> On the possible causes of functional illiteracy	105
<i>Chubarova O.V.</i> Grammar mistakes in learning German	111

УДК 81'23(082)

СЛОВО И ТЕКСТ В РАЗНЫХ РАКУРСАХ (Нашему сборнику сорок лет: предисловие редактора)

А.А. Залевская

Тверской государственный университет, Тверь

Кратко излагается история публикации сборника: от отдельных выпусков до серийного периодического издания. Приводится перечень выпусков с 1978 по 2018 гг.

Ключевые слова: слово, текст, психолингвистика, значение слова, понимание текста, моделирование, эксперимент.

Современному читателю трудно представить себе, каким событием в 70-е годы двадцатого века было издание тематического сборника научных статей: дело в том, что только в ведущих вузах страны имелись издательства с правом публикации монографий и периодических изданий, в то время как редакционным отделам университетов разрешалось публиковать только учебно-методические материалы строго ограниченного объёма. Например, учебное пособие не могло превышать 5 печатных листов, поэтому для докторской диссертации требовалось 2–3 ученых пособия, представлявших собой скрытые монографии. В этих условиях сам факт выхода в свет сборника статей уже был большой удачей. За прошедшие годы многое изменилось, и некоторые факты истории нашего сборника могут быть интересными и полезными для понимания метаморфозы, которую претерпели название и содержание опубликованных за прошедшее время выпусков сборника (см. полный перечень в Приложении). Это касается изменений в формулировках названия, расхождений в периодичности выхода в свет, динамики рассматриваемой проблематики, статуса авторов и т.д.

Начнем с того, что первоначально сборник подготавливался кафедрой лексикологии и фонетики английского языка Тверского государственного университета, затем эта кафедра была переименована в кафедру английского языка, а далее, в связи с изменением структуры кафедр факультета иностранных языков и международной коммуникации ТвГУ (ранее – факультета иностранных языков), сборник стал достоянием кафедры теории языка и перевода. Всего за 40 лет издано 42 выпуска, два из них (по проблемам перевода) под редакцией И.Э. Клюканова, все остальные – под редакцией А.А. Залевской.

Наш первый сборник вышел в свет в 1978 году, когда термин «психолингвистика» ещё не стал широко известным, поэтому научный отдел рекомендовал сделать формулировку названия более понятной для читателей и уточнить, что речь идёт о «Психологических и лингвистических аспектах проблемы языковых контактов». На самом деле психолингвистический подход не является продуктом простого сложения результатов, получаемых отдельно

в психологических и лингвистических исследованиях, однако спорить было бесполезно, главное – получить разрешение на публикацию, а для этого требовалась формулировка, содержащая фигурирующие в официальных документах слова (например, подобно тому как ныне определяется чиновниками соответствие некоторой публикации определённой специальности – той, по которой выполняется диссертационное исследование и/или подбираются оппоненты, числятся члены диссертационных советов и т.п.). Слово *психолингвистические* появилось в названии сборника только в 1981 году («Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики»), более того, нам удалось добиться разрешения на издание такого же сборника в 1983 году и дублирования первоначального названия в 1984 году. Далее требовалось много усилий для придумывания разнообразных вариантов формулировки названия, пока не произошло изменение ситуации в масштабах страны: университетам наконец-то было разрешено иметь серийные периодические издания. Соответственно, в 2003 году наш сборник был зарегистрирован в Международном центре в Париже, за ним было закреплено единое название «Слово и текст: психолингвистический подход» с присвоением регистрационного номера ISSN 2226-2369, отображением в РИНЦ и представлением публикуемых текстов в сети Интернет. Поскольку с 2005 года наш университет начал издавать «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология» с постепенным увеличением числа выпусков до четырёх за год, периодичность издания сборника была ограничена одним выпуском за календарный год. Постепенно мы также пришли к унификации требований к оформлению статей сборника и структурированию его содержания по примеру Вестника.

Сказанное выше уже демонстрирует прямую зависимость судьбы нашего сборника от ряда внешних факторов, В частности это касается требований, которые предъявляются к публикациям по диссертационным исследованиям, а именно – наличия публикации в рецензируемом издании, входящем в список ВАК РФ. Отсюда издания, регистрируемые только в РИНЦ, в определённой мере потеряли свою привлекательность, к тому же они стали более доступными за счёт увеличения количества публикуемых многими университетскими кафедрами периодических изданий. В то же время возникла необходимость публикации результатов исследований, выполняемых на уровне магистерских диссертаций, что существенно повлияло на статус авторов статей в последних выпусках сборника. Как бы то ни было, нельзя не заметить изменений в контингенте наших авторов: публикации по кандидатским и докторским диссертациям, ранее составлявшие основной костяк текстов сборника, становятся более редкими, основной массив авторов последних выпусков составляют магистранты; в порядке исключения принимаются также и отдельные студенческие работы, отвечающие нашим требованиям. Произошло также значительное расширение рассматриваемых тем, поэтому в общем названии сборника «Слово и текст: психолингвистический подход» ключевыми

фактически стали *слово* и *текст*, в то время как уточнение после двоеточия стало относиться только к части публикаций, хотя исторически именно проблемы психолингвистики являлись ведущими и отличали наш сборник от других изданий.

Оглядываясь назад, следует подчеркнуть, что по нашим сборникам можно проследить научный рост от студента до доктора наук, профессора, заведующего кафедрой, члена диссертационного совета, проректора и т.п. многих наших коллег (см. публикации докторов наук, профессоров, а также кандидатов наук, доцентов ТвГУ Н.П. Анисимовой, С.Ю. Воскресенской, Н.Л. Галеевой, Е.А. Зайцевой, Н.В. Захаровой, Н.О. Золотовой, И.Э. Клюканова, М.Л. Корытной, Н.Ф. Крюковой, В.Н. Маскадыня, Е.М. Масленниковой, И.Л. Медведевой, Т.В. Михайловой, С.В. Мкртычян, Е.Ю. Мягковой, И.В. Новиковой, М.В. Обориной, Т.Г. Родионовой, И.В. Соловьевой, Н.В. Соловьевой, С.И. Тогоевой, А.Д. Травкиной, М.О. Турковой-Зарайской, С.С. Хватовой, Т.В. Шмелевой, Н.С. Шумовой, О.С. Шумиловой и др.). Представляется также важным отметить, что в число наших авторов входили такие известные учёные, как Т.В. Ахутина, В.П. Белянин, И.С. Бороздина, Л.Г. Васильев, И.Н. Горелов, В.Е. Гольдин, Н.В. Дмитрюк, Н.В. Имедадзе, Е.И. Исенина, В.Б. Кашкин, В.В. Левицкий, М.Л. Макаров, В.А. Маслова, Т.Н. Наумова, М.Е. Новичихина, В.А. Пищальникова, Н.В. Рафикова (Мохамед), Т.М. Рогожникова, И.В. Сентенберг, И.А. Стернин, В.М. Топорова, Н.В. Уфимцева, С.А. Чугунова, и др., считавшие престижным стать участником сборника статей по психолингвистике, в котором обсуждались актуальные проблемы жизни языка в социуме, тексте, индивидуальном лексиконе. Это можно показать посредством более развернутого обращения к тематике статей сборников.

Варьирующиеся формулировки использовавшихся названий разных выпусков сборника указывают на акцентирование проблем семантики слова, понимания текста, взаимодействия языков, перевода и т.д. Но главным было то, что в первые десятилетия истории нашего сборника более последовательно проводился в жизнь именно психолингвистический подход к рассматриваемым вопросам. С позиций этого подхода язык трактуется как достояние индивида, включённого в естественное и социальное окружение. В этом ракурсе впервые в отечественных публикациях наш сборник освещал особенности психологической структуры значения слова с детальной характеристикой перцептивного, эмоционально-оценочного и других его компонентов; выявлялась роль тела человека в функционировании языка, предпринималось моделирование процессов понимания текста, перевода, взаимодействия языков при двуязычии. Впервые были «измерены» проявления параметров психологической структуры значения слов, относящихся к разным частям речи, получены категориальные нормы для русских существительных и т.д. Именно в наших сборниках впервые были представлены результаты экспериментов, свидетельствующих о различиях в основаниях для принятия

решения о степени близости или противоположности значений слов по лингвистическим научным описаниям и по представлениям носителей языка, мгновенно опознающих наличие / отсутствие близости значений слов и способных даже измерить степень сходства и/или различий; были приведены свидетельства в пользу раздельного хранения в индивидуальном лексиконе разных значений полисемантического слова, показаны возможности использования тех или иных экспериментальных процедур для решения актуальных вопросов реальной жизни языка как средства познания и общения.

Более подробное обсуждение истории нашего сборника потребовало бы написания монографии, поэтому остаётся только рекомендовать читателю не забывать, что многое из кажущегося новым уже обсуждалось энтузиастами науки, и обращение в публикациям предшествующих десятилетий может дать новые импульсы для формулирования гипотез и поиска экспериментальных процедур для их проверки.

Желаю всем нашим авторам, в том числе и будущим, больших успехов в научных изысканиях!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень сборников научных трудов по проблемам психолингвистики (1978 – 2018)

1. Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов / Отв. ред. А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1978. – 164 с.
2. Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики / Отв. ред. А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1981. – 159 с.
3. Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики / Отв. ред. А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1983. – 159 с.
4. Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов / Отв. ред. А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1984. – 159 с.
5. Психолингвистические исследования: Лексика. Фонетика / Отв. ред. А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1985. – 131 с.
6. Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста / Отв. ред. А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1986. – 167 с.
7. Психолингвистические исследования: Звук, слово, текст / Отв. ред. А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1987. – 167 с.
8. Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста / Отв. ред. А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. – 166 с.
9. Психолингвистические проблемы фонетики и лексики / Отв. ред. А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. – 158 с.
10. Перевод как процесс и как результат: язык, культура, психология / Отв. ред. И.Э. Клюканов. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. – 123 с.
11. Психолингвистические проблемы семантики / Отв. ред. А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1990. – 140 с.
12. Проблемы семантики: психолингвистические исследования / Отв. ред. А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1991. – 153 с.
13. Перевод как моделирование и моделирование перевода / Отв. ред. И.Э. Клюканов. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1991. – 122 с.

14. Слово и текст в психолингвистическом аспекте / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 143 с.
15. Проблемы психолингвистики: слово и текст / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1993. – 151 с.
16. Слово и текст: актуальные проблемы психолингвистики / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1994. – 160 с.
17. Психолингвистические исследования: слово и текст / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1995. – 136 с.
18. Актуальные проблемы психолингвистики: слово и текст / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. – 175 с.
19. Психолингвистические исследования слова и текста / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997. – 178 с.
20. Семантика слова и текста: психолингвистические исследования / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. – 188 с.
21. Психолингвистические исследования: слово, текст / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – 154 с.
22. Слово и текст в психолингвистическом аспекте / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. – 103 с.
23. Психолингвистические исследования слова и текста / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 139 с.
24. Психолингвистические исследования: слово и текст / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 130 с.
25. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – Вып. 1. – 159 с.
26. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 2. – 178 с.
27. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 3. – 152 с.
28. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 4. – 176 с.
29. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5. – 154 с.
30. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – Вып. 6. – 160 с.
31. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. – Вып. 7. – 151 с.
32. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. – Вып. 8. – 171 с.
33. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – Вып. 9. – 168 с.
34. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. – Вып. 10. – 156 с.
35. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – Вып. 11. – 144 с.
36. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – Вып. 12. – 136 с.
37. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – Вып. 13. – 160 с.
38. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. – Вып. 14. – 244 с.
39. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь:

- Твер. гос. ун-т, 2015. – Вып.15 8. – 120 с.
40. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. – Вып. 16. – 112 с.
41. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. – Вып. 17. – 112 с.
42. Слово и текст: психолингвистический подход / Отв. ред. А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. – Вып. 18. – 115 с.

**DIFFERENT ASPECTS OF WORD AND NEXT
(We are forty now: editor's comments)**

A.A. Zalevskaya

Tver State University, Tver

A brief history of the edition from individual issues to a serial periodical supplemented with the list of issues from 1978 to 2018 is given.

Key words: word, text, psycholinguistics, word meaning, text understanding, modeling, experiment.

Сведения об авторе:

ЗАЛЕВСКАЯ Александра Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: aazalev@mail.ru

Вопросы теории

УДК 81' 276.6:61

МЕДИЦИНСКИЙ ТЕРМИН: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.К. Гордеева

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматриваются исследования, объектом которых является медицинский термин. В поле зрения обзора находятся вопросы, связанные с функционированием медицинского термина в профессиональной коммуникации, семантические особенности терминов-метафор, проблема синонимии терминов в медицине и трудности перевода медицинских текстов. Особое внимание уделяется исследованию, в котором обсуждается эмоциогенность медицинского термина, обусловленная личностно значимыми переживаниями человека.

Ключевые слова: медицинский термин, коммуникация в медицинском дискурсе, термин-метафора, синонимические отношения в медицинской терминологии, проблемы перевода текстов медицинского жанра, эмоциогенность медицинского термина.

В работе [5: 116] язык медицины характеризуется как активно функционирующий язык интенсивно развивающейся науки, имеющий огромную социальную значимость в жизни общества. Терминология современной медицины неразрывно связана с историей медицины как одной из древнейших наук, изучающей закономерности развития врачевания, а также пути совершенствования медицинских знаний и практики здравоохранения. В настоящее время в медицинской сфере разрабатываются и внедряются в практику новые методы лечения и диагностики известных заболеваний и новых болезней, конструируются современные медицинские приборы, создаются сложные лекарственные препараты химического и природного происхождения. Все это требует номинации, документирования и упорядочивания, что способствует обогащению терминологической базы языка медицины. Попытки унифицировать клиническую медицинскую терминологию на международном уровне пока не увенчались успехом, в том числе и потому что, несмотря на свои древние интернациональные корни, медицинская терминология занимает лидирующее положение по скорости формирования с ее помощью новых понятий. Медицинская терминология, наряду с понятиями и представлениями, например, о здоровом образе жизни, активно проникает в повседневную жизнь далеких от профессиональной медицины людей.

Внимание лингвистов к проблеме медицинского термина поддерживается некоторыми до сих пор нерешенными вопросами терминоведения, которые пересекаются с современными концепциями лексикологии, семиотики, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Обсуждается языковой статус термина и его функциональных характеристик, рассматриваются

границы явлений, которые обозначаются понятиями «термин», «специальная», «профессиональная-», «научная лексика» и др. В круг дискуссионных вопросов попадает синонимия и антонимия в терминологии, а также особенности функционирования термина в текстах разной функционально-стилевой принадлежности. Таким образом, изучение тенденций развития медицинской терминологии, связанные с научным прогрессом, а также неиссякаемый интерес лингвистов к термину как языковой единице обуславливают актуальность исследований, объектом которых является медицинский термин из разных областей медицинского знания.

В обследованном нами корпусе такого рода исследований (около 300 единиц) предметом изучения являются следующие вопросы: 1) специфика функционирования медицинских терминов в профессиональной коммуникации; 2) ассоциативные медицинские термины и медицинские термины-метафоры в профессиональной картине мира / медицинском дискурсе и наивной картине мира / обыденном сознании «рядового» человека/пациента; 3) синонимия в медицинской терминологии и связанные с ней проблемы; 4) трудности перевода медицинских текстов.

В поле зрения учёных, рассматривающих медицинский термин как единицу медицинского дискурса, находится вопрос об их функционировании в коммуникации. Функционирование медицинского термина рассматривается учёными (М.И. Барсукова, Т.В. Кочеткова, С.И. Маджаева и др.) с двух позиций: с формальной (врач – врач / сестра / медработник) и неформальной (врач – пациент). Главной целью изучения функционирования термина в обозначенных режимах выступает «выявление закономерностей использования терминов в общении и их систематизация» [7: 48]. В этом аспекте термину присваивается «субъективированное знание, в котором зафиксирована та часть информации, которая актуализируется в каждодневных, повторяющихся действиях и операциях» [7: 49].

Несмотря на тот факт, что медицина относится к естественным наукам, в ней чётко прослеживается гуманистическая сущность, поскольку объектом изучения здесь являются законы жизнедеятельности человека. В связи с этим, использование терминов в режиме «врач – пациент» представляет особый интерес, так как описывает коммуникативную ситуацию, успех / неуспех которой имеет важные последствия для сохранения доверия пациента и эффективности его лечения. Если раньше считалось, что держать больного в неведении относительно тяжести его заболевания гуманнее, чем вовлекать его в решение сложных медицинских проблем, то в настоящее время взаимоотношения врача и пациента рассматриваются не просто как обмен информацией, а как часть лечения, поэтому от больного сегодня не принято утаивать результаты обследования и диагноз.

В связи с этим становится очевидным, что врач должен использовать понятную лексику в общении с пациентом, т.е. избегать употребления сложных и непонятных для носителя обыденного сознания терминов, предотвращая

таким образом непонимание пациентом своего диагноза, предписанного ему лечения или необходимых процедур. Обращается внимание на тот факт, что врач должен учитывать «когнитивную базу пациента и его интеллектуальный уровень», поскольку каждый пациент – личность, способная понять термин с позиции своего возраста / личного опыта / уровня образования / степени осведомленности о своей болезни [3: 143].

Такой пациент-ориентированный подход спровоцировал широкое употребление терминов-метафор, что вызвало, в свою очередь, интерес к изучению ассоциативных терминов. Под ассоциативным термином принято понимать термин, который «не связан прямо с содержанием, а лишь косвенно указывает на него» [15: URL]. Учёные, в частности Ю.В. Плоцкая, отмечают, что ассоциативные термины являются «одним из продуктивных средств формирования профессиональной картины мира» [10: 335] и что зачастую в роли ассоциативного термина выступает термин-метафора. Это объясняется тем, что метафорический термин, созданный на основе ассоциативного восприятия, облегчает понимание нового понятия и делает общение между врачом и пациентом более простым и открытым. Метафора в медицинском дискурсе представляет собой «систему, при взаимодействии абстрактного и конкретного компонентов которой возникает новое значение, представляющее собой способ познания действительности» [3: 143].

Такие исследователи, как, например, О.С. Зубкова, полагают, что медицинская метафора представляет собой взаимодействие медицинского термина и слова из «наивного» дискурса, которых связывает доминирующий признак. Рассматривая медицинский термин с этой позиции, автор приходит к выводу, что медицинская метафора «относится не к сфере слов, а к сфере мышления и действия» [3: 144].

Таким образом, в исследовательском поле терминов-метафор следует разграничить работы, связанные с изучением способов образования и особенностей семантической структуры ассоциативных терминов, функционирующих в профессиональной среде, и изысканий, нацеленных на изучение терминов-метафор как продуктов деятельности наивного сознания, функционирующих в обыденной жизни среди здоровых людей и пациентов.

Вопрос синонимии в медицинской терминологии, по мнению некоторых авторов (Ж. Багана, С.М. Величкова, В.К. Колобаева, А.Х. Всеволодова и др.), до сих пор является одним из наиболее трудно решаемым [1: URL]. Востребованность изучения проблемы такого рода связана с многообразием медицинских синонимов, особенно в названиях болезней и их синдромов, требующих систематизации и упорядочивания в целях эффективности профессиональной коммуникации, в том числе и на межкультурном уровне. Исследователи отмечают, что особенно большое количество синонимов наблюдается в названиях болезней и синдромов.

Некоторые авторы, в частности, А.С. Новик, указывают на тот факт, что в медицинской терминологии крайне важно «четкое и ясное понимание

содержания и малейшая неясность или неправильное понимание может привести к большой ошибке» [6: URL], в связи с чем на первый план выходит вопрос о конкуренции синонимов в этой области. В качестве одного из вариантов решения этой проблемы предлагается стандартизация языка медицины, которая приведет к избавлению от неясности и вариативности формулировок [там же]. Необходимость изучения синонимии в области медицинской терминологии связывается так же с предотвращением неудач в профессиональном общении, вызванных незнанием термина или его синонима. Перспективы дальнейшего изучения проблематики синонимических отношений в медицинской терминологии остаются актуальными и сегодня, так как, по утверждению Е.А. Феединой, «не было предпринято попытки достаточно обобщенного и систематического изучения синонимических отношений в медицинской терминологии несмотря на то, что неоднократно отмечалась необходимость такого исследования» [13: 88].

Проблема перевода медицинских текстов связана прежде всего с трудностями перевода терминологии. Медицинская терминология – это путь к миру анатомии и физиологии человека, болезням, лабораторным исследованиям, медицинским процедурам. Адекватный перевод текста, рецепта или назначения медицинского работника имеет, в конечном счете, отношение к здоровью человека. Как справедливо утверждает А.Н. Осатаева: «в реалиях мира медицинский текст – это скорее перевод практических документов, при котором у переводчика нет права на ошибку, так как малейшая оплошность может стать причиной непоправимых последствий» [9: URL]. В работе Е.М Солнцева приводятся основные трудности перевода медицинских текстов, к которым относятся: 1) проблема синонимии медицинских терминов; 2) расхождения в классификации и номенклатуре различных органов и систем организма; 3) наличие большого количества сокращений и аббревиатур, часто не зафиксированных в словарях; 4) употребление эпонимов; 5) неполнота специализированных двуязычных словарей [11: URL].

Отмечая такие специфические характеристики медицинского текста, как специализированная медицинская терминология, медицинские аббревиатуры и сокращения, ряд авторов (Н.К. Адамбаева, Ш.Х. Рузматов, Г.М. Тохирова, Д.В. Захарова) сходятся во мнении, что медицинский текст – узкоспециализированный текст, требующий от переводчика не только знания иностранного языка, но и обширного знания медицинской терминологии.

Принимая во внимание тот факт, что медицинская терминология активно развивается и обогащается новыми терминами практически каждый день, переводчик должен «держат руку на пульсе» и быть в курсе всех изменений, происходящих в рамках той или иной переводимой области медицинского знания. Интернациональный характер медицинских терминов провоцирует ещё одну проблему – проблему «ложных друзей переводчика». Так, термин *angina*, несмотря на практически полное соответствие русскому слову *ангина*, передается на русский как *стенокардия*. Термин *blister*, имеющий

русскоязычное соответствие *волдырь* или *кожная мозоль*, может передаваться в переводе на русский язык как *блистер* в ограниченном числе ситуаций.

Как известно, с лингвистической точки зрения, значение медицинского термина, как и любого другого термина, является нейтральным. Однако в исследовании С.И. Маджаевой [6: URL] было высказано предположение о эмоциогенности значения медицинского термина.

Сформулированная гипотеза была подвергнута проверке экспериментальным исследованием, к которому привлекались испытуемые – студенты медицинских вузов и группа людей, не имеющих отношения к медицине (потенциальных пациентов), страдающих теми или иными заболеваниями. Респондентам предлагалось записать, какие эмоции вызывают у них названия некоторых болезней или медицинский термин, обозначающий определенный синдром заболевания.

Анализ ответов испытуемых позволил автору убедиться в «неравнодушии» как студентов-медиков, так и больных к воспринимаемым ими медицинским терминам, которые выступали в эксперименте в качестве стимулов. Среди ответов испытуемых – будущих врачей, хорошо знакомых с медицинским описанием многих заболеваний и их симптомов (синдромов), фигурировали такие ответы, как «сложность в диагностике заболевания или лечения» и др. В ответах «непрофессионалов» часто обнаруживалась лексема «страх», свидетельствующая о сильных эмоциональных переживаниях по поводу возможного / реального болезненного состояния своего или своих близких.

В результате проведенного исследования было показано, что эмоциогенность термина проявляется в «способности произвести эмоциональный эффект на реципиента и отражает эмоциональное отношение человека к проблемам жизни и смерти» [8: 134]. В заключение автор делает вывод о том, что «содержание медицинского термина может быть эмоциогенным, так как для участников медицинского дискурса даже профессиональные наименования объектов и фактов, связанных со здоровьем и жизнью человека, либо становятся личностно значимыми (для пациентов), либо указывают на сферу профессиональных рисков (для медиков)» [6].

Таким образом, медицинская терминология – особая форма интерпретации индивида и мира в целом. С одной стороны, медицинский термин является выражением профессиональных медицинских знаний, обозначая специальное медицинское понятие и являясь «ядром профессионального языка медика» [12: URL], а с другой стороны, термин является отражением профессионального сознания человека, «итогом когнитивной деятельности специалиста» [3: 144].

Представляется продуктивным продолжить дальнейшее изучение проблемы медицинского термина в русле психолингвистики, позволяющей рассматривать функционирование термина в языковом сознании индивида –

профессионала, медицинского работника или непрофессионала, «рядового» пользователя медицинскими услугами.

Список литературы

1. Багана Ж., Величкова С.М. Проблемы медицинской терминологии (на примере немецкого языка) [Электронный ресурс] / URL: <https://docviewer.yandex.ru/problemu-meditsinskoj-terminologii-na-materiale-nemetskogo-yazyka.pdf> (дата обращения 11.11.18)
2. Зубкова О.С. Лингвосемиотика профессиональной метафоры [Электронный ресурс] / URL: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/lingvosemiotika-professionalnoj-metafory.html> (дата обращения 27.10.18)
3. Зубкова О.С. Медицинская метафора и медицинская метафора-термин в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование) // Знание. Понимание. Умение. Научный журнал Московского Гуманитарного Университета. 2010. №1. С. 140–145.
4. Новик А.С. Синонимия в медицинской терминологии на примере английских медицинских текстов [Электронный ресурс] / URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/174384/1/Новик_А.С._СИНОНИМИЯ%20В%20МЕДИЦИНСКОЙ%20ТЕРМИНОЛОГИИ%20%28НА%20ПРИМЕРЕ%20АНГЛИЙСКИХ%20МЕДИЦИНСКИХ%20ТЕКСТОВ%29.pdf (дата обращения 22.10.18)
5. Маджаева С.И. Медицинские термины в динамике // Язык медицины. Междунар. межвуз. сб. науч. тр. 2015. Вып. 5. С. 113–116.
6. Маджаева С.И. К проблеме эмоциогенности медицинского термина [Электронный ресурс] / URL: <k-probleme-emotsiogenosti-meditsinskogo-termina.pdf> (дата обращения 11.11.18)
7. Маджаева С.И. Функции термина в медицинском дискурсе // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы IX междунар. науч. конф. Челябинск. Том 2. С. 48–50.
8. Маджаева С.И. Степень эмоциогенности медицинских терминов // Методические и лингвистические аспекты греко–латинской медицинской терминологии. Материалы Всероссийск. науч.–учеб.–методич. конф. СПб.; ПСПбМУ, 2016. С. 133–135
9. Осатаева А.Н. Основные проблемы перевода медицинских терминов [Электронный ресурс] / URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26241463> (дата обращения 18.10.2018)
10. Плоцкая Ю.В. Ассоциативные медицинские термины в профессиональной языковой картине мира // Международная научно–практическая конференция «Омские социально–гуманитарные чтения–2018». Омск: Изд–во ОмГТУ, 2018. С.334–339.
11. Солнцев Е.М. Перевод медицинских текстов: к вопросу о соотношении общих и частных проблем [Электронный ресурс] / URL: <http://www.thinkaloud.ru/science/solnts-med.pdf> (дата обращения 11.11.18)
12. Стецюра Л.В. Концептосфера «организм человека» в профессиональной картине мира медика [Электронный ресурс] / URL: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/konceptosfera-organizm-cheloveka-v-professionalnoj-kartine-mira-medika.html> (дата обращения 27.10.18)
13. Федина Е.А. К проблеме синонимии в медицинской терминологии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 6. С. 85–90.
14. Федина Е.А. Синонимические отношения в немецкой медицинской терминологии [Электронный ресурс] / URL: <http://www.dissercat.com/content/sinonimicheskie-otnosheniya-v-nemetskoj-meditsinskoj-terminologii> (дата обращения 6.11.18)
15. Шаталова Л.С. Принципы отбора и презентации медицинских терминов в учебном терминологическом словаре нового типа [Электронный ресурс] / URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-otbora-i-prezentatsii-meditsinskih-terminov-v-uchebnom-terminologicheskom-slovarе-novogo-tipa> (дата обращения 26.10.2018)

MEDICAL TERMS: SOME ASPECTS OF STUDY

L.K. Gordeeva

Tver State Univeristy, Tver

The article presents a number of studies with the medical term as the main object. The article throws light upon questions connected with term's functioning in the professional sphere of communication, semantic peculiarities of terms-metaphors, the problem of terms' synonymy in medicine and medical terms translation difficulties. Special attention is paid to the research in which the emotional level of medical term is studied.

Key words: *medical term, communication in medical discourse, term-metaphor, synonymic relations in medical terminology, medical texts translation problem, terms' emotionality.*

Сведения об авторе:

ГОРДЕЕВА Людмила Константиновна – аспирант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, ассистент кафедры иностранных и латинского языков Тверского государственного медицинского университета, email: gordeevalucy@gmail.com

УДК 81'23

ЯЗЫК КАК ФОРМА ЖИВОГО ЗНАНИЯ

А.А. Яковлев

Сибирский федеральный университет, Красноярск

В статье даётся анализ понятия «живое знание», основными свойствами которого можно считать его несводимость к информации и отражение личностного опыта человека. Язык как достояние человека (языковая организация, по Л.В. Щербе) является одной из форм живого знания, поскольку обобщает в значениях и личностных смыслах слов опыт общения, познания и переживания мира. Само живое знание характеризуется как процесс возобновляемой интеграции опыта, образа наличной проблемной ситуации и желаемой ситуации, а также способов её достижения.

Ключевые слова: живое знание, языковая организация, значение, личностный смысл, психолингвистика.

К постановке вопроса

Проблема знания привлекает к себе всё большее внимание лингвистов. И это не удивительно, ведь язык является главным средством получения, хранения, обмена знаний – неважно, понимать последние как общественный или как индивидуально-психический феномен. Примечательно, что в лингвистических публикациях, посвящённых проблеме знания, чрезвычайно трудно найти определение этого понятия. Если таковое имеется, то знание обычно толкуется как информация или сведения о мире [18: 84; 34: 33].

На понятии «информация» при определении знания принято останавливаться, оставляя его без определения и даже без каких-либо пояснений как вполне ясное. Однако «в общенаучном (нематематическом) плане информацию обычно связывают с получением новых сведений об объекте, явлении или событии. Считают, что сообщение ценно для получателя тогда, когда оно изменяет его предыдущие знания об объектах и их взаимоотношениях с другими объектами» [30: 142]. Но сведения – это и есть то, что известно, т.е. знания. В результате определение замыкается само на себя, а знания человека определяются просто как то, что человеку известно о мире, что он знает. Не спасает положение и толкование знания как формы индивидуальной и социальной памяти [цит. раб.: 51], поскольку само знание лишается специфики и полностью сводится к памяти.

Определение знания как результата отражения мира в сознании куда более перспективно. В таком случае понимание, изучение и познание того, что такое знание и как оно «работает», обусловлено точкой зрения на способы и характер отражения мира в сознании. При этом обращает на себя внимание процессуальный характер знания (к которому нам ещё предстоит вернуться): оно не дано раз и навсегда в виде однозначного, «застывшего» результата отражения мира сознанием, а постоянно перерабатывается с каждым новым актом отражения, познания и вообще жизни человека.

Необходимо помнить, что определение онтологии и специфики (свойств) знания в рамках языкознания всецело связано с принимаемой в данном конкретном исследовании концепции языка. Проще говоря, прежде чем отвечать на вопрос: «Что такое знание и каковы его основные характеристики?» – следует ответить на вопрос: «Что представляет собой язык?» К попытке кратко ответить на этот второй вопрос мы сейчас и переходим.

Многообразие языковых явлений

Основные черты концепции знания связаны с тем, понимается ли язык как нечто однородное, предполагающее единство закономерностей и форм существования, или как некоторое динамическое единство явлений различной природы и их взаимопереходов. Второй способ понимания языка выражен в знаменитой идее Л.В. Щербы о трояком аспекте языковых явлений: 1) языковой материал, 2) языковая система, 3) речевая деятельность, 4) языковая организация [35: 24–30]. Причём дальнейшее развитие языкознания показало, что Л.В. Щерба обозначил не три, а четыре аспекта языковых явлений [8: 32–34]. Ниже мы будем строго придерживаться этих наименований, а словом «язык» будем обозначать родовое понятие, используемое в случаях, когда нет надобности конкретизировать аспект языковых явлений, о котором идёт речь.

Познать каждый из аспектов языка вне его связей с другими аспектами невозможно. «Три аспекта языковых явлений – это абстрактные моменты живой целостности, невозможные один без другого и в сумме составляющие противоречивое единство. Каждый из аспектов должен быть выделен в его отличии от других, но определение своеобразия каждого аспекта невозможно без оглядки на другие аспекты, без выяснения условий его взаимодействия с другими моментами» [16: 101–102]. Язык в своей целостности не проявляется в наблюдательных и экспериментальных фактах, а только в форме одного из своих аспектов, одной из ипостасей.

Охарактеризуем вкратце каждый из аспектов языка для понимания их взаимоотношений и, по выражению П.К. Анохина, взаимодействия [1: 78].

Языковым материалом Л.В. Щерба называл «... не деятельность отдельных индивидов, а совокупность всего говоримого и понимаемого в определённой конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это „тексты“ (которые, к сожалению, обыкновенно бывают лишены вышеупомянутой обстановки); в представлении старого филолога это „литература, рукописи, книги“» [35: 26]. Важно учитывать, что это – совокупность не сказанного и понятого, а именно говоримого и понимаемого: при материальной фиксации того, что имеет процессуальную природу, языковой материал становится текстами. Ср. схожую идею И.А. Бодуэна де Куртенэ: «... теперешняя литература языков настоящего времени представляет только памятник, а не самый язык» [3: 63].

Из языкового материала, который только и дан языковеду в качестве непосредственной данности, путём **обобщения** выводится языковая система: «Выведение из данных в опыте фактов „речи“ („parole“) общего, т.е. „языка как

системы“ („langue“), является, как всякое обобщение единичных фактов, одной из основных целей, к которой стремится каждая наука: вопрос о причинных связях явлений может с успехом ставиться лишь в той мере, в которой продвинут процесс обобщения частного» [35: 49]. В современном мире языковой материал всё больше представлен и в виде «традиционных» текстов, и в виде корпусов. Современные технические средства позволяют фиксировать и симпрактический компонент языкового материала – жесты, просодию, паузы, хезитации и т.д. Тем не менее, это форма **фиксации**, которая лишает языковой материал динамики, процессуальности, потенциальной незавершённости.

Необходимо уточнить, что и носителю языка, и языковеду непосредственно даны только отдельные акты говорения, зафиксированные или нет в текстах, однако и тот, и другой обобщают свою деятельность и опосредствуют её с помощью текстов, позволяющих не возобновлять всякий раз заново эти акты. Причём рядовой носитель языка и языковед преследуют при этом разные цели и используют разные стратегии. В результате языковед получает языковую систему, рядовой носитель языка – индивидуальную языковую организацию. Языковая система выводится из языкового материала посредством научного обобщения, а языковая организация выводится путём ненаучного обобщения опыта познания мира и взаимодействия с ним (по большей части – с другими людьми). Деятельность учёного и рядового носителя языка «выделяют» из языкового материала разные его аспекты: для первой важно то, что поддаётся рационализации, систематизации и вообще научному познанию, для второй — то, что поддаётся осмыслению (наделению личностным смыслом) и помогает более эффективно осуществлять собственную деятельность в меняющемся мире. Продукт деятельности языковеда лишён оценочного характера (беспристрастен к миру), надындивидуален и на всех уровнях поддаётся рационалистическому познанию; продукт деятельности носителя языка субъективен (пристрастен к миру), индивидуален и полностью не поддаётся рационалистическому познанию. Именно этот второй и обозначается как индивидуальная языковая организация.

Сам Л.В. Щерба даёт этому аспекту языковых явлений следующую характеристику: «Все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента. Из этого с полной очевидностью следует, что этот механизм, эта речевая организация человека никак не может просто равняться сумме речевого опыта (подразумеваю под этим и говорение и понимание) данного индивида, а должна быть какой-то своеобразной переработкой этого опыта. Эта речевая организация человека может быть только физиологической или, лучше сказать, психофизиологической, чтобы этим термином указать на то, что при этом имеются в виду такие процессы, которые частично (и только частично) могут себя обнаруживать при психологическом самонаблюдении» [цит.раб.: 25]. Ср. и

в другом месте: «Если бы наш лингвистический опыт не был упорядочен у нас в виде какой-то системы, которую мы и называем грамматикой, то мы были бы просто понимающими попугаями, которые могут повторять и понимать только слышанное» [цит. раб.: 48]. Языковая организация является и процессом, и продуктом упорядочивания опыта общения и познания. Иными словами, это динамическая система ассоциативных связей между фрагментами знаний (продуктов познания) и звуковыми или графическими комплексами; ср.: [8: 34, 44].

Обращает на себя внимание формулируемый Л.В. Щербой **социальный** генезис **индивидуальной** языковой организации: «Сама эта психофизиологическая речевая организация индивида вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом... Об этой организации мы можем умозаключать лишь на основании речевой деятельности данного индивида» [35: 25]. Будучи переработкой опыта общения, т.е. социального взаимодействия, языковая организация сохраняет в себе этот социальный аспект.

Последний аспект языка – речевая деятельность – получает наиболее краткую характеристику Л.В. Щербы: «Процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными и не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем „языком“, и что они обуславливаются тем же, чем обуславливается возможность и процессов говорения» [цит. раб.: 25]. Следует подчеркнуть, что речевая деятельность – это именно **деятельность**, которая включена в широкую систему разнородных деятельностей человека (жизнь), выполняет в ней различные функции, подчинена её общим закономерностям (от цели до характера осуществления), направлена на взаимодействие с другими людьми и осуществляется посредством формирования и формулирования мыслей в устной или письменной форме. Поэтому языковая организация, формирующаяся в речевой деятельности, – это результат переработки опыта познания, деятельности и переживания мира вообще, а не только опыта говорения и слушания [8: 400].

Каждый аспект языка входит в собственную систему внешних связей. Языковая организация – в систему психических явлений, сознание и образ мира человека. Языковая система – в систему научного, теоретического знания и через них в систему образования. Языковой материал – в систему культуры и искусства. Речевая деятельность – в систему психических явлений, а также социальных и межличностных связей общающихся людей.

Обратим также внимание, что в системе Л.В. Щербы нет места простому противопоставлению языка как чего-то систематичного, объективного и статичного речи как чему-то хаотичному, субъективному и динамичному. Влияние на язык одновременно личностных и социальных факторов позволяет охарактеризовать язык как **лично-социальный континуум**, изображённый на рисунке.

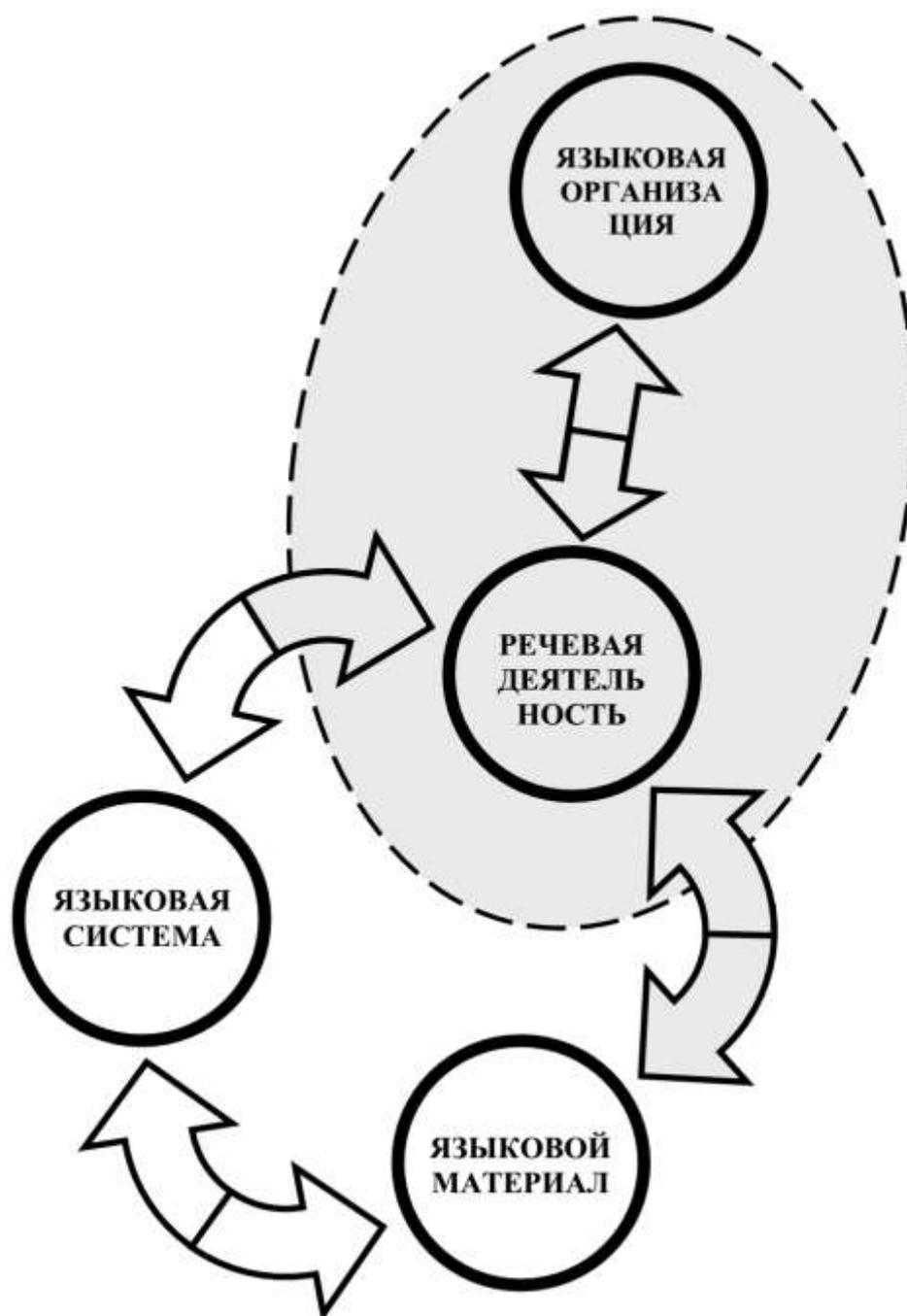

Рис. Личностно-социальный континуум языковых явлений
(по работам Л.В. Щербы и А.А. Залевской)

Два языковых аспекта в серой области имеют индивидуально-психологическую онтологию, а сама она обозначает индивидуальное сознание и психику, включённость попадающих в неё языковых аспектов в систему деятельностей человека. Эти аспекты языка состоят из индивидуальных явлений, но всё большее абстрагирование от их конкретных свойств даёт

возможность говорить об их общих закономерностях. Однако эти индивидуальные явления не оторваны от социальных (любая деятельность социальна, основана на взаимодействии людей), и имеется в виду **возможность** рассматривать эти аспекты в индивидуальной перспективе, а также то, что языковой материал не перерабатывается людьми идентично.

Живое знание как один из видов знания

Очевидно, что языковая система содержит в себе лишь «зарегистрированную» часть совокупного знания социума в некоторый период его истории. На этом основании А.А. Залевская различает совокупное коллективное знание и его зафиксированную в текстах (в широком смысле слова) часть [9: 56]. От них существенно отличается индивидуальное знание, являющееся достоянием личности [там же]. Следовательно, если обратиться к рисунку выше, живое знание должно быть «помещено» в языковую организацию, точнее, в обозначенную заливкой область. С психолингвистической точки зрения, оно должно изучаться при учёте специфики его переработки в языковой организации и проявления в речевой деятельности.

Примечательно, однако, что в публикациях, специально посвящённых живому знанию, ему не даётся чёткого определения [15; 17; 20; 28; 29]. Более того, М.Н. Ахметова, например, говорит о неизмеримости и неопределённости живого знания [2: 112]. Тем не менее, живое знание характеризуется как идея, проходящая через философский, научный и религиозный дискурс [19].

Возникает закономерный вопрос: «Понимаем ли мы, языковеды, о чём идёт речь и какую предметную область следует изучать для выявления специфики живого знания?»

При отсутствии чётких определений можно найти немало характеристик, сравнений и метафор живого знания, концентрирующихся в основном вокруг одного или нескольких признаков живого вещества. Так, говорится, что формирование живого знания – это ситуация, «... когда знание не только растёт, подобно, например, ясному в своей однозначности кристаллу-многограннику, но оно ещё живо в каждом своём фрагменте. Живо в том смысле, что когда-то оно возникло как состояние сознания некоторой творческой личности и каждый раз, начиная функционировать как знание, оно вновь предполагает свою ментально-личностную реанимацию в качестве состояния-жизни той или иной понимающей и применяющей это знание личности. В результате живость живого знания проявляется в том, чтобы наполнить бытием не только конечное число границ-граней каждого его фрагмента и его в целом, но и дать бытие, хотя и не проявленное, бесконечному числу граней знания» [7: 59]. Ср.: [9: 51–59; 12: 30–47; 34].

А.А. Залевская отмечает, что живое знание — это метафора, помогающая понять значение слова как психического феномена в его отличии от слова как социально-культурного феномена [10]. Однако метафоры ничего не объясняют

(в них отсутствует причинно-следственная связь), они лишь помогают лучше понять или вообразить то, что уже объяснено.

Автор этих строк не согласен с характеристикой живого знания лишь как метафоры. Живое знание имеет свою специфическую онтологию, которая поддаётся определению, хотя не так-то просто эту онтологию увидеть в реально наблюдаемых фактах и не так-то просто дать ей определение. Однако такое определение представляется вполне возможным.

Начнём с тех условий, в которых живое знание возникает. Оно основано на том, что в жизни человека есть такие виды опыта, которые могут быть получены через деятельность самого человека и не могут быть заменены описаниями или знаковыми аналогами.

Живое знание подразумевает эмоционально-личностное переживание мира человеком. Понятие «переживание» в данном случае следует трактовать традиционно, т.е. не как целенаправленную специфическую деятельность человека по преодолению кризисной ситуации, а как деятельность, сопутствующую какой-то другой деятельности сознания. «Переживание – это особое, субъективное, пристрастное отражение, причём отражение не окружающего мира самого по себе, а мира, взятого в отношении к субъекту, с точки зрения предоставляемых им (миром) возможностей удовлетворения актуальных мотивов и потребностей субъекта» [4: 19]. Переживание в данном случае – это не переживание-деятельность, а переживание-созерцание. Оно не может изменить реального мира и не связано с каким-то предметным его преобразованием, предметной деятельностью. Лежащая в основе такого переживания эмоция, «... коль скоро она является особым отражением, может только выразить субъективный смысл ситуации, предоставив субъекту возможность рационально осознать его, смысл, молчаливо предполагающийся наличным до и независимо от этого выражения и осознания» [цит. раб.: 23].

Живое знание невозможно представить себе вне личностного смысла, который, в свою очередь, всецело связан с переживанием мира в деятельности и сознании человека. Поэтому для понимания и изучения живого знания, следует разобраться с тем, что представляет собой личностный смысл.

Личностный смысл даже в предельной абстракции не может быть оторван от индивидуального сознания. По большому счёту, личностный смысл и есть результат активного и пристрастного отражения мира в сознании человека. «В отличие от значений, личностные смыслы, как и чувственная ткань сознания, не имеют своего „надындивидуального“, своего непсихического существования. Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с её мотивами. Смысл и создаёт пристрастность человеческого сознания» [23: 103].

Личностные смыслы не следует представлять себе как некие отдельные друг от друга корпускулы. Всегда имеет место «сплав» личностных смыслов как многоуровневое и часто внутренне противоречивое образование, из всех

аспектов которого в данных условиях преобладает один, хотя и испытывающий на себе влияние всего комплекса. Ни значение, ни личностный смысл (предмета, явления или знака) не является застывшим, статичным, однозначно фиксированным; они формируют и определяют индивидуальные психическое явления, выступая как образующие их факторы, не существуя вне этих субъективных явлений и вне деятельности человека [21: 192–193].

Личностный смысл есть «... отношение между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет этот объект (явление) в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению)» [24: 114]. Переживание некоторого явления как значимого, необходимого для жизни человека или её значительной части обуславливает личностный смысл этого явления. Иначе говоря, между ним и человеком возникла такая связь, ввиду которой именно это явление переживается и оценивается человеком как относящееся к реализации некоторой его потребности (сиюминутной или жизненной – неважно).

Личностный смысл – это такая форма переживания мира, в которой отношение субъекта к некоторому объекту дано самому субъекту. Но отношение дано не непосредственно, а всегда через определённую чувственную ткань — через эмоцию. «...Эмоциональная реакция, как правило, сигнализирует нам о личностном смысле. Можно говорить о том, что эмоции выполняют вспомогательную функцию презентации личностного смысла на осознаваемом уровне, не столько содержательно отображая его (это невозможно, поскольку смысл гораздо сложнее и глубже эмоции), сколько привлекая к нему внимание и ставя задачу на его содержательное раскрытие» [цит. раб.: 164–165]. Мотив деятельности первичен по отношению к его субъективному переживанию в эмоции, а не наоборот.

Личностный смысл является лишь одним из нескольких типов смысловых структур, среди которых Д.А. Леонтьев выделяет также смысловой конструкт, смысловую установку, смысловую диспозицию, мотив, личностную ценность [цит. раб.: 127–129, 167–251]. Смысловые структуры являются превращёнными формами личностного отношения субъекта к объекту, которые представлены самому субъекту в чувственной данности эмоций [цит. раб.: 126–127].

Некоторые из них есть фиксированный, устойчивый смысловой опыт человека, а не сиюминутный опыт. Так, в отличие от личностного смысла смысловая установка — это составляющая исполнительных механизмов действия [цит. раб.: 184].

Мотив связан с побудительными механизмами действия, с её целью и предметом, на который оно направлено [цит. раб.: 204]. От мотива отличается смысловая диспозиция, которая суть отношение к предметам и явлениям, имеющим для человека устойчивый жизненный смысл, не связанное с актуально осуществляемой деятельностью [цит. раб.: 213]. Смысловой конструкт – это индивидуально-специфическая категориальная шкала,

служащая человеку для выделения, классификации и оценивания значимых сторон предметов и явлений [цит. раб.: 215, 217].

Личностные ценности в наибольшей степени обладают транситуативным и наддеятельностным характером. Они ассимилируются в личность человека и почти не зависят от ситуативных факторов. «Через потребности человек переживает свои отношения с миром „один на один“, через ценности он переживает свою принадлежность к социальному целому; в своих потребностях человек всегда одинок, в ценностях, напротив, он всегда не один» [цит. раб.: 226]. Личностные ценности стабильны и абсолютны, они независимы от внешних обстоятельств, не ограничены конкретной деятельностью и конкретной ситуацией, они соотносятся со всей жизнедеятельностью человека и определяют его жизненные ориентации.

Можно заключить, что живое знание связано со всеми смысловыми структурами (или выражается через них), но связано по-разному, что делает перспективным изучение этой разницы. С позиций психолингвистики, эта разница состоит в том, что употреблению в речи определённых слов (как при порождении, так и при восприятии) всегда будет сопутствовать эмоциональное переживание, употреблению же других слов эмоция будет сопутствовать только при специфических условиях (от чисто ситуативных, до культурных). Такая разница не может быть объяснена с позиций информации, её передачи и переработки.

Поступающая из внешнего мира информация употребляется человеком для построения, возобновления и развития смысловых структур, а не непосредственного использования в деятельности. Накапливаемый опыт деятельности и усвоения личностно-значимой информации употребляется человеком для создания пристрастного отношения к миру, выделения в нём эмоциональных явлений, для порождения, сохранения и развития свободного живого знания, а не для непосредственного его превращения в информацию, используемую в деятельности. Воспринятая информация устных и письменных текстов при помощи языковой организации человека, речевой деятельности и других явлений психики не трансформируется в деятельность, а идёт на возобновление и поддержание свободного живого знания и внутренних связей языковой организации.

Живое знание нельзя сводить и невозможно свести к информации, получаемой человеком извне, а равно и к памяти, особенно если её понимать просто как своего рода склад, откуда при необходимости извлекаются нужные «единицы» информации. Живое знание, конечно, связано с информацией и памятью, но не сводится к ним. Живое знание основано на интегрировании 1) опыта, хранящегося в памяти (включая эмоционально-личностное переживание), 2) отражённых в сознании условий наличной ситуации и её оценки, 3) значимости для личности и деятельности желаемой ситуации, а также 4) возможных и наиболее эффективных способов преобразования наличной ситуации в желаемую. Живое знание и есть процесс возобновляемой

интеграции опыта, образа наличной проблемной ситуации и желаемой ситуации, а также способов достижения последней.

В этом смысле что значит знать какой-либо предмет или явление? Это значит уметь в соответствии с общими (т.е. главными) характеристиками наличной ситуации использовать данный предмет не как отдельный, а как частный представитель совокупности предметов, связанный с ней в своих сущностных характеристиках для достижения желаемой ситуации, тоже не являющейся абсолютно новой, а связанной в памяти со схожими ситуациями. Таким образом, в акте живого знания ни предмет, ни наличная ситуация, ни ситуация желаемая не являются стопроцентно новыми, а соединены в памяти не по случайным, а по наиболее существенным признакам.

Многочисленные встречи с каким-либо предметом сами по себе не дают ещё живого знания (да и вообще знания) о нём. Необходимо, чтобы человек (чувствующая, активно изменяющаяся, аффективно переживающая и когнитивно понимающая мир личность) осознал (т.е. учёл для последующих действий в схожих ситуациях) различия или, наоборот, сходства этих многочисленных встреч с предметом. Осознать необходимо не предмет и не данную ситуацию, а именно их соединение для достижения ситуации желаемой и значимость последней для дальнейшей деятельности и даже жизни. Только такое осознание вероятной значимости наличных действий с предметом для будущих действий с ним или с похожим предметом лежит в основе опыта и живого знания.

Важную роль в порождении живого знания играет не только когнитивный (познавательный, интеллектуальный) аспект, но также аффективный (эмоционально-личностный) и телесный аспект. Живое знание не усваивается человеком в готовом виде, а вырабатывается в собственной деятельности с полным переживанием его как своего, как имеющего существенное значение для жизни человека (или для её существенной части). Поэтому живое знание может быть построено только через самостоятельную деятельность человека. «Знания, за которыми не стоит собственная аналитико-синтетическая, обобщающая работа мысли, – это формальные знания. Когда говорят, что человек как индивид не открывает, а лишь усваивает уже добытые человечеством знания (хотя есть люди, которые сами их добывают), то это, собственно, значит лишь то, что он не открывает их для **человечества**; но лично для себя он всё же должен их открыть» [33: 201]. Ср. те же идеи у Э.В. Ильенкова: «...Действительно знать предмет — значит уметь **самостоятельно** обращаться с ним и разбираться в нём» [13: 85–86]. В жизни человека возникают такие ситуации, которые он может разрешить простым внешним дублированием чужих или своих предыдущих действий, но возникают и такие ситуации, которые требуют от человека интеграции опыта, наличных условий и возможных результатов при эмоционально-личностном переживании этого комплекса. Именно ситуации второго типа и лежат в основе живого знания.

Акты деятельности человека, порождающие живое знание, приводят одновременно и к изменению условий внешней среды (языковой и социальной), и к изменению внутренних связей и состояний самого сознания человека и, в частности, языковой организации. Сознание человека преломляет воспринимаемую извне информацию, которая не переходит непосредственно в деятельность, и таким образом поддерживается неравновесие между поступающей извне информацией и знанием, реально существующим в сознании. Усвоение ровно того количества информации, которое поступает в сознание извне, а равно и отдача вовне ровно того количества информации, которое требуется для некоторого изменения её условий, означало бы регресс сознания и языковой организации человека.

Свободное знание, не используемое непосредственно в деятельности, сразу и/или полностью для решения наличной задачи, удовлетворения актуальной потребности, излишнее с точки зрения информации о внешнем мире, можно назвать частным случаем живого знания [5. Т. 6: 85; 26: 82–90]. Поэтому в языковой организации человека наличествуют такие связи между разными единицами – опыта, появление которых не может быть объяснено феноменологически — через внешнее наблюдение за его речевой деятельностью в «естественных» условиях последней. Изучение подобных связей требует экспериментального подхода.

Язык как форма существования живого знания

Для понимания и обоснования языка как одной из форм существования живого знания (наряду с эмоцией и смысловыми структурами) следует задаться вопросом: «Какие свойства языковой организации обусловлены именно тем, что она является одной из форм существования живого знания?» Иначе говоря, следует выяснить, каковы общие свойства языка и живого знания.

Выраженные выше соображения о специфике живого знания находят явную связь с суждениями В.В. Давыдова о теоретическом знании как результате теоретического обобщения (в его отличие от эмпирического обобщения). «Теоретические знания, возникающие на основе преобразования предметов, отражают их внутренние отношения и связи и тем самым выходят за пределы чувственных представлений. <...> В теоретических знаниях фиксируется связь реально существующего всеобщего отношения целостной системы с её различными проявлениями, связь всеобщего с единичным. <...> Теоретические знания... прежде всего выражаются в способах умственной деятельности, а затем уже в различных символах-знаковых системах, в частности средствами естественного и искусственного языка» [6: 72–73]. Общеизвестно, что в онтогенезе овладение языком качественно меняет способы деятельности с предметами, позволяя человеку благодаря квазипредметной природе слов оперировать словами как заместителями предметов, но именно так, как самими предметами [13: 153–214; 27: 219–246].

Значения слов фиксируют средние итоги (выражение И.М. Сеченова) взаимодействия с миром, а не сумму частных итогов. Значение слова обобщает,

в значении слова представлена не сумма явлений, а их обобщённые (т.е. главные, сущностные) характеристики [5. Т. 1: 164; Т. 2: 297; Т. 6: 61; 25: 43; 33: 116]. Благодаря слову с обобщением, заложенным в его значении, человек вообще и может выходить мысленно за рамки наличной ситуации. Слово, язык вообще позволяет ассоциировать конкретное (форму слова) с субъективно-всеобщим – с совокупным опытом использования данного слова как инструмента множества деятельностей. Это же позволяет делать и живое знание — объединять в опыте по какому-то существенному признаку данную ситуацию и систему предыдущих схожих ситуаций (включая их результаты и способы достижения).

Уместно здесь вспомнить знаменитую метафору Л.С. Выготского: мысль – это облако, которое проливается дождём слов. Однако не всегда цитируется весь пассаж этой части «Мышления и речи», в котором имеется и дальнейшее сравнение мотива, определяющего мысль, с ветром: «Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. <...> Если мы сравнили выше мысль с нависшим облаком, проливающимся дождём слов, то мотивацию мысли мы должны были бы, если продолжить это образное сравнение, уподобить ветру, приводящему в движение облака» [5. Т. 2: 357]. В записных книжках Л.С. Выготского находим ещё одно важное уточнение: «Если **мысль** — облако, проливающееся **дождём** речи, то 1) облака имеют своё движение, капли дождя — своё, хотя то и другое связано: дождь передвигается с облаком, облако истаивает дождём и т.д. Мотивы речи – **ветер**, приводящий в движение облака: он имеет своё движение, тоже связанное. Есть облака, не проливающиеся дождём (ходок Успенского), есть ветер бессильный и [ветер] другой – разгоняющий облака, а не собирающий их» [11: 327].

Строго говоря, языка и речи как таковых, т.е. вне сознания и познания, не существует. «С одной речью человеку делать нечего: она не самоцель, а средство, орудие, хотя и может по-разному использоваться в разных видах деятельности» [22: 27]. Всё то же следует отнести и к живому знанию. Само оно как таковое незачем человеку, человек не интегрирует наличную ситуацию с имеющимся опытом ради самого этого акта интегрирования, а всегда ради более широкой цели. В этом процессе образ наличной ситуации, образ обобщённых предыдущих ситуаций, их эмоционально-личностное переживание и т.д. имеют своё собственное движение и свою систему разнообразных связей, но их системность задаётся именно общей для них целью. Однако этого может и не случиться: в процессе интеграции опыта в акте живого знания может произойти «сбой» и действие не приведёт к желаемому результату. Возможно и обратное: результат деятельности будет настолько отличен от предыдущих, что повлечёт за собой коренное изменение опыта решения схожих задач или изменение переживания схожих ситуаций.

Слово и его значение не первично, а вторично по отношению к деятельности и опыту человека. Обоснование этому можно найти в трудах Е.Д. Поливанова, который уже в само определение языка включал обязательность его использования некоторой социальной группой в качестве средства общения [31: 57, 177–179; 32: 40–41]. Он особо подчёркивает, что «...реальное бытие языка определяется не только составом кооперативно-спаянного коллектива, но и характером кооперативных связей внутри него» [31: 180]. Бытие индивидуального языка определяется также тем местом, которое данный индивид занимает в коллективе, и местом данного коллектива в социальной «иерархии». Владение языком некоторой социальной группы не только даёт возможность эффективно общаться с её представителями, но и само по себе является показателем, так сказать, симптомом принадлежности человека к этой социальной группе. При этом каждый человек, входит во множество социальных групп и, следовательно, совмещает знание и употребление нескольких языков или диалектов (социолектов) [там же].

Это означает, что язык есть способ и форма связи человека с миром и с теми социальными группами, членом которых он является. Язык есть для человека не нечто постороннее, потому что социально обусловленное; напротив, это **его** язык именно потому, что это язык того общества (группы, коллектива), **внутри** которого человек живет и действует и **частью** которого он является. В этом смысле всякое слово для человека есть **одновременно** и групповое (инструмент общения, взаимодействия), и индивидуальное (инструмент организации собственной психики). Можно представить это в виде двух пересекающихся осей (индивидуальной и групповой), но не бесконечных, а имеющих пределы. Эти пределы – крайние случаи значений и личностных смыслов слов, и большинство слов «находятся» где-то между этими крайностями, но могут «перемещаться» под воздействием внутренних (личностных) и внешних (социальных) факторов. Слово как групповое явление в пределе есть общекультурное, а в другом пределе – «диалоговое», «парное», понятное только для двоих. Слово как личностное явление в пределе есть интимное, ни с кем не разделяемое, а в другом пределе – несущее общечеловеческие ценности. Другое дело, что в разных словах соотношение общественного и индивидуально-личностного различно.

Живое знание, вырабатываемое в актах взаимодействия с людьми, не может быть лишено общественного, взаимодейственного компонента, оно не может рассматриваться как сугубо субъективное и индивидуальное. Наличие и неустранимость социального компонента в слове делает язык существенной формой связи человека с социумом. В точности как и всякое познание, «ощущение, восприятие, мышление – формы связи субъекта с объективным миром» [33: 112]. Причём эта связь не дана в завершённом и готовом виде, а возникает и проявляется в процессе взаимодействия человека с миром. Ср. также: «Всякое познание и объективно и субъективно» [цит. раб.: 119]. Наличие в слове (потенциально – в каждом) и значения, и личностного смысла

делает язык человека, как и его знания, и субъективным, и объективным явлением.

Таким образом, живое знание, реализуемое в слове, не зависит полностью от воли человека, но и не сводится только к информации о мире. Хотя оно невозможно без них – без взаимодействия людей и без переживания человеком этого взаимодействия. Уместными представляются слова Э.В. Ильенкова об идеальном: идеальное, имея социальную природу и происхождение, «...в форме знания отражает объективную реальность, не зависящую от человечества» [14: 56].

Все названные характеристики языка как формы живого знания возможны только при том условии, что язык как достояние человека не находится в равновесии с социально-культурной средой и при этом обладает излишним с точки зрения внешней среды знанием, которое может быть реализовано в действии без внешнего воздействия на человека. А при каком-либо воздействии извне, т.е. при некотором изменении внешней среды, в языке осуществляется такая деятельность, которая влияет на и корректирует изменения, вызванные в самом языке воздействиями окружающей среды.

Устойчивое неравновесие индивидуального языка – это такое его состояние, при котором он не просто обладает избытком знания, но и способен использовать этот избыток для поддержания неравновесия. Такое состояние не поддерживается стихийно и требует притока информации извне, которая должна не использоваться непосредственно как таковая, а перерабатываться языком и сознанием. Язык как достояние человека (языковая организация, по Л.В. Щербе) изменяет **и** внешние воздействия, **и** свои внутренние связи и состояния.

Язык как форма живого знания даже при неизменной окружающей социально-культурной среде способен осуществлять такую деятельность, которая приводит и к изменению условий внешней среды, и к изменению внутренних связей и состояний самого языка. Такая деятельность должна корректировать или целенаправленно регулировать в зависимости от состояний и нужд субъекта деятельности прямое воздействие на язык (и вообще сознание и поведение субъекта) со стороны внешней среды в данный момент и обеспечивать предвидение и коррекцию будущих воздействий.

Язык выполняет особую деятельность против равновесия с внешней средой. А свободное знание изменяет структуру и связи самого языка, но не осуществляет непосредственно деятельности против воздействий окружающей среды. Человек путём усвоения и переработки опыта переживания мира и жизни в нём создаёт в самом языке собственный источник информации за счёт живого знания.

Заключение

Хотя не все формы знания (даже индивидуального) сводятся к живому знанию, именно оно имеет существенное значение для психолингвистики, поскольку позволяет изучать язык как достояние человека одновременно с

социальной перспективы (отражение предметов и явлений в сознании и ментальном лексиконе) и с перспективы индивидуально-личностной (отношение человека к этим предметам и явлениям).

Важными в понимании живого знания являются следующие свойства языка: 1) обобщение опыта (сохранение наиболее значимых его фрагментов), 2) выход за пределы чувственности и наличной ситуации, 3) использование языка не только для других (общение), но и для себя (познание, переживание, осмысление мира), а в некоторых случаях – главным образом для себя (творчество), 4) фиксация в слове большей информации, чем реально необходимо для удовлетворения некоторых потребностей.

С психолингвистических позиций, живое знание человека есть общая совокупность всех связей между единицами ментального лексикона (языковой организации) не по форме или значению, а именно по личностному смыслу. Оно позволяет интегрировать с помощью слов опыт человека, образы наличной проблемной ситуации и желаемой ситуации в его сознании, а также языковые способы достижения желаемой ситуации. С другой стороны, опыт использования языковых средств достижения схожих желаемых ситуаций (переживаемых человеком как личностно значимые) в схожих условиях изменяет уже имеющееся живое знание.

В этом отношении чрезвычайно интересны результаты экспериментов (например, ассоциативных), которые позволяют выделить в словах именно эмоционально-личностный компонент. Например, такие реакции, полученные от студентов, как СЕССИЯ — *стресс, ужас, страх, кошмар, жопа*; УЧЁБА — *боль, мучёба, дно*; ПЯТНИЦА — *сооооон, отдых!, наконец-то*; МЕНЕДЖЕР — *затупок, идиот, стрёмная работа*; ФИЗИКА — *не моя наука, фу, не понять*; МАТЕМАТИКА — *люблю, скучно, стресс* и др. Они отражают то или иное личностное отношение к скрывающимся за словами-стимулами явлениям. Причём можно констатировать и влияние социально-экономических факторов: те же стимулы, предложенные другой группе испытуемых, дадут иные результаты. Представляется весьма перспективным изучение такого соотношения (а также его изменение во времени) между характеристиками некоторой социальной группы и эмоционально-личностным переживанием, отражаемым в реакциях. Изучение «удельного веса» таких реакций в ассоциативных полях разных слов (включая и межъязыковое сопоставление) тоже является многообещающей перспективой.

Предшествующее развитие науки о языке знаменовано тем, что, во-первых, язык рассматривался как недифференцированное, однородное явление, во-вторых, влияющие на язык факторы социального и личностного порядка рассматривались отдельно друг от друга. Понятие «живое знание», подразумевающее его специфику как одного из видов знания, как представляется, позволяет подойти к познанию языка как дифференцированной системы разнородных явлений и учитывать влияние на неё одновременно внешних (социальных) и внутренних (личностных) факторов.

Список литературы

1. Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 400 с.
2. Ахметова М.Н. Построение «живого знания» как стратегическая цель опережающего образования // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 8. С. 103–113.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1963. 384 с.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
5. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Педагогика, 1982–1984. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. 1982. 488 с. Т. 2: Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. 1982. 504 с. Т. 6: Научное наследство / Под ред. М.Г. Ярошевского. 1984. 400 с.
6. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.
7. Ерёмин В.С., Юносов Е.Н., Деревягина Е.И., Битюцкая Л.А. Формирование живого знания через турнирную деятельность учащейся молодёжи // Вестник Воронежск. гос. ун-та. Серия: Проблемы высшего образования. 2014. № 4. С. 58–61.
8. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
9. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учеб. 2-е изд. испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.
10. Залевская А.А. Общенаучная метафора «живое знание» и проблема значения слова // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2007. № 7. С. 19–34.
11. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 608 с.
12. Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть I. Живое знание (2-е испр. и доп. изд.). Самара: Самарский Дом печати, 1998. 296 с.
13. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Эвальд Васильевич Ильенков / под ред. В.И. Толстых. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009а. С. 153–214.
14. Ильенков Э.В. Идеальное и реальность. 1960–1979 / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. 528 с.
15. Карасёва Е.В. Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 16 с.
16. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 220 с.
17. Коровина Н.А. Направленный ассоциативный эксперимент в изучении значения слова как живого знания // Коммуникативные исследования. 2015. № 3 (5). С. 175–189.
18. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
19. Кудряшова Т.Б. «Живое знание» или альфа и омега познания // Вестник Ивановск. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2009. № 3 (2). С. 101–119.
20. Курганова Н.И. Живое знание через призму смыслового поля // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 79–81.
21. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. 536 с.
22. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: КомКнига, 2007. 216 с.
23. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.

24. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.
25. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
26. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.
27. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
28. Масленникова Е.М. Актуализация слова при переводе и «живое знание» // Слово и текст: психолингвистический подход. 2014. № 14. С. 147–151.
29. Мкртычян С.В. От «живого» слова к «живому» знанию // Слово и текст: психолингвистический подход. 2014. № 14. С. 55–59.
30. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. 634 с.
31. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
32. Поливанов Е.Д. Введение в языкознание (для востоковедных вузов). Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 232 с.
33. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.
34. Шепель О.М., Минин М.Г. Знание как живая система // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2005. № 5 (35). С. 30–38.
35. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е.. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

LANGUAGE AS A FORM OF THE LIVING KNOWLEDGE

Andrey A. Yakovlev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

The paper discusses the concept of “living knowledge”, the main properties of which are 1) its irreducibility to information and 2) reflection of the personal experience in this concept. Language as the property of a person (language organization, according to L. Shcherba) is one of the forms of the living knowledge, since it summarizes the experience, cognition and emotional experiencing of the world in the meanings and personal sense of words. The living knowledge itself is characterized as a process of renewable integration of experience, an image of a present problem situation and a desired situation, as well as ways to achieve it.

Keywords: living knowledge, language organization, meaning, personal sense, psycholinguistics.

Сведения об авторе:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, e-mail: mr.koloboque@rambler.ru

Исследования лексики и грамматики

УДК 811

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ *КАРТИНА* И *PICTURE* В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

М.Е. Арлукевич

Тверской государственный университет, Тверь

Приводятся результаты сопоставления и анализа значений двух коррелирующих слов по данным различных печатных и электронных словарей, а также корпусов текстов.

Ключевые слова: *электронный словарь, тезаурус, корпус текстов, смысловое поле, ассоциативное поле, развитие значения слова.*

В своей предыдущей работе мы исследовали динамику развития значения слова «picture» по данным различных словарей и корпусов текстов [1]. Чтобы продолжить исследование, нам было необходимо изучить динамику значения коррелирующего слова «картина» в русском языке, что позволило не только узнать, какие значения имеет это слово в русском языке, но и сравнить с данными, полученными в предыдущем исследовании.

Сравнение коррелирующих слов в разных языках позволяет выяснить: что общего, а что различается у этих слов, а также узнать, как развивалось значение слова «картина» в русском языке. Решить такую задачу можно, лишь максимально интегрировав результаты использования всех видов словарей, тезаурусов и корпусов текстов, что обеспечивает наиболее полную картину сведений о слове, о его значении и истории его изменения при «жизни» слова в разных контекстах.

Цель данной работы – с помощью различных источников проследить динамику развития значения слова «картина» в русском языке и сравнить со значениями английского слова «picture». Объектом нашего исследования являлось развитие значения слова. Предмет нашего исследования – выявление специфики информации о слове, извлекаемой при обращении к различным источникам.

Следует отметить, что на основе этимологии слова «картина» мы можем сделать вывод, что, по данным словаря М. Фасмера [15], это слово «происходит от итальянского *cartina* ‘тонкая, красивая бумага’ (производное от *carta* ‘бумага’), либо русское новообразование непосредственно от *carta*, от латинского *charta* ‘лист из папируса; бумага’, из древнегреческого *χάρτης* ‘лист из папируса’. Русское слово «картина» появилось ещё в эпоху Петра I. Заметим, что впервые слово «картина» зарегистрировано в словаре Даля в 1881 году и имело всего 4 толкования, но что интересно, указано, что данное слово используется у кровельщиков и обозначает ‘два железных листа скреплённых вместе’.

Для своего исследования мы постарались взять словари разных периодов, так как хотели проследить нарастание толкований.

Мы обратились к трём печатным толковым словарям русского языка: Словарь русского языка в 4х томах 1982 года [9], словарь Ушакова 1994 года [11], Большой академический словарь русского языка 2007 года [2]. Мы провели дифференциальный анализ, с помощью которого выяснили, что печатные словари русского языка могут предоставить всего 9 значений слова «картина»:

- *произведение живописи в красках,*
- *то что можно увидеть \ представить себе в конкретных образах,*
- *кинематографический фильм,*
- *яркое выразительное словесное изображение чего-то,*
- *ряд образов отличающихся наглядностью и образующий единое целое,*
- *общее состояние положение чего-то, о ком-либо или чем-либо вызывающем восхищение своей живописностью и красотой,*
- *литературное изображение каких-нибудь ситуаций, бытовых сцен,*
- *часть акта в драматическом произведении, требующая самостоятельной декорации.*

Печатные словари английского языка могут предоставить до 14 значений по слову «picture»:

painting or drawing, sketching, photograph, type or embodiment appear to have it in a high degree, cinema, film, account or description that enables somebody to see his mind an event, image in the mind, to be well informed, illustration, situation, portrait, perfect example, what seen on TV screen, photo, person or thing that is beauty or unusual to look, image, snapshot, to be in the position of knowing, made of record events of something, print, situation considered as whole rather than its details, landscape, cartoon\caricature.

На основе полученных результатов мы можем сделать вывод, что в русском языке нет значения ‘фотография’ для слова «картина», в то время как в английском языке значение ‘фотография’ для слова «picture» встречается в каждом словаре, различается лишь степень актуальности этого значения. Также, в русском языке отсутствует значения ‘картинка’ или ‘карикатура’ для исследуемого слова. Мы можем заметить, что в английском языке слово «picture» имеет куда больше значений, чем близкое ему по значению слово «картина» в русском языке. Можно с уверенностью сказать, что английское слово охватывает больший спектр значений, что позволяет использовать его в различных ситуациях, в то время как русское слово «картина» используется в достаточно ограниченных областях, в основном в искусстве и для описания абстрактных образов.

При работе с электронными словарями мы обратились к пяти электронным толковым словарям русского языка: Толковый словарь С.И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [13], Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова [3], Толковый словарь С.И. Ожегова [12], Популярный толково-энциклопедический словарь русского языка [6] и Толковый словарь русского языка Ушакова [14]. Мы использовали новые

информационные технологии для поиска и обработки информации, получения статистических данных и построения диаграмм. Нам удалось извлечь те же 9 значений слова «картина», как и из печатных словарей.

Если сравнивать значения английского слова «picture» и русского слова «картина», то можно заметить, что первое значение слова во всех пяти словарях английского языка относится к фотоиндустрии, в то время как в русском языке первое значение слова «картина» относится к области искусства. Только один английский словарь *Abbylingvo* первым значением слова «picture» ставит 'image' что можно отнести к области искусства, а второе значение уже относится к фотоиндустрии. Скорее всего, такое расположение значений в словаре вызвано тем, что русский штат работает над развитием данного словаря в России, и расположение значений слова «picture» могло быть сделано на основе значений слова «картина» в русском языке. Хочется отметить также, что в русских электронных словарях отсутствует значение 'фото' для исследуемого нами слова. Помимо значения 'фото' в русских словарях нет значений слова «картина», которые можно отнести к области телевидения (см. таблицу).

Таблица. Сравнение значений слов «картина» и «picture»

Значение слова	Слово	
	картина	picture
1 значение	Произведение живописи	photo
2 значение	кинофильм	image
3 значение	Изображение чего-то в худ. произведении	Idea\ television
4 значение	Представление образов	Situation\cinema
5 значение	Вид или состояние	Copy\description
6 значение	Подразделение акта в пьесе	film
7 значение	картинка	Appearance\icon
8 значение		Print\symbol\pattern

Значения русского слова «картина» в печатных и электронных словарях схожи, различие только в ранжировании значений по частоте использования: электронные словари ставят значение 'кинофильм' на второе место, в то время как в печатных словарях это значение часто даётся последним. На основе полученных результатов можно сделать вывод, что русское слово «картина» близко по значению с английским словом «picture», но имеет меньше значений. Если в английском языке слово «picture» сначала имело основное значение 'картина', которое потом стало «смещаться на второй план» значениями, относящими данное слово к фото- и киноиндустрии, то в русском языке слово «картина» до сих пор чаще относят к области искусства и меньше к киноиндустрии.

Мы провели исследование на основе русского слова «картина» и использовали 4 общедоступных тезауруса: словарь-синонимов.рф [10], TEXT.RU [18], kartaslov.ru [16], sinonim.org [17]. На основе полученных

результатов мы получили около 260 понятийных полей к слову «картина» и разделили их на 7 тематических групп:

- *искусство,*
- *киноиндустрия,*
- *фотоиндустрия,*
- *театр,*
- *описание вида,*
- *описание ситуации,*
- *письменное описание.*

Обращение к четырём тезаурусам английского языка позволило нам извлечь до 90 понятийных полей для слова «picture», которые позже мы объединили в 19 тематических групп:

отношение к искусству (art), информация (information), общая идея (idea), внешность (likeness), киноиндустрия (movie), пейзаж (view), фотоиндустрия (photo), описание (depiction), персонализация (personification), описание (description), ситуация (situation), воображение (imagination), сила (power), драма (drama), похожесть (similarity), представление (representation), красота (beauty), разговор (conversation), признак (indication).

Сравнив данные, полученные в англоязычных и русскоязычных тезаурусах, мы можем сделать вывод, что англоязычные тезаурусы предоставляют больше синонимов к слову «picture». В русском же языке у слова «картина» нет таких значений, как в английском языке, что сужает синонимическое поле данного слова в русском языке. В русском языке наибольшее количество синонимов к слову «картина» относится к искусству, кинопроизводству и описанию вида, а в английском языке больше всего синонимов пришлось на область искусства, кинопроизводства и фотопроизводства. Это можно объяснить тем, что в русской культуре слово «картина» чаще используют в области искусства, а для фотоиндустрии существует слова со значениями ‘фото’ или ‘фотография’. Возможно, это также связано с тем, что в английском языке существует выражение «to take a picture», что на русский будет переводиться как «фотографировать». Синонимические поля, в которые входят русское слово «картина» и английское слово «picture», различаются количеством входящих в них синонимов. Это означает, что чем больше синонимов имеет слово, тем шире его синонимическое поле и тем больше пересечений с другими синонимическими полями можно обнаружить.

Благодаря обращению к четырём корпусам текстов русского языка: основному корпусу текстов русского языка [5], синтаксическому корпусу русского языка [8], поэтическому корпусу русского языка [7] и газетному корпусу [4] мы использовали около 500 текстов. Из корпусов текстов русского языка, было извлечено до 6 значений искомого слова «картина»:

- *произведение живописи в красках,*
- *образ,*

- *общее состояние,*
- *часть акта в пьесе,*
- *кинофильм,*
- *красивый вид (использовался в поэтических текстах).*

Проведя исследование на основе корпусов текстов русского языка можно сделать вывод, что слово «картина» чаще используется в значении ‘образ’, а не в своём прямом значении ‘произведение живописи’. Если же дело касается прессы, то там чаще встречаются значения ‘кинофильм’ и ‘состояние’, так как в своих материалах репортёры стараются передать состояние политики, экономики и других сфер жизни как можно точнее и красочнее. Можно заметить, что значение слова «картина» в прессе чаще относится к киноиндустрии потому, что в газетах часто дают интервью режиссёры и ведётся обсуждение их деятельности или освещаются мировые события. Скорее всего, печатные издания, по которым проводился поиск, имеют отдельную колонку или раздел, где публикуется информация, касающаяся киноиндустрии.

Завершив своё исследование по изучению различных *полей* выбранного нами слова «картина», мы пришли к выводу, что в русском языке данное слово имеет меньше значений, чем слово «picture» в английском языке. Проводя исследования, мы поняли, что печатные и электронные виды толковых словарей предоставляют очень схожую, а иногда идентичную информацию по выбранному нами слову «картина». Коррелирующее слово «picture» в английском языке, по сравнению с русским словом «картина», имеет намного больше значений, так как используется не только в искусстве, но и для описания вида, образа, в фото- и киноиндустрии. Русское же слово «картина» входит в очень ограниченный круг использования – в основном слово используется в искусстве и реже для описания образа. Значение ‘кинофильм’ считается устаревшим и в наши дни заменено словом «фильм».

Тезаурусы также предоставляют различную информацию о выбранном ассоциативном поле. Ассоциативное поле русского слова «картина» оказалось не столь широким, как у английского слова «picture», которое захватывает несколько сфер деятельности: искусство, кинопроизводство, фотоиндустрию и широко используется для описания или выражения идей. Полученные поля русского слова «картина» несколько сходны с ассоциативными полями английского слова «picture».

С помощью корпусов мы выделили всего 6 значений русского слова «картина», которые используются в текстах на русском языке. В основном, они используются для описания картин, но с помощью газетного корпуса текстов русского языка мы выявили, что в публицистических текстах слово «картина» постоянно используется для описания премьер фильмов в кинотеатре. Из этого можно сделать вывод, что в современных текстах русское слово «картина» можно встретить не только в своём прямом значении, но и в значении, относящемся к киноиндустрии. Хочется отметить, что русское слово «картина» все равно имеет меньше значений, чем английское слово «picture», значение

которого в текстах изменилось. В ранних текстах на английском языке данное слово выступало в своём прямом значении 'произведение живописи в красках' и использовалось для описания образа, а в современных текстах чаще используется в значении 'фотография' и значениях, относящихся к киноиндустрии. Если сравнивать значения, которые можно выделить из текстов для русского слова «картина» и английского слова «picture», то можно чётко проследить, что для английского слова выделяется более 7 значений слова, в то время как для русского – около 5.

Список литературы

1. Арлукевич М.Е. Развитие значения слова "PICTURE" по данным словарей и корпусов текстов // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. ст.. Тверь, 2017. С. 5–8.
2. Большой академический словарь русского языка, Санкт-Петербург, 2007. 419 с.
3. Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова [электронный ресурс] / URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 26.01.2018)
4. Газетный корпус текстов русского языка [электронный ресурс] / URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html> (дата обращения 03.03.2018)
5. Основной корпус текстов русского языка [электронный ресурс] / URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения 03.03.2018)
6. Популярный толково-энциклопедический словарь русского языка [электронный ресурс] // URL: <https://slovar.cc/rus/tolk-enc.htm> (дата обращения 26.01.2018)
7. Поэтический корпус текстов русского языка [электронный ресурс] URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html> (дата обращения 03.03.2018)
8. Синтаксический корпус текстов русского языка [электронный ресурс] URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-syntax.html> (дата обращения 03.03.2018)
9. Словарь русского языка в 4х томах, Москва, 1982.
10. Словарь-синонимов.рф [электронный ресурс] / URL: <http://xn----7sbfc3aaqnhaffduk9p.xn--p1ai/> (дата обращения 23.04.2018)
11. Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова .М.,1994. 1325 с.
12. Толковый словарь С.И. Ожегова [электронный ресурс] / URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 26.01.2018)
13. Толковый словарь С.И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [электронный ресурс] / URL:<http://ozhegov.textologia.ru/> (дата обращения 26.01.2018)
14. Толковый словарь Ушакова [электронный ресурс] / URL: <https://ushakovdictionary.ru/ushakov.php> (дата обращения 26.01.2018)
15. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [электронный ресурс] / URL:<https://vasmer.lexicography.online> (дата обращения 7.04.2018)
16. Kartaslov.ru [электронный ресурс] / URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения 23.04.2018)
17. Sinonim.org [электронный ресурс] / URL: <https://sinonim.org/> (дата обращения 23.04.2018)
18. TEXT.RU [электронный ресурс] / URL: <https://text.ru/synonym> (дата обращения 23.04.2018)

КАРТИНА AND PICTURE: COMPARING THE MEANINGS IN RUSSIAN AND ENGLISH

М.Е. Arlukevich
Tver state University, Tver

The article gives the results of comparing and analyzing meanings of the two correlates on the basis of dictionaries (both printed and electronic) and text corpora data.

Key words: *thesaurus, electronic dictionary, text corpus, semantic field, associative field, development of the word meaning.*

Сведения об авторе:

АРЛУКЕВИЧ Маргарита Евгеньевна – магистрант факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, e-mail: picassonogokko@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ МАКРОКОНЦЕПТА *ДЕТИ*

(на материале психолингвистического эксперимента)

У.А. Басова

Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО, Санкт-Петербург

В статье рассматривается история слова *дети*, развитие мотивирующих признаков макроконцепта *дети*. Анализируются данные, полученные в ходе психолингвистического эксперимента, проведенного среди курсантов военно-технического вуза г. Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: *Этимология, внутренняя форма слова, мотивирующие признаки концепта, психолингвистический эксперимент.*

С позиции когнитивной лингвистики психические процессы, происходящие в сознании и мышлении человека, отражаются в виде ментальных конструкторов – концептов. Концепт является базовым термином когнитивной лингвистики. В процессе вербализации и категоризации знаний, их хранения и оперирования ими, весьма актуальным являются концептуальные исследования.

Основным термином, которым оперирует когнитивная лингвистика, является *концепт*. На современном этапе развития языкознания исследование концептов представляется очень важным с точки зрения понимания процессов категоризации и вербализации знаний, а также хранения полученных знаний в сознании человека и оперирование ими в процессе коммуникации. С позиций психолингвистики, А.А. Залевская [2: 8] определяет *концепт* как продукт психических процессов (познания и общения). Концептами формируется концептуальная картина мира (далее – ККМ), являющая собой всю базу накопленных этносом знаний. ККМ – основа индивидуального и общественного сознания, создающего общее когнитивное пространство, без которого процесс коммуникации невозможен.

Ментальное образование *дети*, несомненно, относится к разряду базовых, представляющих основу русской ментальности. В это понятие народ вкладывает душу, сердце, все самое ценное, что в нем есть. Рождение детей означает, что этнос продолжает жить, что он не уходит с исторического поля на нашей планете. Поэтому языковое наполнение этого концепта весьма насыщено с самых древних времен.

Объектом исследования в данной статье выступает русский макроконцепт *дети*. Концепт – это «совокупность признаков, необходимых и достаточных для идентификации фрагмента мира или части такого фрагмента» [4: 131]. Макроконцепт *дети* имеет несколько слов – вербализаторов и объективируется в русском языке существительными *дети, малыши, детвора, малышня, ребята, ребятки, ребятня, выводок, детишки, детушки, мальцы, мелкота, мелюзга, пацанье, пацанята, ребятки, школяры, шпендики*. В связи с большим

многообразием слов-репрезентантов макроконцепта ограничимся исследованием одного вербализатора – лексемы *дети*.

«Этот макроконцепт имеет несколько языковых единиц, вербализующих его. Макроконцепт *дети* объективируется в русском языке с помощью существительных *дети, ребенок, чадо, дитя*. Все эти существительные являются репрезентантами соответствующих концептов» [1: 64].

Концептуальный анализ считается одним из ведущих методов лингвистических исследований. Его приемы развиваются и совершенствуются. Одним из этапов концептуального анализа является выявление мотивирующих признаков.

Мотивирующим называется такой признак, «который послужил основанием для именованья некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова» [4: 155]. Известно, что «внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными» [6: 100].

Выявление внутренней формы слова нам доступно с помощью этимологических словарей. Несомненно, хочется заглянуть гораздо глубже, созерцать таинственный момент изначального рождения слова. Если верить в Разумный Источник всего происходящего, то никакое слово не может быть случайным набором звуков, оно содержит самую суть явления. Знать имя – значит знать силу, качества предмета, владеть им.

Мы определяем первообразы, которые составляют основу номинации, обращаясь к этимологическим словарям. «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных указывает, что *дети* – это: «1) сыновья, дочери по отношению к родителям; 2) малолетние, дошкольного или школьного возраста, по отношению к взрослым», В этом словаре даются следующие толкования происхождения слова *дети*: «мн.ч., корень *de-*; суффикс *-t*, как общеславянское **datъ* (сравнить со старославянским ‘благодать’). Индоевропейский корень **dhe(i)-, *dhoi-* – доить, кормить грудью, тот же, что общеславянское **dojiti, *deva*». С XI века упоминается ‘дѣти’, являющееся множественным числом от * дѣть [9: 246-247].

П.Я. Черных пишет, что лексема *дети* является производной множественного числа от лексемы *дитя* [10: 246]. Для более полного выявления мотивирующих признаков считается целесообразным рассмотреть подробно этимологию слова *дитя*.

Слово *дитя* находим в словаре Г.П. Цыганенко. Исследователь дает информацию о древнеславянском происхождении слова *дитя* (мн.ч. *дети*) в значении «ребенок». Как следствие изменения л на я, из древнерусского слова *дитл, дѣтл* – ‘младенец’, ‘сын, дочь’ развилась современная его форма. Эта лексема восходит к праславянскому слову **dete* ‘дитя’, первоначально имевшая значение ‘вскормленное грудью’, собственно ‘сосущее грудь’, ‘доящее’. Гласный *ě* (Ѣ) дал е, что можно видеть в форме множественного числа *дети*.

Из древнерусского *детина* <дитя, юноша> развилось русское слово *детина* ‘рослый и сильный молодой мужчина’ (встречается в памятниках XIII

в.). Гласное *e* в нем из Ъ (*ë*). На основе слова *дЪтина* в результате ассимиляции гласного *i* гласным *и* в последующем слоге, развилась форма единственного числа с гласным *и* в корне.

Праславянское **dete* ‘дитя’, имеющее буквальное значение ‘сосунок’, восходит к древнему причастию **detent* ‘сосущее, доящее’, ‘вскормленное’, в свою очередь идущее от индоевропейского **dhei* ‘сосать’, видимо, имеющего единый корень с **dher* ‘носить’, ‘рождать’. В суффиксе *-ent* звук *t* отпал, а сочетание *en* в конце слога изменилось в носовой гласный *e*, давший в восточнославянских языках гласный *я*.

Суффиксом *-ть* от корня **dh* образовано старославянское *д'ьтъ* в единственном числе, возможно, имеющее значение ‘ребёнок мужского пола’, множественное число – *д'ьти*), а суффиксом *-ва* – слово *дѣва* – ‘дева’, ‘ребёнок женского пола’, что соответствует в современному русскому слову *дева* – ‘девушка’, сохранившемуся в рамках устаревшего поэтического употребления. Индоевропейский корень **dhci-* имел вариант **dhoi-*, который отражен в слове «доить» [9: 89].

Этимологический словарь русского языка А.Г. Преображенского гласит, что слово *дитя* (родительный падеж – *дитяти*, множественное число – *дету*) восходит к санскритскому *dhénâ*, *dhenus* ‘дойная корова’, *dhätave* ‘сосать’; *dhâtrî* ‘кормилица’, ‘мать’; *su dhâ* ‘нектар’; *dhayati* ‘сосет, пьет’. Индоевропейский корень **dhei-* ‘сосать, кормить грудью’ (**dhë-*, **dhî-*, **dhi*). [7: 123].

М. Фасмер отмечает, что слово «*дитя* (средний род, множественное число – *дету*, старославянское *дЪти* – от формы единственного числа **дЪть*; Форма на *i* в первом слоге встречается только в восточнославянском использовании, возможно, как результат ассимиляции **дЪтина*. Эти слова восходят к индоевропейскому **dhei-* ‘кормить грудью, сосать’. О чем свидетельствуют древнеиндийское *dhenus* ‘дойная корова’, *dhatave* ‘сосать’, *adhat* ‘сосал’ [8: 9].

На основе анализа словарных статей мы можем сделать выводы, что мотивирующими признаками макроконцепта *дету* являются ‘маленькие’, ‘рожденные’, ‘ребенок’ (мальчик / девочка, сын/дочь), ‘сосущие’, ‘вскармливаемые грудью’, ‘носимые / вынашиваемые’. Изначально в русском языке детьми считались маленькие по возрасту, недавно рожденные сыновья и дочери, пищей которых было материнское молоко.

Все эти признаки актуальны по сей день и понятны нашим современникам. А.А. Залевская говорит о том, что «ассоциативный эксперимент может стать полезным источником информации о степени актуальности различных лексико-семантических вариантов одного и того же слова для исследуемой группы людей» [3]. Для исследования данного вопроса был проведен психолингвистический эксперимент среди курсантов военно-технического института г. Санкт-Петербурга. В эксперименте участвовало 112 человек, носителей русского языка. Все – мужчины, возрастной диапазон которых 18-23 года. Для определения реального значения лексемы *дету* в

сознании участников и выявления образов, которые вызывает данное понятие, а также для конкретизации субъективной дефиниции, выявления понимания и восприятия данного концепта, испытуемым были предложены анкеты, в которых поставлены следующие вопросы.

1. Дайте определение слову ДЕТИ.
2. Назовите 10 основных признаков детей.
3. Укажите возраст, до которого люди считаются детьми.
4. Назовите синонимы к слову ДЕТИ.
5. Назовите пословицы и поговорки, относящиеся к детям.

Общей целью эксперимента являлось выявление и описание национально-культурной специфики восприятия слова-стимула *дети* как фрагмента русской языковой картины мира. В рамках данной статьи нас интересует сохранность и видоизменение мотивирующих признаков в специфичной концептуальной картине мира.

В ходе эксперимента получены следующие результаты.

Мотивирующий признак ‘маленькие’ представлен следующими ассоциациями:

маленькие (17), маленькие люди(1) Малолетки(1) маленькое чудо(1), люди маленького возраста (1), маленькие дети до 18 лет(1) младенец (3), малыши (22), малыш (7), Мелкие (2), мелюзга (1), мелкота(1), малолетки(1) малышня(1), малой(2), мелочь(1), человек малого возраста(1), маленький возраст(1), маленькое телосложение(1), дети – маленькие занозы(1), рост – маленький, вес – маленький (1).

Отвечая на вопрос 5, курсанты называли пословицы и поговорки, свидетельствующие об ассоциации с данным мотивирующим признаком. «*Мал да удал*» (25), «*Устами младенца глаголит истина*» (10), «*Мал золотник да дорог* (3)».

Мотивирующий признак ‘рождённые’. Высказывания курсантов, описывающие данный признак немногочисленны.

Недавно родившийся человек (1), люди от рождения до совершеннолетия (1), дети в возрасте 0-18 (1), человек от рождения до окончания пубертатного периода (2), название человека в период жизни с рождения и до 10-12 лет (1), люди в период от рождения до подросткового возраста (1).

Мотивирующий признак ‘мальчик/девочка’.

Мальчики или девочки в раннем возрасте (2), мальчик или девочка в раннем возрасте до отрочества (1), мальчики девочки (2), сын, дочь (2), особь человека возрастом до 18 лет мужского или женского пола (1).

Мотивирующий признак ‘сосущие’ обнаружен в следующих ассоциациях: *соска (1), бутылочка (1).*

Мотивирующий признак ‘вскармливаемые грудью’. Маленьких детей матери или кормилицы кормят грудным молоком. (0)

Мотивирующий признак ‘носимые / вынашиваемые’. Женщины детей до их рождения вынашивают, носят в чреве. (0)

Таблица. Мотивирующие признаки макроконцепта *дети* в восприятии курсантов военно-технического института

№№	Мотивирующие признаки	Кол-во примеров	% соотношение
1.	‘маленькие’	107	86,2%
2.	‘рожденные’	7	5,6%
3.	‘мальчик/девочка’	8	6,5%
4.	‘сосущие’	2	1,7%
5.	‘вскармливаемые грудью’	0	0%
6.	‘носимые / вынашиваемые’	0	0%
	Всего:	124	100

Как видно из приведённых в таблице данных, в ассоциациях курсантов военно-технического института наблюдается явное преобладание первого мотивирующего признака ‘маленькие’ (86,2%). Немногочисленны ассоциации, связанные с признаками ‘рождённые’ (5,6%), ‘мальчик/девочка’, (6,5%), ‘сосущие’ (1,7%).

Мотивирующие признаки ‘вскармливаемые грудью’ и ‘носимые / вынашиваемые’ не вызывают ассоциаций у испытуемых. Предполагаем, что это связано с возрастной и гендерной спецификой участников эксперимента, являющихся молодыми, в подавляющем большинстве неженатыми и не имеющими детей мужчинами, проживающими в казармах. Вскармливание грудью и вынашивание детей исключительно женское естественное занятие. Возможно, что, в связи с образом жизни, в сознании курсантов военного вуза эти два процесса не находятся в прямой ассоциации понятием *дети*. В их утверждениях часто упоминаются *дети* как требующие заботы, слабые, незащищенные, беспомощные, зависимые существа, что говорит о более «мужском» подходе к образу детей. Однако эти признаки относятся к разряду понятийных и не входят в рамки данного исследования.

В результатах эксперимента проявились особенности восприятия языкового стимула *дети* в среде курсантов военно-технического вуза. Выявлены наиболее частотные реакции на слово дети, зафиксирована сохранность одних и видоизменение других мотивирующих признаков в специфичной среде.

Список литературы:

1. Басова У.А. Пименова М.В. Мотивирующие признаки макроконцепта *дети* // Мир в языке и культуре. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 144 с. С. 64-67. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 14).

2. Залевская А.А. Психолингвистические исследования // Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
3. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование / А.А. Залевская. Воронеж, 1990. 205 с.
4. Колесов, В. В., Пименова, М. В. Введение в концептологию: учебное пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова. М.: Флинта, Наука, 2016. 248 с.
5. Пименова М.В. Душа и жизнь: особенности концептуализации / М.В. Пименова // Филологический сборник; отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. Вып. 2. С. 130-135.
6. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 190 с.
7. Преображенский, Александр Григорьевич. Этимологический словарь русского языка / сост. А. Преображенский. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1910–1914 (фототипическое переиздание в 1959).
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Изд. 2-е, стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. С. 116.
9. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Радянська школа, 1989. 511 с.
10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х томах. М.: Русский язык, 1994. Т. 1. С. 246-247. Т. 1./ URL: file:///C:/Users/ulian/Documents/russ-hist-etym-chernykh-1.pdf. – Т. 2. Режим доступа: https://www.slovorod.ru/etym-chernykh/_pdf/russ-hist-etym-chernykh-2.pdf. Дата обращения: 4.05.2018 г.

TRANSFORMATION OF MOTIVATING SIGNS OF THE MACROCONCEPT *CHILDREN* (psycholinguistic experiment results)

U. A. Basova

Military Institute (Engineering) MA MTS, St. Petersburg

The history of the word children is described in the article. The article deals with the transformation of motivating signs of the macroconcept children. The analyzed data were obtained through a psycholinguistic experiment in which cadets of a military institute participated.

Key words: *Macroconcept, motivating signs, psycholinguistic experiment.*

Сведения об авторе:

БАСОВА Ульяна Анатольевна – преподаватель кафедры иностранных и русского языков Военного института (инженерно-технического) ВА МТО, г. Санкт-Петербург, e-mail: uliana.basova@hotmail.com

УДК 81

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОРПУС КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ ПОЛИСЕМАНТИЧНОГО СЛОВА

А.И. Доминикан

Военная Академия Воздушно-Космической Обороны
имени маршала Советского Союза Г.К. Жукова, Тверь

В статье рассматривается актуальная проблема лексической многозначности и пути её разрешения с опорой на контекст при помощи лингвистических корпусов. Приводятся определения терминов «лингвистический корпус», «полисемия» и «полисемантическое слово».

Ключевые слова: семантика, корпусная лингвистика, контекст, многозначность, полисемия, разрешение многозначности.

С приходом современных информационно-коммуникационных технологий в различные научные сферы, в частности и в лингвистику, возрастает популярность использования корпусов текстов для исследования различных аспектов языка. В данной статье мы рассматриваем лингвистический корпус в качестве инструмента для исследования значений полисемантического слова.

Под термином «лингвистический корпус» принято понимать массив текстов, собранных в единую систему по определённым признакам (языку, жанру, времени создания текста, автору и т. п.) и снабжённых поисковой системой. Лингвистический корпус может включать как тексты литературных произведений, газет и журналов, так и транскрипты радио- и телепередач [10: 99]. На странице Википедии, посвящённой слову «корпус», лингвистический корпус определяется как «подобранная и обработанная по определённым правилам совокупность текстов, используемых в качестве базы для исследования языка. Они используются для статистического анализа и проверки статистических гипотез, подтверждения лингвистических правил в данном языке» [1].

В статье «Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология» [6] Н. В. Козлова, опираясь на данные немецкоязычного источника, приводит следующее определение: «Корпус представляет собой собрание письменных и устных высказываний. Данные корпуса, как правило, оцифровываются, то есть хранятся на компьютерах и доступны в электронном виде. При этом составные части корпуса, тексты, состоят из данных, а также, возможно, из метаданных, описывающих эти данные, и из лингвистических аннотаций, которые эти данные упорядочивают» (цит. по [6: 79]). В той же статье автор приводит достаточно подробное описание лингвистического корпуса в диахронии. Одним из наиболее интересных с нашей точки зрения

определений термина является следующее: «... a collection of *naturally*-occurring language text, chosen to characterize a state of variety of a language» [13: 171].

В данном определении речь идет о неотредактированных текстах, то есть язык представлен в том виде, в котором он проявил себя в речи, даже если это проявление является отклонением от языковой нормы [6: 80].

С этой точки зрения самым большим корпусом можно считать Интернет (Web as Corpus), поскольку в сети в электронной форме и в свободном доступе представлено огромное разнообразие текстов. Но, как отмечают многие лингвисты, «тексты в Интернете представлены довольно хаотично, а лингвистически интересный запрос часто сложно или невозможно сформулировать с помощью языка запросов поисковой машины, по результатам поиска нельзя оценить представительность выборки и т.д.» [11: 128]. Здесь можно говорить о таком свойстве лингвистического корпуса текстов, как *наличие* или *отсутствие разметки*.

Разметка – это приписывание текстам и их компонентам специальных меток: внешних, экстралингвистических, структурных и собственно лингвистических, описывающих лексические, грамматические и прочие характеристики элементов текста [4: 6]. Метаразметка включает в себя сведения об авторе и о самом тексте [6: 81]. Разметка – это главная характеристика корпуса – она отличает корпус от простых коллекций текстов, в изобилии представленных в Интернете [11: 128].

Ещё одним свойством современного лингвистического корпуса выступает его *доступность в электронном виде*. При этом всё существующее множество корпусов текстов можно разделить на три категории:

- находящиеся в свободном доступе (например, Национальный корпус русского языка);
- находящиеся в частичном доступе (Британский национальный корпус);
- коммерческие (Bank of English) [6: 80].

Кроме того одной из важнейших характеристик корпуса текстов является *репрезентативность*. Так как корпус – это своеобразная модель языка, его репрезентативность определяет достоверность полученных на его основе данных. В корпусной лингвистике под репрезентативностью понимается сбалансированное и пропорциональное представление текстов в корпусе [9: 56]. Вопрос определения репрезентативности того или иного корпуса текстов является по сей день актуальным. Именно репрезентативность превращает обычный набор разнообразных текстов непосредственно в корпус текстов, пригодный для проведения лингвистического исследования. Репрезентативность лингвистического корпуса зависит от целей, которые ставит перед собой составитель корпуса: создание пользовательского корпуса либо национального корпуса определённого языка, претендующего на всеохватность языковых явлений, стилей, жанров и т. п. Вследствие этого

вопрос репрезентативности корпуса текстов является скорее вопросом из области объективности любого научного исследования [6: 81].

И, наконец, лингвистический корпус должен быть создан, несомненно, под определённую задачу, иными словами он должен быть *прагматически ориентированным*. Всё разнообразие существующих корпусов «определяется многообразием исследовательских и прикладных задач, для решения которых они создаются» [4: 12].

Говоря о типологии лингвистических корпусов, необходимо упомянуть наиболее часто выделяемые учёными типы корпусов. Например, по критерию языка представленных в корпусе текстов выделяют одноязычные, двуязычные и многоязычные корпуса. В свою очередь среди одноязычных корпусов можно выделить ещё две группы: корпуса, охватывающие весь язык и охватывающие только язык для специальных целей, например корпус медицинских текстов и т.д. [6: 82].

Кроме того выделяют устные, письменные и смешанные корпуса текстов. Как видно из названий, в устных корпусах представлены устные тексты, в том числе транскрипты теле- и радиопередач, выступлений и т.п.; в письменных – письменные тексты, например, художественные произведения, эссе, а в смешанных – оба типа текстов [там же].

Синхронные корпуса предполагают представление текстового материала для рассмотрения состояния языка как системы в определённый момент времени, тогда как для рассмотрения исторического развития какого-либо языкового явления либо всей языковой системы в целом существуют диахронные корпуса [там же].

И, как говорилось ранее, выделяют размеченные и неразмеченные корпуса.

Некоторые исследователи полагают, что корпуса текстов могут использоваться для разрешения лексической многозначности. Многозначность слова представляет собой актуальную лингвистическую проблему, так как зачастую возникают трудности при понимании текста, который переполнен полисемантическими словами.

Остановимся на понятии многозначности. Полисемия (от греч. πολυσημία – ‘многозначность’) – многозначность, многовариантность, то есть наличие у слова (единицы языка, термина) двух и более значений, исторически обусловленных или взаимосвязанных по смыслу и происхождению [2].

В.В. Елисеева считает, что «многозначность, или полисемия слова – это наличие у языковой единицы более одного значения при условии семантической связи между ними или переноса общих либо смежных признаков или функций с одного денотата на другой» (цит. по: [3: 784]). В.Н. Немченко объясняет это явление «наличием у единицы языка более одного значения – двух или нескольких» [там же]. Таким образом, многозначное слово также называют *полисемичным* или *полисемантическим*.

А.Х. Мерзлякова в своей статье «Семантическая структура многозначных прилагательных» [7] подробно рассматривает структуру полисемантического слова, опираясь на труды А.А. Уфимцевой, Ю.Д. Апресяна, Д.Н. Шмелева, И.А. Новикова, Ю. Найды и др. В данной статье автор делает обзор разных точек зрения как на статус значений, так и на отношения между значениями внутри многозначного слова. Согласно одной точке зрения все значения многозначного слова равноправны, но существует некое общее значение, так называемый «инвариант», по отношению к которому все другие значения выступают как его варианты. Другая – отвергает идею общего значения, но допускает наличие общего компонента у всех значений многозначного слова [7: 116].

Также существует мнение, что среди значений полисемантического слова имеются денотативное (воспроизводимое) значение и производные от него значения (контекстуальные) [3: 784]. Контекстуальное значение слова влечет за собой вопрос о понятии «контекст».

Как правило, в речи слово употребляется в связи с другими словами, а не изолировано. Грубо говоря, контекст – это окружение слова. В словаре С.И. Ожегова приводится следующее значение данного термина: «

КОНТЕКСТ, -а, м. (книжн.). Относительно законченная в смысловом отношении часть текста, высказывания. *Значение слова узнается в контексте.* || прил. контекстный, -ая, -ое и контекстовый, -ая, -ое» [8].

Под «языковым контекстом» обычно понимается «фрагмент текста или речи, содержащий избранное для анализа языковое выражение или единицу языка» или «ситуация употребления анализируемого выражения» [12: 1201]. Выделяются несколько уровней понимания контекста:

- минимальный контекст, в котором реализуются лексические и морфолого-синтаксические явления;
- текстовый контекст, включающий в себя фрагменты текста вплоть до текста целиком;
- контекст, предполагающий учёт текстов определенного типа (заданного функционального стиля, отобранной коллекции текстов и т.д.) (цит. по: [9: 57]).

Контекст не только выявляет данное значение слова, но и уточняет и конкретизирует его, создает вокруг него определённый круг ассоциаций [3: 789]. Некоторые учёные полагают, что контекст является *единственным* средством идентификации значения многозначного слова:

«Context is the only means to identify the meaning of a polysemous word. Therefore, all work on sense disambiguation relies on the context of the target word to provide information to be used for its disambiguation» [13: 18].

Понятия «контекста» и «лингвистического корпуса» неразрывно связаны. Лингвистический корпус представляет практически неограниченные возможности для размежевания отдельных значений внутри многозначного

слова, так как языковые данные разного типа находятся в корпусе в своей естественной контекстной форме и позволяют исследователям уловить малейшие оттенки значений искомого слова. Огромные объёмы современных корпусов позволяют делать статистически значимые наблюдения о совместной встречаемости слов в разных значениях. При этом лучшие результаты дают аннотированные, или размеченные, корпуса [5: 90]. Создание больших аннотированных корпусов позволяет уточнять наборы значений слов не только в различных социальных группах или определённых предметных областях, но и в отдельных идиолектах. Эти данные также могли бы использоваться при разрешении неоднозначности (в условиях, когда отсутствует контекст, но известен говорящий) [цит. раб.: 98]. Кроме того корпусные исследования позволяют выявлять и уникальные авторские значения [цит. раб.: 99].

Подводя итоги, следует отметить, что лингвистический корпус является незаменимым инструментом для идентификации значения полисемантического слова. Корпус текстов предоставляет контекст, который позволяет раскрыть малейшие оттенки значения исследуемого слова, а также нюансы его употребления. При этом необходимо подчеркнуть, что исследователь получает возможность работы с выборкой текстов, соответствующей целям его исследований.

Список литературы

1. Википедия [Электронный ресурс] / URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Корпус_текстов (дата обращения: 23.08.2018)
2. Википедия [Электронный ресурс] / URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Полисемия> (дата обращения: 30.08.2018)
3. Галеева Т.И., Казиахмедова С.Х., Янова Е.А. Явление полисемии как феномен лингвистики // Вестник Удмуртского университета//История и филология. 2017. № 5. с.784–794
4. Захаров В.П. Корпусная лингвистика. СПб., 2005.
5. Иомдин Б.Л. Многозначные слова в контексте и вне контекста // Вопр. языкозн. 2014. № 4.С.87–103.
6. Козлова Н.В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2013. Т. 11. № 1. С. 79–88.
7. Мерзлякова А.Х. Семантическая структура многозначных прилагательных // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки, 2007. №5 (2). С. 115–122
8. Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
9. Павельева Т.Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов / Т.Ю. Павельева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. № 3–4 (155–156)) Тамбов, ТГУ, 2016. С. 56–61.
10. Сысоев П.В. Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам // Язык и культура, 2010. №1 (9). С. 99–111: [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/09/image/09-099.pdf> (дата обращения: 18.12.2014).

11. Чернякова Т.А. Использование лингвистического корпуса в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2011. № 4. С. 127–132.
12. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Ин-т философии РАН. Гл. ред. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2009. 1248 с.
13. N. Ide, J. Véronis. Introduction to the special issue on word sense disambiguation: the state of the art // Computational linguistics. 1998. V. 24. № 1 Pp. 2–40
14. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford, 1991. 179 p.

CORPUS AS A WORD SENSE DISAMBIGUATION TOOL

A.I. Dominikan

The Zhukov Military Aerospace Defense Academy, Tver

The work is devoted to a linguistic corpus as a word sense disambiguation tool. It gives a short overview of the following terms: «corpus», «polysemy» and «polysemous word»

Keywords: *semantics, corpus linguistics, ambiguity, polysemy, context, WSD.*

Сведения об авторе:

ДОМИНИКАН Алина Игоревна – преподаватель кафедры иностранных языков Военной Академии Воздушно-Космической Обороны имени маршала Советского Союза Г.К. Жукова, e-mail: madara-san@list.ru

УДК 181-119

РАЗЛИЧИЕ ПОЛНОЙ И КРАТКОЙ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ФУНКЦИИ ПРЕДИКАТА (на основе экспериментального материала)

С. В. Мкртычян

Тверской государственной университет, Тверь

В статье рассматривается проблема семантического соотношения полных и кратких форм предикативных прилагательных; делаются выводы о закономерностях их противопоставления с привлечением экспериментального материала.

Ключевые слова: семантика, полные и краткие формы прилагательных, предикативность, атрибутивность, эксперимент, интерпретация.

Употребление полных (далее – ПФ) и кратких (далее – КФ) форм прилагательных в предикативной функции чрезвычайно продуктивно для системы русского языка. Этому вопросу посвящена обширная литература. Обзор актуальных точек зрения и критериев разграничения интересующих форм прилагательных содержится в опубликованной нами статье [4]. Резюмируя, можно отметить, что семантические различия между ПФ и КФ до сих пор трактуются неоднозначно и вызывают научные дискуссии.

На сложность семантического противопоставления ПФ и КФ указывал ещё академик А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» (изд. 1925/27 г.г.) [6: 493]. По-разному трактуя сущность семантических различий форм прилагательных, современные исследователи приходят к общему выводу, что интерпретационный потенциал рассматриваемой корреляции заключается прежде всего в расширении собственно категориального противопоставления за счёт вовлечения в поле зрения интерпретатора экспликационных и импликационных возможностей контекста.

Так, А.А. Котов детально анализируя соотносительные пары КФ – ПФ на материале, извлечённом из Национального корпуса русского языка, отмечает, что на семантическую корреляцию влияют разнообразные темпоральные экспликаторы: глагольные связки, лексические указатели темпоральности, конструкции с модусным значением в составе сложных [3]. Они способны как нивелировать, так и создавать семантические различия, «наслаиваясь» друг на друга и порождая новые возможности семантической интерпретации. Так, в сочетании с темпоральными экспликаторами *всё время* и *всегда* предикативный признак представляется нам как постоянный, присущий его носителю в любой момент времени независимо от момента речи: *он всё время болен* и *он всегда болен*.

Ответ на вопрос о том, каким образом представлена интересующая тема в учебно-дидактической литературе, содержится в нашей обзорной статье [4]. По понятным причинам проблема семантического противопоставления ПФ и КФ

не может быть проигнорирована ни справочными, ни учебно-дидактическими изданиями. Жанр подобного рода литературы предполагает приведения материала к некоей редуцированной схеме. Так, в известном справочнике Д.Э. Розенталя выделено пять весьма схематичных различий [5].

По-видимому, выбор той или иной формы в практике реального использования языка регулируется целым набором факторов и условий (коммуникативных, образных, стилевых, прагматических и т.д.). Здесь трудно говорить о системе строго заданных статичных правил. Мы исходим из того, что употреблённое слово является «живым» (см. о концепции «живого» слова проф. А.А. Залевской [1: 21–24]), только реальное высказывание способно дать «живое» пристрастное знание, противопоставленное искусственному, мёртвому, механическому (см. о концепции «живого» знания В.П. Зинченко [2: 22–40]). Каждый факт языкового использования окутан сетью смысловых векторов, которые обусловлены его различными компонентами. Все они создают некую смысловую перспективу, определяющую категориальный модус высказывания, который даже носителями языка зачастую интерпретируется с трудом.

С целью исследования чувствительности носителей языка к смысловым различиям ПФ – КФ оппозиции был проведён эксперимент. В эксперименте приняли участие 20 магистрантов по направлению «Лингвистика». Задание для проведения эксперимента было сформулировано следующим образом: Прочитайте реплики и определите, в каких контекстах а) формы по смыслу не отличаются; б) формы по смыслу отличаются. Прокомментируйте обнаруженные смысловые различия.

В качестве стимульного материала выбрано 14 пар высказываний (три из них представлены в нашей статье [4]), содержащих ПФ – КФ оппозиции прилагательных в предикативной функции. Контексты позволяют установить дифференциальные признаки каждой из пар в том случае, если эти признаки распознаются испытуемыми (далее – Ии.).

Ниже представлены полученные ответы по каждому из контекстов.

1. Жизнь ПРЕКРАСНАЯ/ПРЕКРАСНА!

1. Выражения не отличаются по смыслу – 3 ответа

2. Выражения отличаются, но объяснить не могу – 0 ответов.

Комментарии представлены в табл. 1.

Таблица 1. Комментарии Ии. к контексту 1.

Комментарии к контексту с ПФ	Комментарии к контексту с КФ
Оценочное суждение по отношению к чьей-либо жизни; у кого-то жизнь прекрасная, у кого-то горестная, ужасная	Восклицание, восхищение, возглас радости, эмоциональное высказывание, человек так говорит, когда очень рад чему-то
Разговор о состоянии материи в целом	Разговор о жизни отдельного человека
Прекрасная по каким-то причинам	Мимолётное ощущение; именно в данный момент так чувствую
-	Человек доволен жизнью в какой-то мере

Доволен в материальном плане	Доволен каким-то событием, он счастлив. Гармония в духовной сфере
Описание	Восклицание
Жизнь отдельно взятого человека	Жизнь в принципе
Характеристика жизни	Общая характеристика жизни как явления
В жизни у человека всё замечательно	Какие-то обстоятельства обрадовали человека, на что он эмоционально реагирует

2. Вечер СВОБОДНЫЙ/СВОБОДЕН

1. Выражения не отличаются по смыслу – 5 ответов
 2. Выражения отличаются, но объяснить не могу – 0 ответов
- Комментарии представлены в табл. 2.

Таблица 2. Комментарии Ии. к контексту 2.

Комментарии к контексту с ПФ	Комментарии к контексту с КФ
Значит, что на вечер никаких планов не было намечено	Некоторые планы отменены и вечер освободился
Неофициальное звучание	Официальное звучание (Вы можете записаться)
Свободный для чего-либо, вечер свободный, чтобы пойти в кино	Вечер свободен – планов нет
Этот вечер у меня всегда свободный, каждую неделю, люблю в свой свободный вечер погулять и почитать	Этот вечер у меня сегодня свободен, потому что мероприятие отменилось, или вечер свободен, пока что планов нет
Вечер изначально был свободный, без дел	Вечер освобождён от дел
Вечер был свободный задолго до времени говорения	Вечер освободился ввиду обстоятельств
Вечер, который бал свободен, будет или свободен сейчас	Состояние вечера на данный момент

3. Ребёнок ГОЛОДНЫЙ/ГОЛОДЕН

1. Выражения не отличаются по смыслу – 7 ответов
 2. Выражения отличаются, но объяснить не могу – 0 ответов
- Комментарии представлены в табл. 3.

Таблица 3. Комментарии Ии. к контексту 3.

Комментарии к контексту с ПФ	Комментарии к контексту с КФ
Ближе к прожорливый	Голоден в момент говорения
Его в принципе не кормят, он голодает	Своевременно проголодался, захотел кушать, так как, например, пришло время обеда
Очень хочет есть	Хочет есть, но не так сильно
Может быть постоянным признаком	Только ситуативно
Голодный в данный момент	Выражает более длительный отрезок времени

4. Щенок ЖИВОЙ/ЖИВ

1. Выражения не отличаются по смыслу – 3 ответа
2. Выражения отличаются, но объяснить не могу – 0 ответов

Комментарии представлены в табл. 4.

Таблица 4. Комментарии Ии. к контексту 4.

Комментарии к контексту с ПФ	Комментарии к контексту с КФ
Живой – значит в целом, родился живой щенок 2	Жив – результат после какого-то ЧП 2
Живой – значит подвижный	Антоним к «мёртв»
Значит существует	Есть вероятность, что мог пострадать, пережить опасную ситуацию
Со щенком всё в порядке	Остался жив после какого-то случая
В смысле весёлый	Жив после какого-то происшествия, было неизвестно, выживет или нет
Постоянное состояние	Оценка состояния после бедствия или происшествия
Щенок игривый, живой	Щенок выжил, спасён
Щенок всё чувствует, не надо его обижать ему будет больно	Выжил, спасли (например, от болезни) и он жив до сих пор

5. Человек ГЛУХОЙ/ГЛУХ

1. Выражения не отличаются по смыслу – 2 ответа
 2. Выражения отличаются, но объяснить не могу – 0 ответов
- Комментарии представлены в табл. 5.

Таблица 5. Комментарии Ии. к контексту 5.

Комментарии к контексту с ПФ	Комментарии к контексту с КФ
Лишён способности слышать звуки (4 ответа)	Глух к моим просьбам, мольбам (4 ответа)
Отсутствие слуха (3 ответа)	Не хочет слышать (3 ответа)
Физически не слышит, инвалидность (3 ответа)	Безразличный, не слышит чужого мнения (3 ответа)

6. Парень ХОРОШИЙ/ХОРОШ

1. Выражения не отличаются по смыслу – 0 ответов
 2. Выражения отличаются, но объяснить не могу – 1 ответ
- Комментарии представлены в табл. 6.

Таблица 6. Комментарии Ии. к контексту 6.

Комментарии к контексту с ПФ	Комментарии к контексту с КФ
Может отражать внутренние качества	Описывает внешность человека
Постоянная характеристика: добрый, заботливый,	Хорош в какой-то области, в деле, во внешности
Он такой по жизни с точки зрения говорящего	Этот признак проявляется в какой-то конкретной ситуации; парень успешен в каком-то деле
Употребляется только в положительном контексте	Может быть употреблена в отрицательном контексте
По своим внутренним характеристикам (как другие хорошие)	Хорош в каком-то деле
Положительная коннотация	Коннотация может различаться в зависимости от интонации

По внутренним качествам	По внешним признакам
Обладающий желаемыми качествами	Хорош в определённой области
Качество	Оценка
Добрый человек; обладает положительными личностными качествами	Хорош в каком-то деле, хорош собой
Общая характеристика парня	Доставляющий радость взору, производящий приятное впечатление

7. Кусок ЦЕЛЫЙ/ЦЕЛ

1. Выражения не отличаются по смыслу – 2 ответа
 2. Выражения отличаются, но объяснить не могу – 0 ответов
- Комментарии представлены в табл. 7.

Таблица 7. Комментарии Ии. к контексту 7.

Комментарии к контексту с ПФ	Комментарии к контексту с КФ
Большой кусок, не отполовиненный, Я съела целый кусок – значит ни с кем не поделилась.	Никто не съел его, кусок наличествует, его оставили и не тронули.
Кусок и был целый	Кусок остался цел
Целый сам по себе	Цел после падения
Все части на месте	Цел и невредим, в порядке
Речь идёт о размере	Нет каких-либо повреждений
Имеется в виду его объём	Кусок в сохранности, не разбит, без трещин
Большой кусок (но и нетронутый тоже)	Нетронутый
Не состоит из отдельных частей	Не нарушена целостность
Полный или нераздельный	Цел и невредим, без изъяна

8. Руководитель СТРОГИЙ/СТРОГ

1. Выражения не отличаются по смыслу – 1 ответ
 2. Выражения отличаются, но объяснить не могу – 1 ответ
- Комментарии представлены в табл. 8.

Таблица 8. Комментарии Ии. к контексту 8.

Комментарии к контексту с ПФ	Комментарии к контексту с КФ
Постоянная черта характера	Строг при выполнении определённой задачи, может использоваться даже более взрослыми людьми
Постоянная черта характера 5	Ситуативная (строго обошёлся)5
Качество проявляется постоянно	Проявляется к конкретным объектам
Руководитель обладает этим качеством всегда	Строг только в определённой ситуации; с определёнными людьми и т.д.
Выражение личностного качества	Векторное отношение к объекту «строг с кем-то»
Строгий всегда	Именно как руководитель, а как человек может быть добряком

9. Задание ТРУДНОЕ/ТРУДНО

1. Выражения не отличаются по смыслу – 2 ответа
2. Выражения отличаются, но объяснить не могу – 3 ответа

Комментарии представлены в табл. 9.

Таблица 9. Комментарии Ии. к контексту 9.

Комментарии к контексту с ПФ	Комментарии к контексту с КФ
Трудное, но выполнимое, чувствуется вызов либо предостережение	Слишком трудно, не могу его выполнить, дайте другое
Задание трудное для всех	Трудно для отстающих учеников
Трудное, когда человек говорит о нём, увидев его вскользь или в первый раз	Когда начал его делать и понял, что оно трудно
Трудное задание, к примеру, в тесте	Задание трудно сделать
Объективно трудное	Субъективно, но я с ним справлюсь
Для всех	Для определённого человека
Уровень задания	Оценка задания кем-то

10. Враг ХИТРЫЙ/ХИТЁР

1. Выражения не отличаются по смыслу – 4 ответа
 2. Выражения отличаются, но объяснить не могу – 0 ответов
- Комментарии представлены в табл. 10.

Таблица 10. Комментарии Ии. к контексту 10.

Комментарии к контексту с ПФ	Комментарии к контексту с КФ
Более нейтральное значение	Придаёт дополнительную окраску, чаще может использоваться при выражении досады или восхищения
Негативная характеристика	Положительная: враг, конечно, хитёр, молодец! Примерно знает, что ожидать от врага
Постоянная характеристика	Поступил хитро именно в данной ситуации
Ты ещё врага толком не знаешь	Враг тебя обхитрил и ты рефлексируешь по поводу его хитрости
Положительная характеристика	Отрицательная характеристика
Моё враг – хитрый человек, во всём ищет выгоду; скорее всего это один человек	Этот враг хитёр по отношению к нам и нашей вражде, хитёр в каких-то определённых ситуациях. Враг, возможно, это группа людей или целая страна
Качество врага	Хитёр именно сейчас

11. Девушка ЗЛАЯ/ЗЛА

1. Выражения не отличаются по смыслу – 0 ответов
 2. Выражения отличаются, но объяснить не могу – 1 ответ
- Комментарии представлены в табл. 11.

Таблица 11. Комментарии Ии. к контексту 11.

Комментарии к контексту с ПФ	Комментарии к контексту с КФ
Всегда, это черта её характера (8 ответов)	Её разозлили, по характеру может быть доброй (8 ответов)
-	зла на кого-то
Черта характера	
-	Сейчас

Таким образом, проанализированные и систематизированные ответы убеждают в том, что грамматическая категория полноты/краткости форм прилагательных в функции предиката принципиально не сводима к определённым значениям, способным объяснить всё разнообразие в употреблении этих форм. ПФ изначально атрибутивна, она сохраняет этот оттенок атрибутивности даже в функции предиката в контуре высказывания. Сам эффект предикативности заключается в том, что мы объективно приписываем признак предмету. В выражениях *Глаза красивы, Жизнь прекрасна* одному компоненту смысла приписывается другой компонент, эти компоненты разделены. Говорящий именно так интерпретирует действительность; не констатирует данность, а по-своему интерпретирует наблюдаемое. Это позиция *активного* наблюдателя, который готов обосновать почему, в силу каких причин субъект наделяется признаком, передаваемым КФ. В выражениях *Глаза красивые, Жизнь прекрасная* речь идёт не о двух отдельных компонентах смысла, сам предмет как бы растворён в признаке, признак является его неотъемлемой частью, это данность, которая не предполагает расчленения и анализа. Говорящий оказывается *пассивным* наблюдателем, который констатирует, что таково положение вещей. Иными словами, КФ аналитична, а ПФ описательна. Полагаем, что ПФ и КФ прилагательных передают не значения, а различные смысловые модусы: погружённость говорящего в поток опыта, который он осмысливает, *пассивно* наблюдает (ПФ); и активность по отношению к миру, который говорящий познаёт, наделяя смыслами с позиции своей перспективы *активного* наблюдателя (КФ).

Смысловое различие ПФ и КФ осложняется стилистическими различиями. Смысловый и стилистический векторы как бы уравновешены: чем отчётливее смысловое противопоставление, тем меньше стилистических возможностей, и наоборот, чем более размыто смысловое противопоставление, тем контрастнее стилистические эффекты: *Девушка злая – Девушка зла*.

Эти позиции не противопоставлены. Дело в том, что одна позиция перетекает в другую, наше сознание постоянно балансирует между ними. При этом ошибочно полагать, что динамический подход означает отказ от понимания грамматической категории как целого, растворяя ее в бесконечных частных случаях. В этом случае принципиально иным оказывается характер обобщения и интеграции, сам общий принцип, согласно которому говорящие осуществляют выбор и осмысление ПФ и КФ.

Именно эти процессы перехода от смыслового к стилистическому, от пассивного к активному (и наоборот!) находят отражение в языке через посредство использования различных форм прилагательных, создавая «живое» динамическое знание, интегрированное «живым» словом.

Список литературы

1. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.
2. Зинченко В.П. Психологическая педагогика: материалы к курсу лекций. Часть I. Живое Знание. Самара: 1998. 216 с.
3. Котов А.А. Семантическое противопоставление полных и кратких предикативных прилагательных в русском языке // Ученые записки Орловского государственного университета. №5 (61), 2014. С. 235–242.
4. Мкртычян С.В. Семантика полных и кратких форм прилагательных в предикативной функции (с привлечением материала экспериментов) // Вестник Тверского государственного университета. 2018. № 2. Серия «Филология». С. 111–117.
5. Розенталь Д.Э. Сборник упражнений по русскому языку для поступающих в вузы: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: Издательский дом "ОНИКС 21 век", 2004. 448 с.
6. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд., М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

THE SEMANTIC OPPOSITION OF FULL AND SHORT PREDICATIVE ADJECTIVES (supported with experimental data)

S.V. Mktytchian

Tver State University, Tver

In the article the semantic opposition of full and short adjectives predicates is considered. The conclusions about regularities of such opposition are drawn and illustrated with experimental data.

Key words: *semantics, full and short form of adjectives, predicativity, attribution, experiment, interpretation.*

Сведения об авторе:

МКРТЫЧЯН Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: mkrtytchian@mail.ru

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК СПОСОБ ОБОГАЩЕНИЯ БАНКОВСКОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.С. Сизов

Тверской государственной университет, Тверь

Современная эпоха «глобализации» привела к появлению в русском языке многих иностранных слов-заимствований из других языков. Статья посвящена рассмотрению иноязычных заимствований в банковской лексике русского языка как одного из факторов его «обогащения».

Ключевые слова: заимствование, банковская лексика, взаимодействие культур, ассимиляция.

В настоящее время общество переживает эпоху глобализации. Получая новости по телевидению, читая различные Интернет-ресурсы, блоги, и прочие СМИ, можно заметить, что происходит процесс слияния различных культур. Такой вывод можно сформировать исходя из многих аспектов, к примеру, прослеживается отход от традиционных русских ритуалов к западным, заимствование западных технологий, происходит интеграция иных культур в традиционную русскую, что способствует кардинальному изменению жизни общества. Одним из основных моментов, который является наиболее важным и проблематичным в настоящее время, следует назвать заимствование слов из иностранных языков, а также их ассимиляцию в русский язык.

Обратившись к мировой истории человеческих отношений, можно узнать, что ещё с давних времён межъязыковая коммуникация людей представляют собой обычное явление. Это стало возможным во многом благодаря переводческой деятельности. Взаимообогащение и взаимодействие литератур, культур, обычаев и традиций, предоставление доступа к различным культурным достижениям других наций – всё это мы имеем за счёт широкого распространения результата переводческой работы.

Отойдя от краткого исторического экскурса к взаимодействию общества и возвращаясь в наше время, стоит заметить, что заимствование слов и терминов из разных иностранных языков в русский язык является вполне нормальным явлением, иностранные слова глубоко проникли в речь каждого человека, в профессиональные сферы общества. В контексте данной статьи нас интересуют иноязычные заимствования из профессиональной лексики в сфере финансов, иначе говоря – банковской, финансовой лексики, а также ассимиляция таких заимствований, их применение в русском языке.

Стремительное развитие экономики ведёт к всё более интенсивному деловому взаимодействию между государствами, различными предприятиями, находящимися в разных странах, отдельными деловыми индивидами и т.п. Одной из самых быстроразвивающихся и социально значимых отраслей экономики по праву можно называть банковскую сферу. Поскольку банковское

дело представляет собой один из важнейших элементов системы под названием «экономика», будет справедливо утвердить, что важным аспектом успешного функционирования данного элемента совокупной отрасли экономики в целом будет эффективное использование финансово-банковской терминологической системы (см. об этом, например, [1]).

В начале 90-х годов XX века, после распада СССР, общение российского общества с западным миром предопределило заимствование различных финансовых и коммерческих терминов, например: *бартер, ваучер, дилер, дистрибьютор, инвестор, клиринг, лизинг, фьючерсные кредиты*. Взятый Правительством РФ новый курс на либеризацию экономики, переход от плановой к рыночной экономике – эти составляющие можно отнести к основным определяющим факторам заимствования иноязычных терминов в основном из английского языка. По новому экономическому курсу ориентир был взят на западную экономическую и банковскую систему. Ввиду острой общественной актуальности обозначенные этими терминами явления и сами термины выходят за пределы профессионального словоупотребления и широко используются в печати, на радио и телевидении [2: 32].

При изучении проблематики иноязычных заимствований финансовой терминологии в русском языке сразу возникает вопрос об истинных причинах появления и последующего употребления иностранных слов в русском языке. Выделим основные из них:

1. Появление новых экономических явлений в обществе и необходимость в их номенклатуре: *приватизация, бизнес, ваучер* и т.п.
2. Мировая экономика имеет, в целом, сложившуюся систему общепринятых терминов на основе английского языка. После развала СССР, как уже было упомянуто ранее, новое Правительство взяло за образец западную экономическую систему, поэтому была необходима эффективная интеграция в данный механизм, что поспособствовало развитию русского языка в финансовой сфере, в том числе за счёт иноязычных терминов.
3. «Мода». Текущее положение дел в изучении особенностей заимствования в русском языке иностранных слов в финансовой сфере складывается таким образом, что на общем фоне более «престижным» считается употребление иностранного слова вместо русского аналога: ср., например: *«кэш – наличные деньги», «офис – контора»* и т.п.

Сама по себе экономическая наука представляет систему знаний, в которой изучаются понятия и законы экономической деятельности; наука об управлении хозяйством, отношениях между людьми, а также людьми и окружающей средой, возникающими в процессе производства, распределения, обмена, потребления продукта, благ, услуг [3]. В связи с этим заимствованные слова можно разделить по тематически сформированным подгруппам:

1. Номенклатура профессий и лиц: *менеджер, дилер, курьер, топ-менеджер* и т.п.
2. Номенклатура государственных и частных структур: *холдинг, субхолдинг, агрохолдинг, концерн* и др.
3. Различные термины бизнеса: *инвестиция, бартер, чек* и др.
4. Номенклатура ценных бумаг, валют: *вексель, акция, евро, доллар, облигация, евробонд, ваучер* и др.

Иноязычные заимствования в банковской лексике русского языка уже много время являются неотъемлемой частью профессиональной терминологии, они активно употребляются и, в основном, не нуждаются в интерпретации или переводе. Процесс ассимиляции иноязычных слов предполагает изменения первоначальной формы слова, подчиняясь законам развития принимающего языка. В течение определённого времени такие «новые» слова приспособляются к его грамматическим нормам и затем уже не воспринимаются как чужие.

Также стоит отметить, что из-за удовлетворения потребностей языка, т.е. при заимствовании лексики из других языков, появляется много дополнительных слов. В русском языке существуют эквиваленты для различных экономических понятий: *импорт (import – ввоз), инфляция (inflation – обесценение денег), лимит (limit – ограничение), маркет (market – рынок), экспорт (export – вывоз)*.

В процессе адекватного перевода того или иного экономического термина может возникать ситуация, когда один иноязычный термин переводится на русский язык двумя и более словами, и наоборот, когда подобный термин состоит на иностранном языке из двух и более слов, а переводится на русский меньшим количеством словом, чем было в оригинале: *banker* – не только *банкир*, но и *банковская организация, банк*; *realtor* – не только *агент по недвижимости*, но *агентство недвижимости*, *balance sheet* – *баланс*, *foreign exchange market* – *валютный рынок* и т.д.

Современный этап развития экономической, банковской лексики в русском языке можно охарактеризовать как «интенсивно развивающийся», поскольку происходит активное заимствование иноязычной терминологии, в последствии сформировывающиеся в тематические подгруппы.

Эпоха «диджитализации» экономики ведёт к появлению новых терминов, которые изначально требуют объяснения и трактовки, но впоследствии становятся незаменимой лексической составляющей русского языка, обогащая и, возможно, украшая его. Но также стоит избегать чрезмерного употребления иноязычных слов в родном языке, поскольку многие заимствования имеют аналоги в русском языке [4]. В связи с этим заимствованные слова необходимо использовать осознанно, уместно, во избежание нанесения вреда словарному составу русского языка.

Сказанное выше объясняет высокую степень актуальности исследования особенностей терминологической системы банковской сферы

Список литературы

1. Борисова Ю.А. Факторы структуры семантического поля: психолингвистическое исследование специальной лексики сферы «финансы и банки»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Борисова Юлия Алексеевна; Военный университет. М. 2010. 19 с.
2. Ещеркина Л.В., Сусоева А.С. Английские неологизмы в сфере экономики // Управление в современных системах. 2017. №1 (12). С 32 –38.
3. Кураков Л.П. Экономика и право: словарь-справочник / Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. М.: Вуз и школа. 2004.
4. Тихонова А.Р. Яруллина А.Ш. Англоязычные заимствования в экономической лексике русского языка / Яруллина А.Ш., Тихонова А.Н. // Казанский вестник молодых учёных. 2018. т. 2. № 3 (6). С. 165–168.

FOREIGN BORROWINGS AS A MEANS OF ENRICHING THE RUSSIAN BANKING VOCABULARY

N.S. Sizov

Tver State University, Tver

Modern globalization has led to many foreign borrowings in the Russian language. The article examines the borrowings in the Russian banking vocabulary as one of the means to enrich the language.

Key words: borrowing, banking vocabulary, cultures' interaction, assimilation.

Сведения об авторе:

СИЗОВ Никита Сергеевич – аспирант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: sizovns69@yandex.ru

УДК 81-114.4

ДИМЕНСИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА *ДОМ* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

О.В. Тиунова

Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО, Санкт-Петербург

В статье описываются дименсиональные признаки концепта *дом*, а именно: форма, объём, размер, длина, высота.

Ключевые слова: концепт, категориальные признаки, дименсиональные признаки концепта, языковая картина мира.

Современная лингвистика обратила свой взор на те знания, которые хранятся в языке [1: 38]. Все свои знания человек категоризует, тем самым классифицируя явления окружающего мира. Поэтому основное внимание в психолингвистике и когнитивной лингвистике сейчас обращено к «специфике процессов концептуализации при освоении человеком огромного запаса знаний, связей, отношений, о возможных формах и способах репрезентации многообразных знаний и переживаний, принципах их организации и функционирования» [2].

Ученые предлагают разные теории относительно способов категоризации знаний о мире. Элеонора Рош предложила теорию прототипов, выступив против классической теории категоризации. Она доказала неадекватность этой теории для описания процессов категоризации у человека. Дж. Лакофф, выдвинувший идею когнитивных моделей, соответствующих концептуальной структуре опыта человека, уточняет: «постулаты значения приобретают смысл в контексте когнитивных схем, поскольку последние структурируют наш непосредственный опыт» [5: 172].

Джеймс Диз в своей монографии «Структура ассоциаций в языке и мысли» [7] описывает категориальные значения, проявляющиеся при свободном воспроизведении слов через объединение их испытуемыми в семантически или тематически связанные группы («кластеры»). Дж. Диз приводит «Ассоциативный словарь», который именуется им когнитивным словарем особого рода, показывающим, каким образом «мысль отражается в языке». Л. Барсалоу приводит примеры, когда знание значения слова, признаков, прототипов и т.д. оказывается недостаточным для понимания ситуации. Автор пишет, что концептуализация той или иной категории в каждом отдельном случае включает относительно небольшую часть полного знания, увязываемого с этой категорией в долговременной памяти, а активная часть знания варьируется от случая к случаю [6: 155].

При описании концептуальных структур когнитивисты сталкиваются с категориальными признаками, присущими всем без исключения концептам.

«Если мир явлен носителю языка в виде категориальной сетки, в которой каждая ячейка представляет собой родовое, видовое или конкретное понятие, то на каждую ячейку при дальнейшем осознании и описании мира накладывается вся категориальная сетка, закреплённая за данным языком. К данному фрагменту мира “примеряются” все категории, существующие в языке; однако не все категории будут соизмеримы с познаваемым понятием. Сознание человека таково, что любое слово и “скрывающийся” за словом концепт обычно включается в несколько ячеек категориальной сетки, что обеспечивает его существование в виде множества ассоциативных связей. Другими словами, при переносе признаков из других концептуальных областей описываемый фрагмент мира уподобляется чему-то иному, сходному по какому-либо качеству, свойству, отношению или функции. Основная роль концептов в мышлении – это категоризация, позволяющая группировать объекты, имеющие некоторые сходства, в определенные классы» [3: 135-136].

Выявление категориальных признаков концепта – один из этапов описания его структуры. Как пишет М.В. Пименова,

«Определение категориальных признаков, среди которых дименсиональные (признаки размера, объема, веса), квалитативные (качественные признаки), квантитативные (количественные), пространственные, темпоральные, ценностно-оценочные признаки (признаки ценности – образные: это признаки имущества, (драго)ценности; собственно-оценочные: общая и частная оценка (хороший/ плохой), рациональная, эмоциональная, бенефактивная и пр. виды оценок). Такие признаки позволяют определить место исследуемого концепта в ценностной национальной картине мира и отнести его к определенной области бытования» [3: 150].

В данной статье анализируются дименсиональные признаки концепта *дом* в русской языковой картине мира, среди которых признаки формы, объёма, размера, длины, высоты и под.:

*(А за окном, за искристыми, сиренево-голубыми разводами, за павлиньими хвостами-хвостиками бархатного инея, мелькают пятна **разной формы, размера и яркости** – светофоры, **дома, домишки**, платформы, шлагбаумы, чащи, прогалы... Палей. Дань саламандре).*

«Процессы концептуализации и категоризации тесно взаимосвязаны и взаимопереплетены между собой. Эти процессы помогают нам вычленить некий объект – реально или виртуально существующий – из общего фона подобных объектов, наделить его общими с другими и присущими только ему одному признаками» [4: 17]. В качестве иллюстративного материала используются примеры из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Одними из самых распространённых признаков концепта *дом* выступают признаки ‘формы’.

Вторичные репрезентанты концепта *дом* – *изба, пятиэтажка, терем* и др. – выражают именно этот категориальный признак (*Были **избы**, были вонючие **пятиэтажки**, были **старые купеческие дома в два этажа** – из мелкого белого кирпича... были номера 11, 63, 27, 6, 9/ 14. Юрский. Бумажник Хофманна*). Важен материал для постройки дома, влияющий на его форму и размеры:

*(А чего стоит торговый центр «Васильевъ» – **трехэтажный бревенчатый дом** купцов Голоушинных со скрипучей деревянной лестницей и комнатками-магазинами, на месте которых так и видишь гостиные и кабинеты. Бурмистров. Чухлома).*

От материала постройки зависела функциональная составляющая дома *(Автобус остановился у шлакоблочных тоже кучей расположенных **домов-башен городского типа**. Горенштейн. Куча; **Наискосок**, на месте Любиного **домишки**, **двухэтажный кирпичный бастион**. Щербакова. Митина любовь).*

Совокупность домов на улице актуализируется в художественном тексте через дименсиональные категориальные признаки *(Справа начинались **ряды и линии частных домишек***. Таранов. Мстители).

Признак ‘форма’ дома описывается именными конструкциями с существительным ***кривишко***, выражающим иронию:

*(И действительно, раздвигаются две доски в стене, и оттуда торчит голова, которую она ненавидит всю свою жизнь, она так ненавидит ее, что обрушивает **домишко-кривишко** и исчезает вместе с ним. Щербакова. Ангел Мертвого озера),*

прилагательными ***кривой***, ***кривоватый***:

*(Первое время бывало как-то тоскливо, когда он видел вдруг, будто со стороны, свой **кривоватый домишко** с бурой штукатуркой. Трифионов. Дом на набережной), **треугольный** (Узкие улицы, черепичные крыши, **треугольные фасады старинных домов**. Грекова. Фазан),*

глаголом ***покоситься*** и его производными:

*(В непотребном виде стоят древние красавицы церкви в старинном Рыбинске, совсем **покосились дома** и заборы, всюду следы развала и межвременья других российских местностей, заснятых в телецикле. Второе пришествие Рюрика // «Культура», 2002.04.01; Согнулся в три погибели, нырнул под мостик деревянный, пролез и вышел на совсем уже зеленую окраину, где уж совсем худые, поседевшие от ветров и дождей, щелястые и **покосившиеся**, вкривь стоят **домишки**; разросшийся бурьян, чертополох, крапива скрывают их по самые коньки. Самсонов. Одиннадцать; Как по израненным, бродишь по грустным уцелевшим улочкам, где и с **покошенными** уже **домишками** тех поспешно переселённых затопленцев. Солженицын. Крохотки).*

Образ неправильной формы дома передается соматическими метафорами: прилагательными ***кривоколенный***, ***кособокий***, ***скособоченный***:

*(Тут по-прежнему кварталы **кривоколенных домов**... Балла. Теперь он у нас есть), **кособокий**, **скособоченный** (Он представлял себе мысленно поселок с его **кособокими домишками**, видел, словно воочию, аляповатый коврик с белым лебедем, который столько дней смотрел на него в упор своим единственным синим глазом в те времена, когда он, Адам, был лежащий. Михальский. Река времен), **кривобокий** (Гулкий туннель заканчивался почти таким же сумрачным и гулким колодцем двора, обставленным **кривобокими домишками**. Волос. Недвижимость).*

Когнитивный признак ‘объём’ объективируется описательными способами или посредством прилагательных: ***мелкий***, ***плоский***:

*(Они как бы уводятся в некий особый, фантастический, звенящий цветом сказочный мир, возносятся над землей, над скопищем **мелких домишек**, уходят из реального времени в*

иное вневременное пространство. Адам, Ева и кувшин с вином // «Культура», 2002.04.01; Мелкие покосившиеся домишки, грязь и заводы – заводы – заводы. Соломатина. Большая собака), плоский (Говорили, что в городе Верном надо строить либо глухие деревянные коробки, либо одноэтажные, плоские, прижатые к земле дома с толстыми стенами и мощными фундаментами. Домбровский. Хранитель древностей), пухлый (Мы прошли узкой кривой проходик между пухлыми глиняными домишками: парикмахерская напротив фотографии... два истомленных бездельем мастера стояли под своими вывесками. Битов. Обоснованная ревность).

Внутренний объём дома зависит от степени его вместительности. Эта характеристика когнитивного признака ‘объём’ реализуется при помощи прилагательных *поместительный, вместительный*:

(Дом хотя был и довольно помещительный, но когда поселились в нём обе дочери умирающего старца с мужьями, и шестерыми детьми у обоих, стало тесновато. Мельников-Печерский. Начало неоконченной автобиографии), обширный (Словом, дом был обширный. С лицевой стороны два главные подъезда принадлежали к большой квартире в бельэтаже, занимаемой генералом-графом и супругою его графиней Решетиловыми. Гончаров. Май месяц в Петербурге).

Существительные, производные от слова *дом*, актуализируют признаки ‘размера’ исследуемого концепта:

(Разбросалась высокими, малыми, средними, золотоглавыми иль бесколонными витоглавыми церковками очень равных эпох; под пылицы небесные встали – зеленые, красные, плоские, низкие или высокие крыши оштукатуренных, или глазурью одетых, иль просто одетых в лохмотья опавшей известки домин, домов, домиков, севиших в деревья, иль слитых, – колончатых иль бесколонных, балконных, с аканфами, с кариатидами, грузно поддерживающими карнизы, балконы, – фронтовые треугольники домов, домин, домиков, складывающихся – Люлюхинский и Табачихинский с первым, вторым, третьим, пятым, четвертым, шестым и седьмым Гнило-зубовыми переулками. Белый. Москва).

Это же признак может быть вербализован вторичными номинантами исследуемого концепта:

(Куда ни глянь – в ряд: семиэтажная громада, за ней избенка в три окна, тут же коленчатый причудливый особняк; десять шагов от колонн – и рынок; дальше – загаженный писсуар; еще дальше – белый взлет легкого колокольного шатра; кокошниками отороченные, поднятые в лазурь главки – и опять огромный, навалившийся на церковку, лоснящийся свежей краской огромный домина. Кржижановский. Штемпель: Москва; Это для вас – тех, кто приехал жить в новостройки, – «Речники» пустой звук, затон вроде заводского склада, а домишки эти – бараки. Иванов. Географ глобус пропил; Дома самые разные: обычные, деревенские на высоких сваях, а рядом наскоро сколоченные хибарки только набирающих силы хозяев, а там и двухэтажные безвкусные домины процветающих пригородников. Искандер. Сандро из Чегема).

ДимENSIONАЛЬНЫЙ признак ‘размер’ представляет не только крайние точки диапазона измерительной шкалы: ‘большой’/ ‘маленький’ (Он входит в какой-то большой дом, я – за ним. Горин. Брюки товарища Синецына; Он многое другое видел, ощущал, замечал, возвращаясь от Левки Шулепникова или от кого-нибудь из большого дома, но понемногу всё сглаживалось, мягчало и переставало задевать. Трифонов. Дом на набережной Мария огляделась вокруг, стараясь запомнить и маленький домик Груненковых, искусно сложенный из белого известняка, и такой малороссийский, такой

родной палисадничек. Михальский. Храм Согласия), но и промежуточные признаки среднего размера (*Кадырову не предоставили никакого – он живет в **небольшом частном доме** с сыном, женой, ее родителями и бабушкой. Виноградов. Глазами мента*). Встречаются признаки, выражающие крайнюю степень признаков ‘большой’ (*Это и сегодня самый **величественный дом** Чухломы. Бурмистров. Чухлома; Я почти неощутимо пережил эпоху новых мостов через Москву-реку и передвижение **громadных старых домов** с одного места на другое... Катаев. Алмазный мой венец*) и ‘маленький’ (*За ними, прошител Марии на ухо Григорий, жил Пушкин, а в том **малюсеньком домишке** слева – его няня... Дмитриев. Дорога обратно; Сама Тамарка жила в соседнем **крохотном домишке**, пила горькую и частенько забывала даже, как зовут ее постояльцев. Житков. Кафедра*).

Для Санкт-Петербурга и других городов России характерны дома старинной постройки, размеры которых поражают своими масштабами (*Старая мебель, соответствовавшая **масштабам дореволюционных квартир**, не помещалась в новых домах. Шпаковская. Старые вещи*). Масштабность старых построек подчёркивает размер этих домов:

*(Поставить вдоль набережной **высокие серые дома с чугунными решётками подворотен** – пусть верх ворот будет как рыба чешуя, а с кованых балконов выглядывают настурции, поселить там молодую Веру Васильевну, и пусть идёт она, натягивая длинную перчатку, по брусчатой мостовой, узко ставя ноги, узко переступая чёрными тупоносными туфлями с круглыми, как яблоко, каблуками, в маленькой круглой шляпке с вуалькой, сквозь притихшую морось петербургского утра, и туман по такому случаю подать голубой. Толстая. Река Оккервиль).*

Дома отличались подъездом, лифтом, внешним убранством, закрепившемся в названии архитектуры особого типа – *северный стиль*:

*(Из пересерой гнилятины веснами окна бросали мелодии Рegera, Брамса и Брукнера, а из **домины** соседней, обложенной плитами, великолепным подъездом, отделанным в строгом и северном стиле, с почтенным швейцаром и с лифтом – старательных хор выводил «Свете тихий» Бортнянского; происходили здесь спевки любительских хоров, воскресными днями дающих концерты в коричневой церкви Кузьмы-на-Копытцах. Белый. Москва).*

Такие дома были окружены парком

*(Долго он путешествовал, как говорят, по Индии, и наконец возвратился на родину со слитками золота и множеством драгоценных камней, построил **огромный дом с обширным парком**, завёл многочисленную прислугу. Одоевский. Импровизатор), садом (**Сад при доме** – большой, развесистый. Грекова. Фазан).*

Старинные дома напоминают замки, дворцы или являются таковыми (*Каждый **дом каменный, в пять этажей, походил на крепость или дворец**. Павлов. Карагандинские девятины*). Они многоэтажные, у них есть балконы (*Наконец они приблизились к **шестиэтажному дому с балконами**. Довлатов. Иная жизнь*).

В собранном языковом материале частотны примеры, в которых описываются усадебные комплексы в селах России, где дома огромны и величественны:

*(В селе Г., где сам граф изволил жить, был **огромный, великий домина**, флигеля для приезду, театр, особая кегельная галерея, псарня, живые медведи на столбу сидели, сады,*

свои певчие концерты пели, свои актеры всякие сцены представляли; были свои ткацкие, и всякие свои мастерства содержались; но более всего обращалось внимания на конный завод. Лесков. Очарованный странник).

К дименсиональным признакам ‘размера’ концепта *дом* относятся ‘высота’:

(В 1780 году он подал, как тогда было заведено, челобитную в каменный приказ на имя императрицы Екатерины II с просьбой разрешить ему построить на месте своего старого дома каменные палаты в три этажа. Апенин. Судьба старой усадьбы; Тут Булю оттерли, однако это вышло ему на руку, поскольку вдоль маршрута, как раз пошли двухэтажные, высотой с троллейбус, кирпично-деревянные домишки... Эппель. Чулки со стрелкой);

‘длина’: *(Тут налево длинный дом, а за ним магазин. Юрский. Бумажник Хофманна);*
‘узость’:

(Так случилось, что это был язык их детства, урождённой панны Чарнецкой, родившейся в одном из полуготических узких домов Старого Мяста, и внука аптекаря с Крохмальной, всему миру известной по разным причинам еврейской улицы Варшавы. Улицкая. Пиковая дама); ‘

‘низкость’:

(Лучше всего было бродить наедине с собой по улицам, особенно пустынным, окраинным, среди скособоченных низких домишек, покосившихся заборов. Харитонов. Amores novi; Это такой невысокий домишко, двухэтажный, с белыми колоннами на фронтоне. Галицкий. Опасная коллекция).

Когнитивный признак ‘высота’ ассоциируется с многоэтажностью дома. Эта характеристика является стереотипом для сравнения:

(И венчает всё это каменное великолепие устремлённый ввысь шпиль собора, вознесённый на высоту 25-этажного дома! Гаков. Во Францию – на машине времени; Ледяные горы высотой с четырёхэтажный дом! Креветко. До чего же славной бывает масленница!).

Этот дименсиональный признак актуализируется соматической метафорой роста *(Мы подкатили к ревкому: рослый стильный домина по главной улице. Фурманов. Мятаж).*

Лингвокультура разных народов отличается стереотипами, связанными с образами традиционных домов. В Киргизстане и Казахстане дома имеют иные формы – это круглые юрты. В Корее, Камбодже и других азиатских странах традиционными считаются двухэтажные дома. В России строили одноэтажные дома с палисадниками:

(Возможно, в двухэтажном оранжевом домике с двумя окнами, по бокам двери цвета корицы и третьим круглым окном над дверью обитал свекор Тани Орешниковой, похожий на Санта-Клауса; а кто жил в крошечном домишке с игрушечным палисадником, напоминавшим избышку русской деревеньки, Освальд не знал. Галкина. Вилла Рено).

Изменения в социальном устройстве, появление мегаполисов – всё это приводит к разрушению традиционного уклада жизни. На смену привычным

домам приходят иные постройки – унифицированные (*Здесь можно увидеть и роскошные небоскребы, и аккуратную азиатскую бедность традиционных двухэтажных домов.* Соколов-Митрич, Дятликович. Чудо корейское). В этом видится проявление глобализации.

Исследование категориальных признаков приводит к выявлению когнитивных форм более высокого уровня, способных интегрировать информацию в некий целостный образ, прототип, восходящий к традициям, принятым в определенной лингвокультуре. Эти образы, закрепленные в виде прототипа в памяти носителей языка, представляют соответствующую ментальную модель. Когнитивныеdimensionальные признаки исследуемого концепта позволили определить прототипическую модель дома в русской лингвокультуре, вариативно представленную для разных типов поселений.

Список литературы

1. Залевская А.А. Психолингвистическое портретирование лексики: опыт экспериментального исследования // Психолингвистические исследования: слово и текст. Тверь, 1995. С. 38-46.
2. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания. 1998. / URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/2_1.htm
3. Колесов В.В., Пименова М.В. Концептология: учеб. пособие. Изд. 2-е. Киев: Книжный дом Д. Бураго, 2013. 248 с.
4. Пименова М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография / М.В. Пименова. Кемерово, 2007. 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
5. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1996. С.143–184.
6. Barsalou L.W. Cognitive psychology: An overview for cognitive scientists. Hillsdale, NJ etc.: Lawrence Erlbaum, 1992.
7. Deese J. The structure of associations in language and thought. Baltimore: The John Hopkins Press, 1965.

DIMENSIONAL SIGNS OF THE CONCEPT *HOUSE* IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

O.V. Tiunova

Military Institute (Engineering) MA MTS, St. Petersburg

The article describes categorial features of the Russian concept *ДОМ* (HOUSE), especially its dimensionality features. Cognitive dimensions such as ‘shape’, ‘volume’, ‘size’, ‘length’, ‘height’ are analyzed.

Key words: *concept, categorial signs, dimensional features of a concept, language picture of the world.*

Сведения об авторе:

ТИУНОВА Ольга Вячеславовна – старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков Военного института (инженерно-технического) ВА МТО, Санкт-Петербург, e-mail: otiuнова66@gmail.com

Исследования текста и дискурса

УДК 81'276.6:34

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на материале нотариальных текстов)

А.В. Бородина

Тверской государственный университет, Тверь

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношения дискурса и текста в свете специфики юридического дискурса. Обращается внимание на особенности юридического семиозиса. На примере нотариальных текстов обсуждается сопряжение правовых и лингвистических категорий в целях адекватного описания и более глубокого осмысления процессов, протекающих в юридических текстах, с позиций лингвистики и междисциплинарного интегративного подхода.

Ключевые слова: юридический текст, юридический дискурс, семиозис, теория речевых актов, перформативность, принудительная сила государства.

Для многих лингвистов и переводоведов отправной точкой в исследовании проблематики взаимоотношения дискурса и текста стало высказывание И.П. Сусова о том, что «текст выступает... в виде “информационного следа” состоявшегося дискурса» [14: 40]; использование методов анализа дискурса / критического дискурс-анализа позволяет по этому следу пройти. Так, В.Е. Чернявская полагает, что при анализе дискурса «через видимые в текстах языковые единицы реконструируется рамочная структура целого фрейма и далее выводится “коллективное знание”» [17: 147]. Схожей логики придерживаются представители юридической герменевтики: культура той или иной страны обуславливает ее правовую культуру, отражаемую, фиксируемую и воспроизводимую в письменных текстах и устной речи в сфере права, будучи «механизмом конструирования и воспроизводства правовой реальности» [18: 331]; следовательно, дискурс-анализ соответствующих юридических текстов позволяет интерпретировать и реконструировать сам юридический дискурс или его отдельные аспекты. Кроме того, в рамках критического анализа дискурса Н. Фэркло текст (текстуализация) может быть использован для анализа дискурсивных практик (данный методический приём неоднократно применялся автором статьи для анализа собственного опыта переводчиков [3; 4]) или рассматриваться как вербализованное дискурсивное событие [15: 201–202]. Достаточно подробный обзор современной научной литературы по вопросу соотношения текста и дискурса вне зависимости от их институциональной принадлежности представлен в [13: 67–75].

Исследователь юридического дискурса И.В. Палашевская считает, что «действия участников дискурса институционально объективируются в виде

текстов-документов (протоколы следственных действий, обвинительный акт, нотариальные действия – доверенности, завещания, извещение о наследстве, судебные действия – протокол судебного заседания и т.п.)», причём «сам документ при этом может быть рассмотрен как форма существования определенной ситуации юридического дискурса», выступая в качестве его текстуального / документального / статического измерения в отличие от динамического измерения самого дискурса [12: 146]. Думается, что на сегодняшний день именно Палашевская ближе всех остальных отечественных учёных-лингвистов подошла к определению сущности взаимоотношения юридического дискурса и юридического текста, чем до недавнего времени занимались лишь праведы. В частности, в российском нотариальном дискурсе как разновидности юридического дискурса, а также законодательстве о нотариате доминирует термин «нотариальное действие», подразумевающий институциональное действие главного субъекта / агента нотариального дискурса – нотариуса, причём В.В. Ярковым отмечается «многозначная природа нотариального действия, которая заключается в его динамическом и статическом смыслах» (цит. по: [1: 35]). Е.М. Батухтина выделяет не смыслы, но значения нотариального действия – динамическое (процесс изготовления документа в предусмотренном законом порядке нотариального производства) и статическое (факт достижения цели совершения какого-либо действия, но не сам документ) [цит. раб.: 37]. Тем самым термин «нотариальное действие» в большей степени акцентирует внимание на самом процессе, а не его результате в виде нотариального оформленного документа, что может вызывать затруднение при понимании и осмыслении сущности российского нотариального дискурса неюристами и представителями иной правовой лингвокультуры, а также при юридическом (нотариальном) переводе.

В данной связи праведы вводят в научный оборот и предлагают законодательно закрепить понятие «нотариальный акт». С лингвистической точки зрения это также целесообразно, ибо указанный термин вполне уместен для адекватного обозначения существующего взаимоотношения между нотариальным дискурсом и его текстами, поскольку значение слова «акт» сохраняет оба аспекта нотариального действия как единицы нотариального дискурса – собственно действие / его интенция и официальный документ – текст как его объективированный результат: «в юридическом контексте термином акт обозначается и выражение воли, влекущее юридическое последствие, и письменный документ, который фиксирует это выражение» [цит. раб.: 38]. Наряду с этим, использование термина «нотариальный акт» позволяет сохранить двойственную специфику нотариального дискурса – его публичное и частное начала: «под нотариальным актом в общем смысле можно понимать юридический акт частного права, обеспечивающий возникновение, изменение и прекращение соответствующих правоотношений, которому специально уполномоченным субъектом (нотариусом), действующим в рамках своей компетенции, на основе норм права придается форма публичного

документа» [цит. раб.: 41]. Кроме того, введение термина «нотариальный акт» в российский юридический дискурс позволяет существенно облегчить участь юридических (нотариальных) переводчиков, так как данный термин, как и слово «акт», имеет схожие значения во многих языках, включая французский, немецкий, английский языки («*l'acte notarié / acte notarial*», «*der Notarakt*», «*notary act*»).

Наряду с этим представляется, что между юридическим дискурсом и юридическими текстами также существует некая глубинная связь, обусловленная спецификой властных отношений в юридическом дискурсе, которая в целом пока ещё не попадала в поле зрения лингвистов и переводоведов. С одной стороны, власть рассматривается как конституирующий элемент любого дискурса через призму критического дискурс-анализа Н. Фэркло, на который существенно повлияли идеи М. Фуко [15: 195]; на многие постулаты М. Фуко также опирается М.Л. Макаров в своих «Основах теории дискурса» [10: 99–100]. Если П. Серио определяет дискурс как «социально или идеологически ограниченный тип высказывания» в качестве одного из предложенных им восьми значений термина «дискурс» [8: 228], то для Фуко это становится ключевой методологической предпосылкой для изучения специальных дискурсов, в которых властные отношения представлены более выпукло [5: 51–52]. С другой стороны, Фуко непосредственно выделяет политико-юридический дискурс (в английском переводе «*legal / juridico-political discourse*»), ибо в нём власть дискурса проявляется особенно наглядно, будучи эксплицирована нормативными предписаниями и санкциями государства [26: 87–89]. (П. Бурдьё, современник и «коллега по цеху» М. Фуко, французский философ и социолог, но также исследователь проблем взаимодействия языка, власти и права, хотя в этом качестве практически неизвестный отечественной лингвистике (за исключением В. Кашкина [9: 204–206]), в том же духе использует понятие «юридический дискурс» – в английском переводе «*legal discourse*», полагая, что в конечном итоге данный вид дискурса претендует на абсолютную власть [24: 42]). При этом юридический дискурс влияет на своих создателей и последующую правовую коммуникацию, объективированную в текстах: «ситуации, институты и социальные структуры формируют дискурсивное событие (текст, дискурсивную практику, социальную практику), а дискурсивное событие в то же время формирует их» [15: 201]. О специфике обоюдонаправленной власти юридического дискурса, (вос)производящей своих субъектов, также пишет Дж. Батлер, опираясь на концепцию Фуко:

«Foucault points out that juridical systems of power produce the subjects they subsequently come to represent... But the subjects regulated by such structures are, by virtue of being subjected to them, formed, defined and reproduced in accordance with the requirements of those structures» [25: 4].

В связи с этим уместно предположить, что власть юридического дискурса по-своему затрагивает процессы семиозиса: в отличие от других семиотических

систем, в которых «некая система начинает действовать, наделяя смыслом что-то такое, что первоначально этим смыслом не обладало, при этом некоторые элементы этого “что-то” возводятся в ранг означающих» [21: 27], в правовой системе означаемое фактически (вос)создаётся означающим, а синтаксические отношения между ними конструируются, выстраиваются и воспроизводятся, будучи обусловлены целенаправленной прагматической мотивацией эмитентов юридических текстов. Интерпретация в данном случае ограничивается дискурсивными рамками, поддерживаемыми, в том числе, посредством экстралингвистических механизмов – юридических властных санкций со стороны тех, кто «направляет и моделирует не независимый ход процессов означивания» [цит. раб.: 528], контролируя «условия, при которых нечто становится знаком» [7: 14]. Подобные санкции не обязательно связаны с наказанием, но почти всегда – с принуждением со стороны уполномоченного на то органа власти («*legal authority*») [23: 507]. Тем самым «любая идея, принятая и словесно оформленная законодателем, автоматически приобретает высший потенциал влияния на мнение и поведение общества и индивидов» [6: 53]. Этим обусловлено такое сущностное свойство юридического дискурса, как принудительная сила государства [5: 51–53]. (Правоведы склонны называть указанное свойство тетической связью (предположительно от лат. *tetini* – «владеть», «обязывать», «командовать», «связывать») явлений, событий, процессов материального мира, которая

«...возникает между ними в силу воли нормодателя, воплощается в определённой правовой норме и основывается на велении, приказе властного субъекта (государства). Отпадает властность данной нормы – исчезает и связь, хотя (фактические) обстоятельства, указанные в правовой норме, остаются» [16: 20]).

Принудительная сила государства как свойство юридического дискурса, в свою очередь, влияет на юридические тексты, которые изначально не отличаются от остальных (за исключением терминологии и прочих языковых средств, характерных для соответствующих функциональных стилей и подстилей) до тех пор, пока не будут соблюдены обязательные условия-конвенции для инкорпорирования этих текстов в юридический дискурс. Для нотариальных текстов подобные конвенции, в частности, включают «использование государственного (русского) языка, проставление даты совершения нотариального действия, и указание места, указание на должностное лицо, удостоверяющее нотариальный акт (нотариус, лицо, исполняющее обязанности нотариуса, и лица, уполномоченные в соответствии с национальным законодательством на совершение нотариальных действий), проставление удостоверительной надписи установленного образца в зависимости от вида нотариального действия; наличие обязательных реквизитов (подписи сторон, подпись нотариуса, проставление гербовой печати нотариуса» [1: 37], а также уплату государственной пошлины или нотариального тарифа, в том числе льготного [цит. раб.: 36]. После этого, начиная с установленного времени, на текст «автоматически»

(эквитемпорально) распространяется действие принудительной силы государства, в результате чего он легализуется / «вступает в силу» (в английском языке – *law comes into force*) – превращается в правовой документ и вводится в юридический / гражданский оборот, становясь элементом юридического дискурса. В результате юридический (нотариальный) текст – как оригинальный, так и переводной – приобретает некое свойство, которое будет его принципиально отличать от прочих текстов (художественных и нехудожественных), а именно – перформативность: способность «порождать юридические последствия» [20: 175], т.е., непосредственно конструировать свою пропозицию и влиять на её надлежащее исполнение (*performance*) в соответствующих институциональных обстоятельствах [22: 8–9].

Думается, что использование концепции перформативности оказалось столь востребованным при изучении взаимодействия юридического дискурса и юридических текстов не только в силу её генезиса [11: 28–36]. Так, признаки аутентичности и исполнительной силы как сущностных свойств нотариальных актов французского нотариального дискурса [1: 57] парадоксальным образом во многом совпадают с характеристиками перформативности в рамках теории речевых актов [2: 146–147]. Французский нотариальный дискурс (так называемый нотариат латинского типа) часто рассматривается как своего рода «эталон» нотариального дискурса для континентальной системы права, «оказав значительное влияние на развитие нотариата не только в Европе, но и в других странах мира», причем «многие государства и сегодня стараются перенять лучший опыт французского нотариата и внедрить его в свою практику» [19: 58] (возможно, это одна из причин, по которой концепция перформативности Дж. Остина столь охотно и успешно была подхвачена французскими исследователями – Э. Бенвенистом и П. Бурдые [5: 54–55]). Документы, обладающие исполнительной силой, – это так называемые исполнительные документы, которые «будут исполняться в принудительном порядке в случае неисполнения их требований в добровольном порядке,.. поскольку нормой является добровольное исполнение» [1: 13]; в российском нотариальном дискурсе к ним относятся, в первую очередь, исполнительные надписи, их исполнение гарантируется принудительной силой государства. С исполнительной силой тесно связано понятие аутентичности, в XI – XII вв. заимствованное из церковного права Северной Италии [цит. раб.: 53] и предполагающее силу и достоверность содержания (проверку на достоверность уполномоченным на то лицом – нотариусом) нотариальных актов, которые не могут быть кем-либо оспорены [цит. раб.: 49]. В этом смысле аутентичность нотариальных актов «означает не что иное как презумпцию достоверности его происхождения, относящуюся к его доказательственной силе; исполнимость акта без необходимости вынесения судебного решения [*ipso facto* – «в силу самого себя», ключевой признак перформативности – А.Б.] представляет собой исполнительную силу нотариального акта» [цит. раб.: 72]. Перформативными в

данных случаях являются сами тексты вне зависимости от наличия в них перформативных предикатов.

Таким образом, взаимосвязь юридического дискурса и юридических текстов носит комплексный характер, для изучения и более полного осмысления которого уместно воспользоваться интегративным потенциалом теории речевых актов и семиотики, позволяющим описать протекающие в этих дискурсах и текстах процессы в эпистемологическом поле языкознания с учетом возможных междисциплинарных нюансов.

Список литературы

1. Батухтина Е.М. Исполнительная сила нотариального акта в праве России и Франции (сравнительно-правовое исследование). М.: Статут, 2016. 173 с.
2. Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В.В. Богданов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 280 с.
3. Бородина А.В. О формах переводческой (само) рефлексии // Материалы всероссийской (с международным участием) герменевтической конференции «Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании» / Отв. ред. Н.Ф. Крюкова [Электронный ресурс]. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. С. 16–27.
4. Бородина А.В. Собственный опыт как текст: некоторые методологические аспекты анализа переводческой мемуаристики // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. Вып. 16. С. 10–17.
5. Бородина А.В. Теоретико-методологические предпосылки изучения перформативности как свойства юридических текстов // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. Вып. 17. С. 51–57.
6. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 176 с.
7. Залевская А.А. Интегративный подход к проблеме знака в трудах Ч.С. Пирса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 14–21.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
9. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 224 с.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
11. Миловидов В.А., Бородина А.В. Категория перформативности в контексте проблематики юридического дискурса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 28–36.
12. Палашевская И.В. Жанровая организация юридического дискурса: социоллингвистический подход // Вестник Удмуртского университета. Серия: Филология. 2012. Вып. 2. С. 146–151.
13. Селезнева Л.В. К вопросу о соотношении текста и дискурса // Вестник СВФУ. 2014. Т.11. №5. С.67–75.
14. Сусов И.П. Введение в языкознание: учеб. для студентов лингвистических и филологических специальностей. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 379 с.
15. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / пер. с нем. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2017. 356 с.

16. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма: ИНФРА–М, 2016. 320 с.
17. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 208 с.
18. Честнов И.Л. Герменевтическая парадигма в историко-правовой науке // Парадигмы юридической герменевтики / Под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2017. С. 236–344.
19. Шамба Т.М., Кокин В.Н., Шамба Н.Т. Нотариат в Российской Федерации: учебник. М.: Норма: ИНФРА–М, 2011. 304 с.
20. Шлепнев Д.Н. Юридический перевод, юридический текст, юридический дискурс: к вопросу об определении // Языкознание. 2017. №12(78). Ч.2. С. 174–177.
21. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / перев. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. СПб.: «Симпозиум», 2004. 544с.
22. Austin J.L. How to do things with words. Oxford University Press, 1962 [Электронный ресурс] URL: <http://bookre.org/reader?file=795184&pg=1> (дата обращения: 15.11.2018).
23. Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. Vol. I. London: John Murray, Albemarle Street, 2018: репринтное издание 1885г. 540 p.
24. Bourdieu P. Language and Symbolic Power: translated by G. Raymond and M. Adamson / edited and introduced by J. B. Thompson / P. Bourdieu. Harvard University Press, 2003. 402 p.
25. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the subversion of Identity. Routledge, 1999. 254p.
26. Foucault M. The History of Sexuality. Volume I: an Introduction: translated from the French by R. Hurley / M. Foucault. Vintage Books, 1990. 170 p.

INTERACTION OF LEGAL DISCOURSE AND LEGAL TEXT AS EXEMPLIFIED IN NOTARY TEXTS

A. V. Borodina

Tver State University, Tver

The paper deals with key issues of interrelation between discourse and text in the light of legal discourse. The author highlights peculiarities of legal semiosis and discusses possible interaction of legal and linguistic categories, as exemplified in notary texts, to ensure relevant description and deeper comprehension of processes occurring in legal texts through the lens of linguistics and interdisciplinary integrative approach.

Keywords: *juridical text, legal discourse, semiosis, theory of speech acts, performativity, enforceability.*

Сведения об авторе:

БОРОДИНА Анна Владимировна – аспирант факультета иностранных языков и международной коммуникации ТвГУ, старший преподаватель кафедры экономики предприятия и менеджмента Института экономики и управления ТвГУ, e-mail: juristka80@mail.ru

УДК 81 23:801ю73

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ГИПЕРТЕКСТА В КНИГЕ Д.Е. ГАЛКОВСКОГО «БЕСКОНЕЧНЫЙ ТУПИК»

М.А. Мартюшева

Тверской государственный университет, г.Тверь

В статье рассматриваются основные особенности построения гипертекста в романе Д.Е. Галковского, являвшегося одним из первых произведений подобного типа. Произведение представляет собой целую сеть комментариев, благодаря которой создается эффект многоуровневости текста, его бесконечности в плане интерпретации.

Ключевые слова: Дмитрий Евгеньевич Галковский, гипертекст, бесконечный тупик, русская литература XX века.

«Бесконечный тупик» – это философский роман Дмитрия Евгеньевича Галковского, написанный в 1988 году. Галковский, если верить информации в интернете, «Очень популярен и частенько изобретает мемы. Женился. Играет в компьютерные игры» (URL: <http://harmfulgrumpy.livejournal.com/888120.html>). Такие высказывания о нём можно встретить часто, автор действительно является активным пользователем всемирной сети, пишет рецензии, ведет блог, старается не отставать от времени. Всё это несколько не мешает ему быть одним из ярчайших представителей нового поколения постмодернистов в России. Он написал большое количество текстов на тему исторического, литературного и философского развития России, практически все из них носили провокационный характер. Но до сих пор применительно к Галковскому используется выражение «автор одной книги». И этой книгой является роман «Бесконечный тупик». Этот текст выделяется не только из всех произведений автора, но и из всей массы литературы XX века.

Фабулы в её традиционном понимании в тексте нет. Роман состоит из различных отрывочных размышлений о России, её истории, философии, революции, писателях, в частности о Федоре Достоевском, Александре Герцене, Александре Солженицыне, Викторе Шкловском.

Значимую часть текста занимают цитаты из различных произведений. Цитируются А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь, Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов и многие другие. Нарратор заинтересован русской литературой и философией XIX – начала XX века. Автор «создаёт так называемый нехудожественный роман. И если ранее высказывалось суждение о большой степени "отсебятины", привнесённой в постмодернизм русскими авторами, то в случае с Галковским мы вообще вправе говорить об "изобретении" постмодернизма в одиночку» [7: 442].

Практически не используя терминологию, Галковский развивает теорию о сознании как тексте:

«Я мыслю цитатами. Это страшно. Но ещё страшнее, что эти цитаты не имеют самостоятельного содержания. Я говорю только о себе. Не о России, не о Розанове, а только о себе. Я трансформирую в реальность свой внутренний опыт при помощи косвенных цитат. Каждая цитата – зеркальце, отбрасывающее на меня солнечный зайчик. В результате сквозь словесный туман проступают смутные контуры моего сознания» [1].

В качестве доказательства теории в конце романа находится тематический список произведений, из которых были взяты цитаты.

Роман написан от первого лица, нарратором является человек по имени Одинокое (специально выбранная Галковским «говорящая» фамилия). Нарратор при описании событий объединяет автобиографию и биографию, что позволяет показать местные события на фоне мировой истории. Повествование очень образное, метафоризированное:

«... структура статьи похожа на голландский сыр, нарезанный тонкими ломтиками. Каждый слой-ломтик содержит несколько ключевых фраз-символов. Через дыры их символизации, то есть сознания, дешифровки, можно перескочить или вывалиться на другой уровень, другой ломтик. Дешифровка часто сознательно облегчается путём вопросов, то есть двойных дыр...»[1].

В книге представлена циклическая модель истории. Противопоставления современности, будущего и прошлого в ней нет, так как заметки о разном времени постоянно перекликаются друг с другом. Такое определение времени характерно для создания мифологической картины мира, даже неомифологической, что характерно для культуры начала XX века.

Идеологической основой становится миф. Это ведёт читателя к соотнесению текста Галковского и наиболее известного романа того времени «Улисс» Джеймса Джойса. Только

«... структуру произведения не опосредует какой-то определённый национальный миф, как это обычно происходит в литературе XX века: структуру “Улисса” Джойса опосредует гомеровский миф, “Волшебной горы” Манна – миф о Тангейзере, “Приговора” Кафки – библейская мифология. Если бы Галковский подчинил повествование определённой сюжетной линии из какого-либо мифа, тогда бы он, по всей видимости, должен был отказаться от такого композиционного решения, как примечания к основному тексту, ибо логика мифа, так или иначе, определяла бы последовательность, линейность повествования. Между тем в основу модели мира положена главнейшая функция собственно мифологии – её синтезирующая интенция» [5].

Неслучайно автор заявляет, что «нужно было высветлить реальность новой сказкой, новой актуализацией русского мифа» [1]. И действительно, текст «уподобляется мифу по своей структуре. Основными чертами этой структуры являются циклическое время, игра на стыке между иллюзией и реальностью» [1]. Для этого оба автора (Д. Джойс и Д. Галковский) используют «поток сознания» как один из способов организации текста. Повествовательная стратегия такого типа полностью начинает использоваться только в XX веке и

«Улисс» Джойса становится бесспорным образцом нового повествования, идеи которого и наследует текст Галковского.

Нарратор показывает совершенно иной взгляд на исторические события, например восстание декабристов или отречение Николая. Также выдвигает и достаточно безумные теории вроде «декабризм - это и есть локальное ответвление масонского движения» [5], затрагивает и тему религии и национальные вопросы (например, отношение к евреям в разных странах).

Можно встретить и совершенно неожиданную интерпретацию известных реальных и литературных фактов:

«У Розанова и Набокова есть много общего. Известно, что Набоков был довольно крупным энтомологом и всю жизнь собирал коллекции бабочек. Розанов же собрал уникальную коллекцию монет... Недостаток Достоевского, может быть, и заключается в том, что он ничего "не собирал" и ни во что "не играл", и, следовательно, был вынужден это делать на страницах своих романов» [1].

Автор словно скрывается за этими несколько абсурдными высказываниями и побуждает читателя к нестандартному мышлению, выражению отношения. Подтверждая тем самым свою же теорию о том, что «мысль, высказанная по-русски нерациональна» [1].

Особое значение приобретает личность и творчество Достоевского. Значимая для повествователя прямая связь со спецификой национального мышления. И чтение романов классика вызывает у нарратора «особое чувство удивительной гармоничности и полного растворения в авторских мыслях» [1]. Галковский частично заимствует у Достоевского композицию. Как и в «Записках из подполья» (1864), решающую роль в структуре играет тот же принцип самовыражения. Принцип заключается в самоопределении личности героев, и он организует языковую структуру – монолог, или, как говорит Одинокоев, «выговаривание». Помимо «Записок», рассказчик обращается к одному тексту Достоевского – «Дневник писателя» (1871–1883) – использует способ представления материала как своеобразный способ доказать, что книга может быть интересна не столько содержанием, сколько формой написания. Произведение Галковского построено на сложной сети заметок и является в полной мере гипертекстом.

Концепция гипертекста восходит ещё ко времени составления Библии, но само понятие «гипертекст» ввёл Т. Нельсон в 1965 году. (Nelson T. The language): Гипертекст – система представления данных, которая создаёт семантические сети сложной топологии, позволяющие организовать информацию на разных уровнях обобщения [9]. В словаре гипертекст определяется как «способ организации информации в тексте компьютера, основанный на применении выделенных ссылок, которые автоматически переносят пользователя на другие сведения; также: текст организован таким образом» [10]. В литературоведении гипертекст – то любой текст, который имеет внутренние и внешние ссылки. «Текст, составленный таким образом, что превращается в систему и иерархию текстов, одновременно составляя единство

и множество текстов» [10]. Простейшие примеры гипертекста – это энциклопедии и сайты, на которых можно перейти с одной стороны на другую и провести поиск по ключевым словам.

Текст романа состоит из трёх частей. И написаны они были в разное время и по разным причинам. На философском факультете МГУ был неофициальный кружок, для которого автор в 1984 году подготовил доклад о философе Василии Розанове – одном из старейших представителей русской религиозной философии. Но так и не прочитал его, так как кружок распался. Этот текст получил название «Закруглённый мир» и стал вступительной статьей к книге «Бесконечный тупик». В апреле 1985 года Галковский пишет ещё одно эссе. При официальной публикации оно будет названо «Исходный текст». Это монотекст, ориентированный на простое чтение, но уже здесь видна гипертекстовая игра: отсюда начинается система примечаний к эссе, а затем и к другим примечаниям. Текст содержит отсылки к соответствующим примечаниям гипертекста, но в самом гипертексте нет обратных отсылок к Основной части. И это при том, что автор имел возможность сделать и обратные ссылки. То, что ссылки только в одну сторону, может означать желание автора позиционировать этот кусок как нечто целое, неделимое, он сознательно ведёт нас по этому пути, усложняя переходы и отбирая свободу выбора в перемещении между частями текста и управлением примечаниями.

Именно примечания автор называет самодостаточным текстом, а сам текст «не заслуживает внимания из-за неправильного тона, неудачной композиции, перегрузки цитатами» [1]. Собственно «Бесконечный тупик» – текст из 949 примечаний – был написан в 1988 году, но первое официальное издание было в 1997 году тиражом 500 экземпляров (нумерованных). За 20 лет книгу отказались печатать более 20 издательств. Отдельные части были опубликованы в различных периодических изданиях. Чтобы опубликовать книгу автору даже пришлось открыть собственную фирму – Издательство Дмитрия Галковского. И лишь в 2007 году вышло третье издание, и именно это издание стало первым официальным. 8 января 1998 года Галковский создал сайт «Самиздат. Виртуальный сервер Дмитрия Галковского». По неизвестным причинам сайт был заброшен и последнее обновление было 19 августа 2004 г.

Галковский увлекался компьютерными играми и Интернетом, хорошо в этом ориентировался и интересовался тем, как это можно с успехом использовать в литературе. В самом начале книги он пишет: «Думаю, что до сих пор это единственное серьёзное гипертекстовое произведение» [1]. И автор по сути прав – роман «Бесконечный тупик» был построен как гипертекст задолго до эпохи информатизации и до него в России в такой мере возможности гипертекста не использовал никто.

В России такой тип построения текста появился позже, чем в Европе. Одним из первых примеров текстов этого типа в начале века был текст Анны Ахматовой «Поэма без героя» (1940–1962), но это ещё не игра с гиперссылками в современном понимании с использованием компьютерных технологий,

«переходы в традиционном тексте носили статичный характер, а возможности Интернета предполагают динамическую специфику создания гиперссылок» [2: 115]. В XXI веке Интернет создал собственную литературную среду, свои библиотеки, книжные магазины, журналы, конкурсы, стал местом, где

«... впервые появляются новые, ещё никому не известные имена, и всё это позволяет говорить о литературно-компьютерном феномене сетевой литературы. В качестве её особенностей отметим лаконичность, разговорность, развлекательность, даже скандальность, а также **неконвенциональность, то есть несоответствие установленным традициям и правилам**» [2: 115].

Галковский одним из первых воспользовался всеми этими возможностями. Его книги до сих пор вызывают у критиков, исследователей и обычных читателей довольно неоднозначную реакцию, шокируют, даже провоцируют споры, обсуждения.

«Предварительная разрушенность текста» даёт читателю свободу выбора, дает несколько вариантов прочтения. Получается, что каждый человек прочтает текст по-своему, пользуясь своей особой схемой прочтения и понимания, следуя исключительно за выбранной идеей, мыслью. Нарратор не навязывает читателю свою логику рассуждений, порядок мыслей.

«Эта книга, имеющая трёхпорядковую структуру, и является такой попыткой, а следовательно, и попыткой создания вывернутого, специально приспособленного для восприятия другими внутреннего мира. Мир этот принадлежит некоему конкретному человеку, со всеми его слабостями и комплексами, и одновременно безмерному вневременному логосу» [1].

По мысли автора, чтение должно начинается не с текста, а именно с примечания к тексту. Примечание становится отдельным законченным текстом, а основной, привычный нам последовательный текст эссе является лишь вступлением. И такая форма совсем не случайна. Галковский объясняет свой выбор именно содержанием, тематикой своего текста:

«Мое "двойное сальто-мортале" заключается в том, что эта статья есть не только размышление о русском типе культуры, но и наглядный пример этого типа. Я имитирую характерные особенности "инструменталистского" мышления» [1].

Автор настолько стремится дать читателю возможность полностью использовать все возможности такого вида текста, что в электронной версии пишет целый раздел под названием «Правила пользования гипертекстом», в котором даёт полную инструкцию по использованию ссылок и общее описание структуры текста: «Гипертекст "Бесконечный тупик" состоит из 949 фрагментов-примечаний и послесловия, что в переводе на компьютерный язык означает 950 НТМ-файлов (от 311-001.htm до 311-950.htm)» [1]. Имеется и именная указатель.

«Бесконечный тупик» – это бесконечный диалог с читателем. Выстроенный по очень странным, ломаным, непривычным законам. Даже последний комментарий не в конце текста, а на 942 странице из 949. И 949 комментарий написан в 1988 году и озаглавлен «Прошло 9 лет».

Может появиться вопрос: почему такое неровное, странное количество заметок, при всем стремлении автора к идеальному построению на всех уровнях текста. Ответ прост: заметка номер 950 все-таки существует. В 2003 году Галковский начинает вести блог на сайте galkovsky.livejournal.com и ведет его до наших дней. Там же 2007-12-26 в 16:47 и появляется загадочная часть 450. Двадцать лет спустя. Написана она отдельно и ни к одному изданию книги не прилагается. В ней автор рассказывает о судьбе своей книги, делает попытки определить причину возникших при ее издании трудностей.

Галковский сам неоднократно объясняет структуру, схему построения своего текста:

«Структура моей книги триедина: 1. Вводная часть ("Закруглённый мир"); 2. Центр, давший название и всему произведению ("Бесконечный тупик"); 3. Примечания. Подразумеваемый вариант 4 части – это сам Розанов, так что одна из целей книги – своеобразные пролегомены к Розанову, плавный переход от "полного текста" к его полной разрушенности, от целого тома к рассыпанному вороху страничек, от "Закруглённого мира" к "Опавшим листьям". После "опавших ветвей" начинается сам Розанов. Первая часть книги – единство. Вторая – дешифровка первой и начало распада. Но единство страшным усилием воли ещё сохраняется. Третья часть – это распадение, деструкция (24), "осколки, рассыпавшиеся по ковру". Это не что иное, как последовательная попытка русского мышления, попытка передачи его динамики – динамики рассыпания. Чем глубже анализ, тем рассыпаннее форма отечественного мышления" [1].

Заканчивается текст статьями и письмами из журналов и газет, главами из книг. Текст может быть воспринят и как попытка выхода за границы жанра, попытка нарушить канон. И в то же время это открытие новых возможностей для построения текста на основе комментариев.

Название книги также объясняется в самом тексте: «Вся книга – тысячестраничная оговорка. Какая-то бесконечно длинная оговорка – "бесконечный тупик"» [1].

Комментарий по сути – сборник записок: «Гиперчтение» в прямом порядке обеспечивается цифровыми ссылками внутри текста. Ссылки помещены в скобки, их порядковый номер соответствует порядковому номеру примечания. Примечания содержат свои примечания – выстраивается целое дерево примечаний, дополняющих друг друга и текст в целом. Чтение такого произведения представляет собой игру, количество значений исходного текста растёт за счёт того, что читатель по-своему выбирает и формирует данные ему изначально сюжетные линии, создавая собственные смыслы и осмысливая при каждом последующем прочтении по-новому.

Список литературы

1. Галковский Д.Е. Бесконечный тупик [сайт] / URL: <http://www.samisdat.com/3/31-bt.htm>
2. Гипертекст как объект лингвистического исследования. Самара, 2010. 170 с.
3. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия, эволюция научного мифа. Москва, 1998. 255 с.

4. Маркова Т.Н. Компьютерные технологии и компьютерные приемы в русской прозе рубежа веков // Филологический класс. 2009. С. 17–19.
5. Оробий С. «Бесконечный тупик» Дмитрия Галковского: структура, идеология, контекст [Электронный ресурс]. Благовещенск, 2010. URL: https://imwerden.de/pdf/orobiy_beskonechny_tupik_galkovskogo_2010.pdf
6. Руднев В. Словарь культуры XX века. Москва, 1997. 384 с.
7. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. М., 2001. 608 с.
8. Суминова Т.Н. Интертекст и гипертекст произведения художественной культуры: сущность и проблемы взаимодействия // Вестник МГУКИ. 2015. № 3 (65). С. 45–52.
9. Nelson T. The Hypertext. Proceedings of the World Documentation Federation. 1965. 344 с.
10. Słownik języka polskiego PWN. Wydawnictwo Naukowe PWN. 2014. 1360 s.

SPECIFICS OF HYPERTEXT CONSTRUCTION IN THE NOVEL «ENDLESS DEADLOCK» BY D.E. GALKOVSKY

M.A. Martiusheva
Tver State University, Tver

The article discusses the main specifics of hypertext construction in the novel by E. Galkovsky, which is one of the first works of this type. The work is a whole network of comments, thanks to which the effect of multilevel text and its infinity in terms of interpretation is created.

Keywords: Dmitry Evgenievich Galkovsky, hypertext, endless deadlock, Russian literature of the twentieth century.

Сведения об авторе:

МАРТЮШЕВА Маргарита Александровна – аспирант кафедры теории языка и перевода факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, e-mail: margarita_martyusheva@mail.ru

СПЕЦИФИКА ЭКСКУРСИОННОГО ДИСКУРСА

Т.А. Янсон

Тверской государственной университет, Тверь

В статье уточняется понятие дискурса, перечисляются особенности экскурсионного дискурса как объекта лингвистического исследования.

Ключевые слова: *дискурс, экскурсионный дискурс, коммуникативные роли, монологичность, диалогичность.*

Дискурс является номинальным объектом исследования значительного количества современных лингвистических изысканий. Изучение дискурса параллельно ведётся в нескольких направлениях. В частности, одни работы посвящены исследованию отдельных видов/типов (эти термины не всегда разграничиваются) дискурса, другие направлены на решение терминологических проблем, связанных с определением самого понятия *дискурс*. В рамках настоящей публикации предлагается определение термина *дискурс* и описание специфики экскурсионного дискурса в качестве исходного для последующего моделирования экскурсионного дискурса.

Сначала остановимся на трактовке дискурса. Рассматривая существующие на данный момент подходы к толкованию термина «дискурс», следует отметить, что это слово происходит от французского слова «discours», что означает ‘речь’ [14: 136–137]. Изначально дискурс отождествлялся с речью или речевой коммуникацией [20: 25]. До начала 1970-х гг. лингвистика редко выходила за рамки предложения. В ходе изучения исследователями понятия дискурса, его границы расширялись. Ю. Хабермас одним из первых рассмотрел дискурс как вид речевой коммуникации сквозь призму социологического аппарата с учетом общественных норм, правил и ценностей социальной жизни [22: 592]. В современной лингвистике *текст*, *речь* и *дискурс* термины нетождественные. Как пишет Е.В. Темнова, в отличие от текста или речи дискурс включает понятие сознания [20: 24]. Автор считает, что важная роль в дискурсе принадлежит языковой личности, а сам дискурс антропоцентричен. Е.В. Темнова выделяет два плана дискурса. К первому она относит связную речь, характеризующуюся коммуникативной целостностью и выражающуюся в языковом инструментарии. В.В. Красных данный план дискурса обозначается как *собственно-лингвистический* [13: 114]. Второй план включает в себя ментальные процессы участников коммуникации: этнические, психологические, социокультурные стереотипы и установки, а также стратегии понимания и порождения речи. В.В. Красных говорит о втором плане как о *лингво-когнитивном* [13: 114]. Таким образом, под дискурсом можно понимать «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами;

текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, „погруженная в жизнь“» [14: 136–137]. Мысль Е. В. Темновой о двуплановости дискурса находит подтверждение в определениях многих ученых, занимающихся исследованием этого явления. Так, например, согласно В.И. Карасику, дискурс является речевой практикой, т.е. это интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения [10: 5].

Т.А. ван Дейк понимает дискурс как коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие (КД) может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие [5: 4].

Анализируя вышеприведенные определения дискурса, можно сделать вывод о том, что дискурс является коммуникативной деятельностью, включающей в себя лингвистический план (языковую систему языка), когнитивный (сознание, участвующее в порождении и понимании текстов) и ситуативный (решение актуальных для конкретного коммуникативного события задач речевого взаимодействия [16: 28]). При этом стоит отметить, что некоторые исследователи включают в понятие дискурса не только сам процесс коммуникативной деятельности, но и ее результат. Так, например, А.А. Кибрик характеризует дискурс как единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста. Он считает, что дискурс включает в себя текст как составную часть. Текст – статический объект, возникающий в ходе языковой деятельности. При этом дискурс, помимо самого текста, включает также разворачивающиеся во времени процессы его создания и понимания [12: 4].

В.В. Красных рассматривает дискурс как вербализованную деятельность, понимаемую как совокупность процесса и результата и обладающую как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планом» [13: 113].

Г.А. Орлов трактует дискурс как категорию (естественной) речи, материализуемой в виде устного или письменного речевого произведения, относительно завершённого в смысловом и структурном отношении, длина которого потенциально вариативна: от синтагматической цепи свыше отдельного высказывания (предложения) до содержательно цельного произведения (рассказа, беседы, описания, инструкции, лекции и т. п.) [17: 14]. Понятие «дискурс» характеризуется параметрами завершенности, цельности, связности и другими (то есть всеми свойствами текста). Г.А. Орлов считает, что дискурс включает в себя одновременно процесс (с учетом

воздействия социокультурных, экстралингвистических и коммуникативно-ситуативных факторов), и результат в виде фиксированного текста.

Таким образом, все предлагаемые определения можно свести к двумосновным трактовкам. Дискурс – это сложное коммуникативное явление, обладающее лингвистическим, когнитивным и ситуативным планом. Дискурс – это процесс и результат коммуникативной деятельности, осуществляемой между участниками общения под воздействием социокультурных, экстралингвистических и коммуникативно-ситуативных факторов.

В качестве рабочего определения остановимся на следующем: дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста [6: 7].

Несмотря на множество определений дискурса, дать четкое определение конкретному его виду не всегда просто. В рамках настоящей статьи уточняется понятие *экскурсионный дискурс* учётом его специфических особенностей.

Экскурсионный дискурс (далее – ЭД) рассматривается как один из типов дискурса. Сложности при описании ЭД связаны с его тесным взаимодействием с туристическим дискурсом [15: 5]. С лингвистической точки зрения, ученые рассматривают ЭД как совокупность текстов с учетом экстралингвистических, социокультурных и других факторов [3: 199; 7: 92] и как особую непосредственно устную коммуникативную ситуацию [8: 227]. Данные подходы являются общими и могут быть использованы при изучении многих типов дискурсов. При этом каждый тип будет обладать характерными чертами, отличающими его от других. ВЭД различные исследователи называют в качестве специфических целый ряд особенностей, которые часто носят неоднозначный или двойственный характер.

Монологичность и диалогичность. В классификации В.И. Карасика дискурс в зависимости от своей направленности делится на персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный) [11: 278]. Принимая во внимание данную классификацию, можно говорить об институциональности ЭД. В таком случае, по словам М.В. Лиханова, коммуниканты оказываются «скованы» институциональными рамками и имеют на выбор одну из двух противоположных ролей: экскурсовода и экскурсанта, автора текста – получателя текста, автора записи – слушающего, но в этих двух ролях один всегда выступает в качестве транслятора информации, другой всегда ее реципиент. Несомненным остается тот факт, что экскурсовод находится выше в «сильной коммуникативной позиции» (термин И.А. Стернина [18: 90]) в рамках экскурсии и является коммуникативным лидером [2: 90].

Несмотря на столь выраженную, на первый взгляд, монологичность ЭД, нельзя отрицать его диалогичность. С одной стороны, в процессе экскурсии экскурсовод может использовать различные способы поддержания внимания (см.: [19: 138–139]). С другой стороны, экскурсанты также могут стать

инициатором диалога, уточняя какую-то информацию. Даже в случае с неконтактным вариантом ЭД (жанр видео- и аудиоэкскурсии, путеводитель) элемент диалогичности может иметь место. Если, например, турист высказал свое мнение или предложение, оставив письменный или устный отзыв об экскурсии.

С психологической точки зрения, речь можно разделить на внутреннюю и внешнюю. Внешняя речь имеет коммуникативное назначение, она направлена на общение между людьми. Нельзя не согласиться с мнением Б.В. Емельянова, который считает рассказ экскурсовода во время экскурсии образцом внешней речи. Её задачу он видит в воздействии на сознание и фактические действия людей, передачи им определенной информации о конкретных объектах [9: 205].

Внутренняя речь или речь «про себя» выполняет когнитивные функции и направлена на внутреннее проговаривание будущего высказывания. Понятие внутренней речи используется и в лингвистике. Основы изучения данного понятия заложил Л.С. Выготский, представитель Московской психолингвистической школы. [4:316]. Л.С. Выготский определял внутреннюю речь как особый внутренний план речевого мышления, опосредующий динамическое отношение между мыслью и словом. Внутренняя речь – это средство мышления, которое участвует в когнитивных и коммуникативных процессах, является переходной формой от мышления к говорению и наоборот. Экскурсовод использует как внутреннюю, так и внешнюю форму речи, а экскурсант, воспринимающий сообщение, использует при этом лишь внутреннюю речь. По словам Б.В. Емельянова, это помогает туристу лучше понять и запомнить полученные знания, согласиться с выводами экскурсовода, его точкой зрения. В экскурсоведении, как пишет Б.В. Емельянов, данный прием называют «скрытым диалогом», который позволяет экскурсанту, не вступая в открытую словесную дискуссию, сделать правильный вывод по излагаемому материалу [9: 206]. В таком случае мы снова имеем дело со «скрытой» диалогичностью.

Таким образом, можно сделать вывод о том, ЭД присущи как черты монолога, так и диалога. М.В. Лиханов считает, что адресант-экскурсовод создает иллюзию диалога, но на самом деле экскурсия – это, как правило, монолог, так как роль экскурсанта в коммуникации ограничена уточнениями и вопросами [15: 10]. А по определению Л.Е. Бахваловой экскурсионная речь является диалогизированным монологом[1: 18].

Подготовленность / спонтанность речи. Если экскурсионным материалом для экскурсанта становится путеводитель, видео- или аудиоэкскурсия, то в этом случае мы имеем дело с подготовленной речью. Адресат в удобный для него момент времени обращается к интересующей его информации, которая была заранее составлена и записана. В момент ее восприятия она уже не изменяется, потому что присутствие «адресанта-человека» опосредованно.

Экскурсия, проводимая экскурсоводом, безусловно, также является подготовленной. При этом процесс подготовки текста конкретной экскурсии является сложным и продолжительным. Учитываются многие факторы, такие как, например, возраст экскурсантов, их социальный статус, уровень образования и др. Н.В. Филатова даже выделяет два типа адресантов: технологический и реализующий [21: 56–57]. Технологический адресант занимается разработкой и составлением «идеального» текста. Эта работа экскурсоводов или методической комиссии. Интересной является мысль, высказанная Л.Е. Бахваловой о том, что адресат является соавтором экскурсионного текста. По ее мнению, на предтекстовом этапе и в письменных экскурсионных текстах «будущий» экскурсант выступает в роли гипотетического идеального обобщенного адресата [3: 204].

Реализующий тип (экскурсовод) воспроизводит подготовленный материал в процессе экскурсии. Однако, поскольку в процессе коммуникации принимают непосредственное «живое» участие как адресат, так и адресант, то в данном случае имеет место фактор спонтанности. На процесс общения могут влиять различные экстралингвистические факторы, ситуационный контекст и фактор адресата [7: 94].

К первому можно отнести различные внешние обстоятельства (непредвиденные изменения в маршруте экскурсии, замена одного объекта показа другим, проведение экскурсии в памятный или праздничный день и др.). В зависимости от конкретных обстоятельств экскурсовод может частично изменить заранее подготовленный текст.

Второй фактор (или фактор адресата), связан непосредственно с коммуникативным поведением экскурсанта. Экскурсовод, как пишет Л.Е. Бахвалова, в ситуации непосредственного устного экскурсионного общения «приспосабливается» к коммуникативным возможностям реального адресата, «придает тексту те структурно-динамические формы, которые в наибольшей степени (для данной ситуации и данных участников) способны реализовать их индивидуальные и совместные намерения» [3: 199]. Экскурсант как активный участник экскурсионного диалога регулирует своим коммуникативным поведением процесс продуцирования экскурсионного текста в режиме реальной экскурсии.

Учитывая выше сказанное, можно сделать вывод о том, что подготовленная речь в ЭД является первичной по сравнению со спонтанной. Роль второй является второстепенной, но при этом не отрицается.

Устность и письменность. В зависимости от канала передачи информации дискурс может быть устным и письменным. Говоря об ЭД, мы можем наблюдать его реализацию как в устной форме (экскурсия, видео- и аудиоэкскурсия), так и в письменной (путеводитель). При этом преимущественной остается устная форма.

Непосредственность / опосредованность. Непосредственную коммуникацию можно наблюдать в случае жанра экскурсии, когда происходит

«живое» общение между адресантом и адресатом. Коммуникация осуществляется напрямую, в едином пространственно-временном континууме [15: 11]. Экскурсовод находится в зоне прямой видимости экскурсанта и общается с ним посредством естественного языка, жестов и мимики.

Контактному дискурсу противопоставляется бесконтактный. В рамках экскурсионного дискурса к нему относятся жанры путеводителя, видео- и аудиоэкскурсии. В этом случае экскурсанта знакомят с экскурсионными объектами через фотографии, видео- или аудиозаписи. По словам М.В. Лиханова, адресат находится в виртуальном пространстве, связанном с реальным только тематической отнесенностью [15: 11].

Категория непосредственности и опосредованности экскурсионного дискурса становится определяющей для выбора обстановки общения, *официальной / неофициальной*. Жанр экскурсии носит, как правило, официальный характер [15: 11], в то время такие жанры как путеводитель, видео- и аудиоэкскурсии могут функционировать как в официальной, так и в неофициальной обстановке.

Анализ особенностей ЭД показывает, что это явление сложное и неоднозначное. Опираясь на перечисленные выше категории ЭД, сформулируем следующее определение. Экскурсионный дискурс – это в большей степени заранее подготовленный диалогизированный монолог, осуществляемый в туристической сфере с информативно-оценочной целью, который реализуется в устной или письменной форме, при непосредственном или опосредованном участии адресанта и адресата, в официальной или неофициальной обстановке.

Список литературы

1. Бахвалова Л.Е. К вопросу об изучении экскурсионной речи как жанрово-стилистического феномена в аспекте коммуникативно-ролевого поведения адресанта-экскурсовода // Вестник Воронежского государственного университета. Воронеж: ВГУ, 2008. № 2, Серия «Филология. Журналистика». С. 17–20.
2. Бахвалова Л.Е. Лингвопрагматические параметры экскурсионной речи // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. 2010. № 4. С. 90–93.
3. Бахвалова Л.Е. Сравнительный анализ экскурсионной речи в режиме «автор – адресат» // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2, т. 1. С. 199–204.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5-е, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
5. Дейк Ван Т.А. К определению дискурса. Лондон: Sage Publications, 1998. – 384 с.
6. Дейк Ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
7. Демидова Т.В. Фактор адресата как компонент дискурсивной деятельности при «порождении» экскурсионного текста // Проблемы языковой картины мира на современном этапе. Н. Новгород : Изд-во НГПУ, 2006. Вып. 5. С. 92–96.
8. Донец П.Н. Экскурсия по городу как жанр дискурса // Жанры речи: Сб. науч. статей. Вып. 6: Жанр и язык. Саратов: Наука, 2009. С. 227–232.
9. Емельянов Б.В. Экскурсоведение. М.: Изд-во «Советский спорт», 2007. 216 с.

10. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
12. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... докт. филол. наук. М., 2003. 90 с.
13. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: «Гнозис», 2003. 375 с.
14. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Ярцевой В.Н. М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
15. Лиханов М.В. Экскурсионный дискурс: к модели описания // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 5–14.
16. Мкртычян С.В. Стилистика устного делового дискурса: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 316 с.
17. Орлов Г.А. Современная английская речь. М.: Высш. шк., 1991.– 240 с.
18. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 227 с.
19. Стернин И.А. Практическая риторика. М.: Издат/ центр «Академия», 2005. 272 с.
20. Темнова В. Е. Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. Вып. 26 / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 24–32.
21. Филатова Н.В. Стратегии самопрезентации субъекта туристического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М.: МГЛУ, 2012. № 655, Серия «Филологические науки». Вып. 22: Текст и метатекст. С. 56–67.
22. Habermas J. Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns // Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verl., 1989. S. 571–606.

THE SPECIFICITY OF EXCURSION DISCOURSE

T.A. Yanson

Tver State University, Tver

In the article the concept of discourse is clarified and the features of excursion discourse as an object of linguistic research are listed.

Keywords: *discourse, excursion discourse, communicative roles, monologic speech, dialogical speech.*

Сведения об авторе:

ЯНСОН Татьяна Александровна – аспирант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: tanjuschik@bk.ru

Вопросы лингводидактики

УДК 378.1

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗАХ

Д.С. Гордашникова

Военная Академия Воздушно-Космической Обороны
имени маршала Советского Союза Г.К. Жукова, Тверь

В статье рассматривается актуальная проблема лексико-семантической интерференции в языке обучающихся военно-технических вузов английскому языку социально-бытовой и профессиональной тематики. Приводятся определения термина «интерференция», классификация и структура данного явления, примеры и анализ проявления лексико-семантической интерференции.

Ключевые слова: интерференция, билингвизм, язык, языковая норма, лексика, семантика, лексико-семантическая интерференция.

Сегодня необходимость изучения иностранных языков является неоспоримой, что обуславливается ростом научных, технических, коммерческих и других связей, а также желанием стран и их руководителей развивать сотрудничество между ними. В таких условиях билингвизм, или двуязычие, приобретает особую роль в процессах изучения культур и межкультурном взаимодействии. По мнению Г.М. Вишневской, «огромное разнообразие языков в мире уже не является препятствием для коммуникации. Глобальное распространение английского языка как языка международного общения, резкое увеличение числа билингвов и мультилингвов на планете создает уникальную ситуацию языкового взаимодействия и открывает новые аспекты изучения современной языковой ситуации для лингвистов» [5: 7-8].

Под билингвизмом ученые понимают владение двумя языками и их использование в процессе коммуникации, однако не могут придти к однозначному определению данного понятия. Л.Л. Нелюбин называет билингвизмом *одинаковое* владение двумя языками [8], Л.Н. Щерба определяет билингвизм как «владение двумя языками и умение с помощью их осуществлять успешную коммуникацию» [11]. По мнению У. Вайнрайха, билингвизм – это «практика попеременного пользования двумя языками» [4: 22]. В.Ю. Розенцвейг конкретизирует: «Под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения» [9: 9-10]. Схожее мнение имеет А.Д. Швейцер, считающий, что первым языком обычно считается родной, вторым – неродственный, но широко употребляемый той или иной этнической общностью [10].

С явлением билингвизма также сталкиваются военнослужащие в процессе своей профессиональной деятельности. Знание английского языка часто является обязательным условием в связи с тем, что многим из них приходится участвовать в профессионально-ориентированной межкультурной коммуникации в зоне конфликта: общаться с военнослужащими из других стран, с местным населением, с беженцами, с нарушителями условий перемирия и т.д., заниматься переводом и составлением различных материалов и документов [1]. Если уровень владения иностранным языком военнослужащими низкий, то в процессе коммуникации может возникнуть языковая интерференция. По мнению В.В.Алимова, наиболее полное и современное определение интерференции было дано в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н.Ярцевой: «Интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного...» [12].

Языковая интерференция проявляется как в устной речи, так и в письменной, и, согласно В.В. Алимову, может быть классифицирована следующим образом в зависимости от уровня языка [1: 33]:

- фонетическая и/или фонологическая;
- звуковая-репродукционная;
- орфографическая;
- грамматическая;
- лексическая;
- семантическая;
- стилистическая;
- внутриязыковая.

Наиболее интересным нам кажется лексический уровень языка, который часто объединяют с семантическим. Однако стоит отметить наличие различных точек зрения на соотношение лексической и семантической интерференции. Так, В.В. Алимов подчеркивает, что лексическая и семантическая интерференция являются разными типами интерференции, следовательно, их следует изучать отдельно [1: 36]. Ю.А. Жлуктенко считает, что семантическая интерференция является видом лексической [6], а А.Е. Боковня и И.Н. Кузнецова настаивают на наличии единого, лексико-семантического типа интерференции [3], [7]. Поскольку лексическая интерференция представляет собой заимствование лексических единиц, а семантическая – заимствование смыслов, зачастую сложно обозначить конец границы одного явления и начало другого. В связи с этим, наиболее уместным нам кажется последний подход и, как следствие, использование термина лексико-семантической интерференции, под которым лингвисты понимают «все вызванные межъязыковыми связями изменения в составе лексического инвентаря, а также в функциях и

употреблении лексико-семантических единиц, в их смысловой структуре» [6: 129].

Выделяет три вида лексической интерференции:

- заимствование, определяемое как «элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языков, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [12: 158],
- калькирование,
- семантическая интерференция [6: 158].

И.Н. Кузнецова считает, что лексическая интерференция – это «двухстороннее (в плане выражения и плане содержания) сближение лексических единиц одного или разных языков, обусловленное их фонетическим сходством и проистекающем из него семантическим уподоблением, что приводит к непроизвольному (ошибочному) или произвольному (стилистическому) нарушению языковой нормы» [7: 3]. Она выделяет три элемента лексической интерференции:

- 1) внутриязыковая паронимия (сближение лексических единиц двух языков по форме и содержанию);
- 2) «ложные друзья переводчика», или диапаронимия;
- 3) паронимическая аттракция (намеренное сближение сходных слов с целью создания стилистического эффекта) [7: 12].

Семантическая интерференция, определяемая В.В. Алимовым как «вмешательство элементов одной языковой системы в другую на уровне сем» [1: 138], проявляется на уровне смысла. Ее причинами могут быть многозначность, омонимия и синонимия грамматических форм [там же], антропоморфизм, несовпадение переносных значений слов, десемантизация лексических единиц и несовпадение или недостаточные знания фразеологии [3: 9]. Причинами же лексико-семантической интерференции часто становится наличие частичных соответствий (одному слову одного языка соответствуют два или более слова другого языка) или их отсутствие (т.н. безэквивалентная лексика) [2: 12]

Проявления лексико-семантической интерференции очень разнообразны. Среди возможных причин нарушения языковой сочетаемости в речи военнослужащих выделяются следующие.

Полисемия слов как английского, так и русского языков

Приведем примеры: *I carry a uniform. The recruits don't wear weapons.* В данном примере очевиден неверный выбор обучающимся многозначного глагола, означающего действие *носить что-либо*. Сложность была вызвана тем, что в английском языке ему соответствуют два глагола – *wear* и *carry*, – где первое используется в значении *to have clothing, jewelery, etc. on your body* [13], а второе – в значении *to hold something or someone with your hands, arms, or on your back and transport it, him, or her from one place to another* [там же], чем и была вызвана ошибка.

Armour units equivalent to infantry platoons are called troops.

В связи с тем, что лексическая единица *troops* знакома курсантам из материалов, изученных ранее, где она переводилась как *живая сила* и *личный состав*, появление третьего значения (взвод) ставит их тупик, из-за чего происходят проблемы с переводом даже несмотря на очевидный контекст и объяснение значения этого слова в самом предложении.

Проблемы могут возникнуть и при переводе многозначного глагола *burn*: *They are burning CDs*. Несмотря на контекст, обучающиеся часто переводят данный глагол как *жесть*, *сжигать*, хотя практически все из них имеют представление о процессе записи дисков прожигом.

Расхождения в семном составе слов

В этом случае лексическое значение слова русского и английского языка близко, но отличается по наличию или отсутствию какой-либо семы. Так, в предложении *I visit the military academy every day* нарушена сочетаемость глагола *visit* и существительного *the academy*, поскольку лексическое значение *visit* таково: *to pay a call on as an act of friendship or courtesy; to go to see in order to comfort or help* [14]. Очевидно нарушение сочетаемости в связи с отсутствием у данного глагола семы *to go officially and usually regularly to a place* [14], присутствующей у глагола *attend*, которое следовало использовать.

Несвободное или фразеологически связанное значение одного из компонентов русского или английского словосочетания

Занятия английского языка в военно-техническом вузе начинаются с доклада, где первой фразой звучит команда *Attention!*, означающая *Встать. Смирно!* Зачастую обучающиеся добавляют команду *Stand up!*, которая является в данном случае избыточной, поскольку в команде *Attention!* уже заложено это значение (*Attention! is a position assumed by a soldier with heels together, body erect, arms at the sides, and eyes to the front (often used as a command)* [13]).

Еще один пример: *The Royal Air Force is responsible for combat operations on air*. Фразеологическое выражение *on air* означает *to broadcast something or be broadcast on radio or television* [14], а в данном контексте для устранения лексико-семантической несочетаемости необходимо использовать существительное с предлогом: *in the air*.

Сложности в употреблении и переводе фразеологизмов проявляются также и в диалогах бытовой тематики: так, идиому *See you around* обучающиеся часто переводят побудительным предложением как *Посмотри вокруг*, нарушая не только лексико-семантическую целостность этой фразеологической единицы, но и грамматические принципы построения побудительного предложения.

К сожалению, в текстах бытовой тематики не всегда помогает даже очевидный контекст: диалог — *Thanks. — You're welcome.* — обучающиеся с низким уровнем подготовки часто переводят как — *Спасибо. — Добро пожаловать.*

Сближение лексических единиц двух языков на основе их формального сходства

Важно отметить, что такое явление часто происходит как следствие внутриязыковой интерференции. Так, на основании формального сходства могут быть сближены слова *complicated* и *completed*, *responsive* и *responsible* (*This system is very completed. I am responsive for discipline in this group*), в результате чего может происходить нарушение сочетаемости.

Другой пример: *Japan is an ally of the NATO*. Здесь слово *ally* было заменено схожим по звучанию и написанию словом *alien*, что делает это предложение бессмысленным.

Особенные трудности у обучающихся вызывает употребление и перевод слов *strange*, *strength* и *stretching*: *I do strange exercises twice a week. All three packages are very good but they have different stranges*. В последнем случае прилагательное *strange* не только используется вместо существительного *strength*, но и приобретает его грамматическую характеристику в виде окончания множественного числа

Лакуны и ложные друзья переводчика

Зачастую курсанты используют слово *journal* для обозначения академического журнала (*Shall I bring you the journal?*), что неверно, ведь значение этого слова – *a periodical dealing especially with matters of current interest* [13]. Для передачи необходимого значения более уместно слово *register*. Данный пример – иллюстрация так называемых ложных друзей переводчика.

Рассмотрим еще один пример: *We had nine dicks last class*. В данном примере очевидно наличие не только лакуны для слова *двойка* в значении *неудовлетворительная оценка*, для обозначения которого нет эквивалента в английском языке, но и ошибочное употребление стилистически окрашенного бранного слова *dick*, что привело к стилистической интерференции, выведшую ошибку на более высокий уровень – уровень стилистики.

Итак, лексико-семантическая интерференция представляет собой нарушения в составе лексического инвентаря и его смысловой структуре, а также в его неверном употреблении. Зачастую она затрагивает такие уровни языка, как грамматический, стилистический и др., что ведет к нарушению правил сочетаемости этого языка, в результате чего нарушаются нормы изучаемого языка либо содержание английского предложения предстает в искаженном виде. В связи с этим выявление, классификация, анализ таких нарушений представляются особенно важными для их дальнейшего предупреждения.

Список литературы

1. Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): Учеб. пособие. - М.: КомКнига, 2005. - 232с.

2. Бархударов Л.С. К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий (на материале английского и русского языков) // Иностранные языки в школе. - 1980. - №5. - С. 11-17.
3. Боковня А.Е. Интерференция при обучении иностранному языку (на примере парадигматической лексико-синтаксической интерференции) и возможные пути ее преодоления в процессе работы над лексикой: Автореф. дисс. канд. пед. наук. - М., 1995. - 18с.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 25-60.
5. Вишневская Г.М. Билингвизм естественный и искусственный // Билингвизм. Интерференция. Акцент: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 2005. - 109с.
6. Жлуктенко ЮА. Лингвистические аспекты двуязычия. – Киев: Изд-во при Киев, ун-те, 1974.
7. Кузнецова И.Н. Теория лексической интерференции: (На материале фр. яз.): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1998.
8. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: наука, 2003. 320 с.
9. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 5-24
10. Швейцер А.Д. Современная социоллингвистика: Теория, проблемы, методы. М., 1976.
11. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
12. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева, — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
13. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] / URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения: 28.09.2018)
14. Merriam-Webster [Электронный ресурс] / URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 30.09.2018)

LEXICO-SEMANTIC INTERFERENCE IN LEARNING ENGLISH AT MILITARY-TECHNICAL UNIVERSITIES

D. Gordashnikova

The Zhukov Military Aerospace Defense Academy, Tver

The work deals with the problem of lexical-semantic interference of students studying at military-technical universities. It gives a short overview of the term «interference», the classification and structure of this phenomenon. The article also gives some examples and analysis of lexical-semantic interference.

Keywords: *interference, bilingualism, language, common language means and rules, lexis, semantics, lexico-semantic interference.*

Сведения об авторе:

ГОРДАШНИКОВА Диана Сергеевна – преподаватель кафедры иностранных языков Военной Академии Воздушно-Космической Обороны имени маршала Советского Союза Г.К. Жукова, e-mail: deni4ka12345@mail.ru

УДК 800 ^159

ЦЕЛИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В.С. Загуменкина

Тверской филиал РАНХиГС, Тверь

На основе работ К.Д. Ушинского, П.О. Афанасьева, Ф.И. Буслаева и других учёных-педагогов раскрывается понятие «понимающее чтение». Подчёркивается, что чтение – это осознанный творческий процесс, направленный на постижение смысла текста. Выявляются цели, направления и проблемы современного литературного образования.

Ключевые слова: *сознательное чтение, понимающее чтение, смысл, смысловое понимание текста.*

Уже в XIX–XX веках учёные-педагоги (К.Д. Ушинский, Д.И. Тихомиров (см.: [9]), С.И. Абакумов (см.: [1]) и др.) задумывались о проблеме качества чтения, о непосредственной связи процесса понимания и процесса чтения. В это время появилось понятие «сознательное чтение» (основоположником считается К.Д. Ушинский), которое, по сути, является синонимом понимающего чтения. Учёные подчёркивали, что чтение – это осознанный, творческий процесс по постижению смысловой и содержательной ценности текста. В этом процессе ведущую роль играет читатель. Обучение такому чтению было целью всех методик чтения XIX и XX веков.

Необходимость научить ребёнка вникать в смыслы слов, а позже – в смысл всего высказывания, адресованного ему, подчёркивали многие методисты. Так, П.О. Афанасьев писал, что сознательное чтение должно включать в себя «чтение с надлежащим пониманием отдельных слов, понимание отдельных прочитанных фраз и предложений и чтение с должным пониманием законченных статей и произведений» [2: 125]. По мнению Ф.И. Буслаева, «...чтение, и своё, и иностранное, должно быть одинаково: углубляться в подробности слов, оборотов, предложений и постоянно рассматривать частности в связи с общим, ибо словесное выражение отличается от всякого другого именно тем, что во всяком предложении виднеется необходимая часть живого целого» [4: 88]. К.Д. Ушинский так писал о последствиях отсутствия навыка вникать в смысл читаемого:

«Изучение каждого предмета передается ребёнку, усваивается им и выражается всегда в форме слова. Дитя, которое не привыкло вникать в смысл слова, темно понимает или вовсе не понимает его настоящего значения и не получило навыка распорядиться им свободно в изустной и письменной речи, всегда будет страдать от этого коренного недостатка при изучении всякого другого предмета» [10].

Отсутствие навыка понимания смысла прочитанного, услышанного будет играть отрицательную роль на протяжении всей жизни человека. Человек, не научившийся читать, не может стать творческой личностью, самобытной, думающей о жизни, стремящийся к её созиданию. Большинство современных

школьников, став грамотными, овладев техникой чтения, в массе своей не становятся читателями (см.: [15]). У них не сформировался интерес к чтению художественного текста и низок уровень смыслового его понимания. Сегодня школьники читают краткие изложения произведений, используют пособия, содержащие готовые сочинения. Т.е. не писатель, а другая языковая личность вступает в диалог со школьником. «В процессе чтения этих пособий у школьников активизируется прежде всего память и почти не участвует в их восприятии интеллектуальная деятельность, а также чувства, воображение, фантазия, духовная сфера» [15: 8].

К.Д. Ушинский подчёркивал, что цель уроков чтения — сформировать у учащихся навык чтения, познакомить с детской литературой, научить детей полноценно воспринимать художественный текст, создать условия для освоения приемов коммуникации на основе литературного произведения, накопить многообразный эмоционально-чувственный опыт и систему нравственно-эстетических представлений. Основой уроков чтения является многоаспектный процесс освоения навыка чтения и осознания прочитанного. К.Д. Ушинский видел одну из основных целей школы в том, чтобы «ввести ребёнка в сознательное обладание сокровищами родного языка» [11]. Он неоднократно подчёркивал, что необходимо обучать сознательному, понимающему чтению, результатом которого и становится накопление эмоционально-чувственного опыта и расширение кругозора читающего.

В XXI веке заключения К.Д. Ушинского остаются актуальными. Сегодня вновь рассматривают чтение как творческий процесс, требующий мыслительной деятельности, понимания. Под грамотным чтением стали понимать «способность человека к осмыслению письменных текстов и рефлексии на них, к использованию их содержания для достижения собственных целей, развития знаний и возможностей, для активного участия в жизни общества» [6: 2]. Работа над навыком чтения должна проходить на протяжении всего процесса обучения в школе. Так, в период обучения в средней школе ребенок должен научиться «вычитывать» информацию из текста, интерпретировать ее, создавать новую информацию и «предъявлять» ее в виде текста (см.: [6]). В Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования утверждается, что в процессе обучения чтению обучающийся должен овладеть «техникой чтения вслух и про себя, элементарными приемами интерпретации, анализа и преобразования художественных, научно-популярных и учебных текстов с использованием элементарных литературоведческих понятий», а также «умением осознанно воспринимать и оценивать содержание и специфику различных текстов, участвовать в их обсуждении, давать и обосновывать нравственную оценку поступков героев» [14]. В Федеральном государственном образовательном стандарте среднего (полного) образования от 07.06.2012 «сформированность навыков различных видов анализа литературных произведений» [13: 7] определяется как одна из целей уроков чтения. В Федеральном

государственном образовательном стандарте основного общего образования от 17.12.2010 приведены следующие результаты освоения курса «Литература»:

«... овладение процедурами смыслового и эстетического анализа текста на основе понимания принципиальных отличий литературного художественного текста от научного, делового, публицистического и т.п., формирование умений воспринимать, анализировать, критически оценивать и интерпретировать прочитанное, осознавать художественную картину жизни, отражённую в литературном произведении, на уровне не только эмоционального восприятия, но и интеллектуального осмысления» [12: 9].

Во всех приведённых отрывках из ФГОС подчёркивается, что обучающийся должен научиться прежде всего анализировать различные типы текстов и воспринимать их на уровне смысла. Методисты Великобритании добавляют к перечисленным навыкам ещё и умение оценить прочитанное и передать полученное знание и понимание в письменной форме (см.: [16]). Но главным читательским умением считается умение истолковать, понять художественный текст. «Формирование читательских умений, главного из них, которому подчинены остальные, – умения истолковывать художественный текст – гарантирует возможность понять и истолковать любой текст» [7: 3].

Сегодня всё больше подчёркивается, что роль учителя – учить ученика пониманию текстов, учить самостоятельно мыслить, а не предлагать интерпретацию художественного текста в готовом виде. При этом следует учитывать, что в тексте заложено многообразие вариантов его понимания. Так, М.М. Бахтин, подчёркивая творческий характер процесса понимания (см.: [3: 346]), выступает против того, что текст нужно понимать так, как его понимал сам автор текста. Он утверждает, что «понимание может быть и должно быть лучшим. Могучее и глубокое творчество во многом бывает бессознательным и многосмысленным. В понимании оно восполняется сознанием и раскрывается многообразие его смыслов» [3: 346].

Необходимо знакомить ученика с разными взглядами критиков и литературоведов на произведение. Работая над текстом, ученик может присоединиться к одному из них, кающемуся ему более доказательным, и восстановить ход рассуждений, опираясь на систему вопросов и заданий, или высказать свою точку зрения, также обращаясь к материалам учебника. Это позволяет обеспечить два противоположно направленных процесса: «осмысление значения и означивание смысла» [8: 12]. Ученик переводит вербальное значение на язык смысла (осмысливает значение) и передаёт осмысленное значение собеседнику, в роли которого выступает учитель или одноклассники.

Чтобы заинтересовать учеников в прочтении той или иной книги, недостаточно одного энтузиазма учителя. Необходимо указать на экзистенциальные связи между литературным произведением и человеческой жизнью (см.: [16]). В литературных произведениях поднимаются такие вопросы, как неизбежность смерти, стремление к успеху и признанию, проблема отцов и детей и т.д. И важно, что в художественном произведении можно найти ответы на эти вопросы.

На уроках ученикам часто предлагается выход «в науку», а для них сейчас важен выход «в жизнь», результатом которого должно стать создание учеником образа мира и себя в этом мире. Теоретические знания «уничтожают в ребенке наивного читателя» [5: 69]. Привить любовь к чтению может только само чтение. Художественный текст даёт возможность взглянуть на мир глазами другого, даёт «... возможность вместо одной пережить несколько жизней и этим обогатить опыт... действительной жизни...» [8: 13]. Ученик соотносит образ мира, представленный в тексте, со своим образом мира и выражает к нему свое отношение, т.е. создает свою интерпретацию прочитанного, осмысляемую как лично значимую ценность.

Таким образом, целью литературного образования должно стать «воспитание квалифицированного читателя со сформированным эстетическим вкусом, способного аргументировать своё мнение и оформлять его словесно в устных и письменных высказываниях разных жанров, создавать развёрнутые высказывания аналитического и интерпретирующего характера, участвовать в обсуждении прочитанного, сознательно планировать своё досуговое чтение» [12]. Квалифицированный читатель способен к самостоятельному общению с художественным текстом как произведением искусства, к выявлению в тексте лично значимых смыслов.

То, какого уровня понимания достигнет читатель, зависит и от типа текста, но в большей степени от самого читателя, от его опыта, от уровня развития его рефлексивной способности, от степени развития умений и навыков, участвующих в процессе понимающего чтения. Поэтому понимающему чтению необходимо учиться, необходимо осваивать приёмы интерпретации и анализа, которые помогут понять текст. Однако стоит иметь в виду, что любой процесс чтения глубоко индивидуален, и различные типы текстов требуют различных подходов к ним.

Список литературы

1. Абакумов С.И. Творческое чтение. Опыт методики чтения художественных произведений в школах начального типа. Ленинград: Издательство БРОКГАУЗ-ЕФРОН, 1925. 126 с.
2. Афанасьев П.О. Краткая методика русского языка. М.: Л.: Госиздат, 1928. 153 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
4. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М.: Просвещение, 1992. 512 с.
5. Горшенева И.А. Школьник и художественный текст // Начальная школа плюс до и после, 2007. №5. С. 68–71.
6. Ковалева Г.С. Новый взгляд на грамотность // Русский язык (приложение к газете «Первое сентября»), 2005. №14. С. 2.
7. Княжицкий А.И. Есть ли выход? Слово об экзаменационном сочинении // Русская словесность, 2006. №1. С.3.
8. Романичева Е.С. «Понимание всегда чревато ответом»: о смысловой составляющей знания // Русская словесность, 2007. №2. С. 7–13.
9. Тихомиров Д.И. Опыт плана и конспекта элементарных занятий по родному языку. М., 1915 / URL: http://elib.gnpbu.ru/text/tihomirov_opyt-plana-i-konspekta_1915/go,0;fs,1/ (дата обращения: 26.02.16).

10. Ушинский К.Д. Родное слово. Книга для учащихся. М., 1974 / URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/107.html> (дата обращения: 26.02.16).
11. Ушинский К.Д. О первоначальном преподавании русского языка. М., 1974 / URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/93.html> (дата обращения: 26.02.16).
12. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (от 17.12.2010 с изменениями от 29.12.2014) / URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_10/prm1897-1.pdf (дата обращения: 05.03.18).
13. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (от 07.06.2012 с изменениями от 29.12.2014) / URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_12/m413.pdf (дата обращения: 05.03.2018).
14. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (от 06.10.2009 с изменениями от 18.05.2015) / URL: <http://www.edu.ru/db/portal/obschee/> (дата обращения: 05.03.18).
15. Якушина Л.С. Проблема чтения школьниками художественного произведения // Начальная школа плюс до и после, 2009. №10. С. 6–9.
16. Chambers E., Gregory M. Teaching and learning. English Literature: SAGE Publications, London, 2006. 241 p.

GOALS AND TENDENCIES OF MODERN LITERARY EDUCATION

V.S. Zagumenkina

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Tver

The paper defines the term “comprehending reading” on the basis of the works of K.D. Ushinsky, P.O.Afanasiev, F.I. Buslaev and other scientists. It is emphasised that reading is a conscious and creative process, which is aimed at comprehension of the text sense. Goals, tendencies and problems of modern literary education are defined.

Keywords: *conscious reading, comprehending reading, sense, meaningful text comprehension.*

Сведения об авторе:

ЗАГУМЕНКИНА Валентина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Тверской филиал, e-mail: Valentina_Z_87@list.ru

УДК 373.3

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ: К ИСТОКАМ ПРОБЛЕМЫ

Т. П. Фомина

МОУ гимназия № 12, Тверь

В статье обсуждается проблема функциональной неграмотности, перечисляются её возможные причины; приводятся результаты экспериментов.

Ключевые слова: функциональная неграмотность, цифровое слабоумие, эксперимент, интерпретация.

Функциональная неграмотность является одной из серьёзных проблем, которую призвано решить современное образование. Функциональную неграмотность можно трактовать по-разному, акцентируя различные аспекты этого явления и применяя различные термины, например: «functional illiteracy» («функциональная неграмотность»), «semiliterate» («полуграмотные»), «secondary illiteracy» («вторичная неграмотность»), «dyslectic», «dyslexic» («не владеющие словарём, с плохой лексикой») и др.

В США в последние десятилетия широко используется связанный с этой проблемой термин «at Risk» – «те, кто относится к группе риска» или «находится в опасности». Но под «опасностью» и «риском» здесь подразумевается совсем не то, что обычно имеется в виду, так как этот «риск» связан именно с низким уровнем образования, иными словами, с функциональной неграмотностью [5].

Люди, страдающие функциональной неграмотностью, не способны понимать и генерировать смыслы текстов, не способны к рефлексии, не владеют творческой и эвристической деятельностью, поскольку функциональная неграмотность ведёт к атрофии синтетических функций мышления.

По определению ЮНЕСКО, термин «функциональная неграмотность» применим к любому человеку, не обладающему в достаточной степени сформированными навыками чтения и письма и не способного к восприятию короткого и несложного текста, имеющего отношение к повседневной жизни (упаковок, этикеток, инструкций к лекарствам, счетов, налоговых квитанций, банковских документов, почтовых отправок и т.д.).

Функциональная неграмотность связана прежде всего с речевой деятельностью, поэтому интерес представляют обсуждавшиеся в [1] результаты исследования уровня функциональной грамотности выпускников школ как одного из показателей их готовности к жизни во взрослом сообществе. Авторы приходят к поразительному и очень важному выводу: «Как видим, чем меньше интеллектуальных усилий требует то или иное умение, тем выше молодые люди оценивают свою способность справиться с заданием» [там же].

Одной из очевидных причин функциональной неграмотности называют пассивную грамотность. Под пассивной грамотностью в этом случае понимают «нелюбовь» взрослых и детей к чтению. В докладе «Нация в опасности» Национальная комиссия приводит следующие цифры, которые рассматриваются ею как «индикаторы риска»: около 23 млн. взрослых в Америке являются функционально неграмотными, им трудно справиться с простейшими задачами ежедневного чтения, письма и счёта, около 13% всех семнадцатилетних граждан США могут считаться функционально неграмотными. Функциональная неграмотность среди юных может возрасти до 40%; многие из них не обладают целым рядом необходимых интеллектуальных навыков: около 40% не могут сделать выводы из текста, только 20% могут написать сочинение с убедительной аргументацией и только 1/3 из них может решить математическую задачу, требующую поэтапных действий [5].

Пассивная неграмотность наблюдается у людей, которых условно можно назвать «weak readers» (слабые читатели). Эта группа так называемых «слабых читателей» была выделена французскими социологами [2: 7–9]. «Слабые читатели» имеют низкий уровень овладения культурными навыками и опытом. Авторы подчёркивают, что обычно «слабого читателя» представляют как человека, у которого нет времени для чтения. На самом деле уместнее говорить о причине психологического характера: такие люди считают чтение нецелесообразным занятием, которое не приносит практической пользы, полезной информации, поэтому они не хотят тратить время на чтение.

Признаком «слабого читателя» является поверхностное понимание текста. Следует констатировать, что многие современные школьники, на которых обрушиваются огромные массивы информации, так или иначе превращаются в «слабых читателей». Избыточное количество информации не только не гарантирует перехода на качественно новый уровень восприятия и понимания, но, наоборот, препятствует развитию рефлексивных навыков.

С целью оперативного диагностирования глубины понимания текста нами был проведён направленный ассоциативный эксперимент. В эксперименте приняли участие 20 испытуемых (далее – Ии). В качестве Ии были привлечены школьники младших классов в возрасте 8-9 лет. Ии была дана следующая инструкция: напишите по два прилагательных, наиболее ярко характеризующих каждого из названных сказочных героев. Гипотеза эксперимента заключалась в том, что значительное количество полученных ассоциатов скорее всего не будет наиболее ярко характеризовать сказочных персонажей. Результаты эксперимента представлены в таблице.

Таблица. Результаты направленного ассоциативного эксперимента

Стимул	Ассоциаты
Буратино	весёлый 8, деревянный 6, добрый 6, смешной 4, умный 3, глупый 3, озорной 2, хитрый 2, низкий 2, длинный нос 2, красивый, хороший 2, храбрый, толстый, честный
Дюймовочка	красивая 10, маленькая 9, добрая 7, весёлая 2, вежливая, смешная,

	глупенькая, слабенькая, цветочная, нежная, слабая, хорошая, миниатюрная, заботливая
Чебурашка	добрый 7, маленький 6, хороший 3, красивый 2, милый 2, пушистый, скромный, доброжелательный, дружелюбный, скромный, доверчивый, преданный, смешной, бодрый, весёлая, большеушный, бедненький, трудолюбивый, , большие уши, озорной шалун, уши большие, мягкий, безобидный, мелкий, весёлый, живая игрушка
Кот Леопольд	добрый 13, вежливый 3, хороший 3, хитрый 2, миролюбивый 2, терпеливый 2, честный, хозяйственный, красивый, большой, рыжий, умный, необидчивый, милый, весёлый, внимательный, дружный, глупый, дружелюбный
Винни Пух	талантливый 5, толстый 5, коричневый 3, смешной 3, хороший 2, весёлый 2, милый, мягкий мишка, неуклюжий, жизнерадостный, лакомка, глупый, неуклюжий, смыслёный, добрый, разговорчивый, жёлтый, жирный, весёлый медведь, любящий мёд, сочиняющий стихи, обжора, красивый, добрый, дружелюбный, любознательный
Красная Шапочка	добрая 11, красивая 5, заботливая 3, весёлая 3, доверчивая 3, хорошая 2, любознательная 2, маленькая, смелая 2, глупая, радостная, наивная, носит пирожки, милая
Лиса	хитрая 21, рыжая 6, умная 4, к оранжевая 3, красивая, коварная, плутовка, грозная, плохая, , обманчивая, самоуверенная, шустрая, голодная, обманщица,
Волк	злой 11, серый 5, глупый 4, хитрый 3, плохой 3, прожорливый 2, страшный 2, хороший, сильный, зубастый, голодный, наивный, недобрый, смелый, хищный, задиристый
Кот в сапогах	смелый 8, добрый 4, умный 4, рыжий 3, хитрый 3, сильный 3, храбрый 3, красивый 2, хороший, находчивый, отважный, сообразительный, преданный, смешной, уступчивый, любит рыбу, умный, наивный
Золушка	красивая 13, добрая 8, трудолюбивая 7, умная 2, необычная, растерянная, бедная, уверенная в себе, хитрая, бедная, хорошая, вежливая, наивная, весёлая

В результате анализа полученного материала можно сделать следующие выводы.

1. В целом дети показали общее знание известных сказок, большинство Ии. (около 60%) дали типичные для сказочных героев характеристики (Буратино – озорной 2 ответа, честный, Дюймовочка – заботливая, слабенькая, Чебурашка – преданный, доверчивый, Кот Леопольд – миролюбивый 2 ответа, терпеливый 2 ответа, дружелюбный, Винни Пух – жизнерадостный, обжора, Лиса – обманщица, Волк – сильный, Кот в сапогах – преданный, сообразительный, Золушка – трудолюбивая, бедная, добрая 8 ответов).

2. Некоторые дети не смогли назвать самую яркую характеристику сказочного героя (Золушка – красивая 13 ответов; Кот в сапогах – добрый 4 ответа, рыжий 3 ответа, смелый 8 ответов; Красная Шапочка – добрая 11 ответов; Винни Пух – талантливый 5 ответов, толстый 5 ответов; Дюймовочка – красивая 10 ответов, Буратино – деревянный 5 ответов, весёлый 8 ответов).

3. Другая группа ответов (их меньшинство) свидетельствует или о незнании сказки, или о её полном непонимании (Буратино – толстый, Лиса – голодная, оранжевая 3 ответа, Волк – хитрый 3 ответа, Золушка – хитрая, уверенная в себе,

Кот в сапогах – *наивный, любит рыбу, рыжий*, Чебурашка – *живая игрушка*, Леопольд – *рыжий*).

4. Некоторые дети дали ответы, характеризующие сказочного персонажа сугубо по внешним признакам (Буратино – *деревянный, длинный нос*, Дюймовочка – *маленькая, миниатюрная*, Чебурашка – *маленький, большеушный*, Кот Леопольд – *большой, рыжий, красивый*, Винни Пух – *коричневый* 3 ответа, *жёлтый, жирный, красивый*, Красная Шапочка – *красивая* 5 ответов, *маленькая*, Лиса – *рыжая* 5 ответов, *оранжевая* 3 ответа, Волк – *серый* 5 ответов, *зубастый*, Кот в сапогах – *рыжий* 3 ответа, Золушка – *красивая* 13 ответов). Подобного рода характеристики оказались самыми частотными, они свидетельствуют об отсутствии у ребёнка вдумчивого отношения к содержанию сказки, о её поверхностном восприятии.

5. Зафиксированы ассоциаты, которые связаны с переходом имени собственного в имя нарицательное или с широким функционированием имени в языке и культуре (Дюймовочка – *маленькая, миниатюрная*, Лиса – *хитрая*, Золушка – *трудолюбивая* 7 ответов, Винни Пух – *жирный, толстый* 5 ответов; Волк – *хитрый* 3 ответа). Такие ассоциаты могут не свидетельствовать о том, что Ии знаком с содержанием сказки. Заметим, что Волк назван одновременного и *хитрым* (3 ответа), и *глупым* (4 ответа). Сказочная характеристика, которая по заданию требовалась от Ии., оказалась вытесненной мифологическим восприятием концепта ВОЛК в русской лингвокультуре (сравните поговорки: *Волка зубы кормят, сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит, Волков бояться – в лес не ходить* и т.д.).

Резюмируя, можно заключить, что гипотеза исследования подтвердилась: большинство детей не может дать точную характеристику сказочного персонажа и использует вместо этого а) слова с широкой оценочной семантикой (*хороший, плохой, красивый, добрый, злой*), б) прилагательные, описывающие внешность сказочного героя, в) наконец, меньшая доля ответов приходится на нетипичные характеристики, что свидетельствует скорее о незнании содержания сказки. В целом результаты эксперимента свидетельствуют не только о необходимости рефлексивного обсуждения содержания сказок, но и о проведении лексической работы с целью расширения и обогащения словарного запаса.

Другая проблема, порождающая «слабых читателей», усматривается, в частности, в увеличивающемся разрыве между уровнем «школьной продукции», обеспечивающейся современными системами образования, и требованиями «социального заказа» со стороны общества и его социальных институтов.

Многие исследователи и педагоги видят связь функциональной неграмотности с цифровым слабоумием. Это понятие стало активно использоваться наряду с функциональной неграмотностью. Оно пришло из Южной Кореи, которая раньше всех начала «оцифровываться». Цифровое слабоумие как термин не получило строгой дефиниции. В общем виде проблема цифрового слабоумия сводится к зависимости человека от гаджетов, которая «расслабляет» мозговую активность. Большой поток информации не успевает перерабатываться и усваиваться, в результате человек теряет способность к концентрации над задачей. В качестве побочных симптомов

цифрового слабоумия называю потерю памяти, низкий уровень самоконтроля, подавленность, депрессию и даже агрессию. Проблема цифрового слабоумия детально рассматривается в статье Л. Стрельниковой, которая приводит шокирующие факты: семилетний ребёнок в Европе к своему возрасту провёл у экранов больше года, а 18-летний европеец — больше четырёх лет; сегодня западный подросток в среднем тратит на «общение» с экранами около восьми часов в сутки. С 1970 года радиус активности детей, или количество пространства вокруг дома, в котором дети свободно исследуют окружающий мир, сократилось на 90%. Мир сжался почти до размеров экрана планшета. Сегодня в США в первую очередь в семьях образованных людей начала распространяться мода на запрет использования гаджетов детьми. Известно, что Стив Джобс запрещал своим троим детям-подросткам использовать гаджеты по ночам и в выходные дни; никто из его детей не мог появиться на ужине со смартфоном в руках [3: URL]. С цифровым слабоумием связывают синдром дефицита внимания

В качестве ещё одной причины функциональной неграмотности называют переход от зрительно-логического метода подачи информации к фонематическому. Л.А. Ясюкова в статье «Педагогика неграмотности» сравнивает эти два метода и их результаты [4: URL]. До середины 80-х годов прошлого века учебные программы начальной школы использовали зрительно-логический метод подачи информации. Детей сначала знакомили с буквами, учили с помощью букв по наглядным образцам составлять слова и читать их. После того как дети овладевали чтением, их знакомили с правилами русского языка, а писать под диктовку, на слух они начинали только в конце третьего класса. Зрительный метод позволял усвоить логику языка на основе изучения системы орфографических правил. В результате большинство выпускников делало в экзаменационном сочинении 2-4 ошибки на 10 страниц текста. Сегодня такой результат считается редкостью. Во второй половине 80-х годов в основу образовательной концепции был положен фонематический метод, предполагающий звуковой анализ речи. Результатом обучения стало то, что дети начали писать так, как они слышат. По мнению автора, такой подход стал разрушительным для орфографической грамотности учеников. Методист Л.Я Ясюкова пишет о том, что эти две операции не слиты даже у взрослого человека. Автор опирается на результаты проведённых экспериментов. Суть эксперимента заключалась в следующем: взрослым людям предлагалось громко и выразительно прочитать научный доклад, а потом изложить самое главное. Все испытуемые затруднялись с воспроизведением основного смысла. С другой стороны, когда взрослым было дано время на прочтение аналогичного текста про себя, основные смысловые блоки были выделены без особых затруднений. Результаты проведённых экспериментов доказали, что читать молча проще.

С детьми начальной школы был проведён другой эксперимент. Детям был предложен короткий текст о зайчонке (5 предложений). Этот текст был сопровождён иллюстрацией с изображением котёнка. В результате, отвечая на

вопрос, о чём текст, почти 80% детей ответили, что предложенный текст о котёнке. Результаты этого эксперимента свидетельствуют о полном расщеплении навыков озвучивания и понимания, которые в дальнейшем приводят к тому, что формирование навыка понимания при обучении чтению серьёзно отстаёт. В таком подходе к обучению чтению усматривается одна из причин функциональной неграмотности.

Таким образом, отчётливо обозначившаяся в последнее время проблема функциональной неграмотности является по своей сути проблемой комплексного характера. Перечисленные в рамках настоящей публикации возможные причины функциональной неграмотности не являются исчерпывающими. Мы изложили частный взгляд на эту актуальную проблему современности, пути решения которой могут быть разными. Важную роль при этом играет система школьного образования.

Список литературы

1. Вершловский С.Г., Матюшкина М.Д. Функциональная грамотность выпускников школ. Социологические исследования, № 5, 2007. С. 140–144.
2. Куно К. Чтение во Франции. М., 1992. 17 с.
3. Стрельникова Л. Цифровое слабоумие. «Химия и Жизнь», 2014, №12. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hij.ru/read/issues /2014/december/5210/> Дата обращения – 24.09.2018.
4. Ясюкова Л.А. Педагогика неграмотности // Школьные технологии, 2011, № 2, с. 25-30. [Электронный ресурс] URL: <http://www.metodikin.ru/must/?page=.view.pedneg> . Дата обращения – 17.09.2018.
5. A nation at risk. National Commission on excellence in education (1983) // Cargan L., Ballantine J.M. Reading in sociology. Fourth edition. Wadsworth Publishing Company. Belmont, California 1987. P. 179-191.

ON THE POSSIBLE CAUSES OF FUNCTIONAL ILLITERACY

T.P. Fomina

Tver gymnasium № 12, Tver

Functional illiteracy, its consequences and probable causes are discussed; the results of an experimental study are given to illustrate the authors' point of view.

Key words: *functional illiteracy, digital dementia, experiment, interpretation.*

Сведения об авторе:

ФОМИНА Татьяна Петровна – учитель начальных классов МОУ гимназии № 12, Тверь, e-mail: tatyana-fomina62@mail.ru

УДК 81

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

О.В. Чубарова

Тверской государственной университет, Тверь

Рассматриваются некоторые виды грамматических ошибок в условиях учебного двуязычия. Разграничиваются ошибки и оговорки.

Ключевые слова: ошибка, грамматическая ошибка, оговорка, учебное двуязычие, интерференция.

Грамматические ошибки – это ошибки в структурах языковых единиц, в структурах слов, словосочетаний, предложений. К ним также относятся нарушения той или иной грамматической нормы: морфологической, словообразовательной или синтаксической [3].

Морфологические ошибки связаны с ненормативным образованием форм слов и употреблением частей речи. Словообразовательные ошибки заключаются в неоправданном словотворчестве или видоизменении слов нормативного языка. Синтаксические ошибки характеризуются нарушением синтаксических норм.

Как отмечает А.А. .Поймёнова, в качестве основного психолингвистического механизма, приводящего к ошибочному высказыванию, подавляющее число исследователей видит интерференцию – межъязыковую, внутриязыковую, смешанную. В основе исследований заложен метод контрастного анализа, использование которого приводит к уравниванию различий в системах родного и иностранного языков и психических процессов, происходящих в мозгу учащегося при речепроизводстве на иностранном языке [4: 46].

Анализ грамматических ошибок позволяет определить, на каком этапе овладения иностранным языком возникает отклонение от норм языка. Следует отметить, что отрицательное влияние родного языка может проявляться на разных этапах изучения иностранного языка вследствие различий между системами родного и изучаемого языков. Интерференция проявляется как при употреблении отдельных слов и устойчивых словосочетаний, так и при построении предложений или целых текстов. Причинами возникновения интерференции могут быть отсутствие точных знаний о том, какие языковые средства имеются в изучаемом языке для построения высказывания, а также недостаток практических навыков в использовании необходимых языковых средств, которые требуются для быстрой активации имеющихся знаний при построении высказывания.

Изложение грамматики с лингвистической и с методической точки зрения может значительно различаться. Так, в отличие от формулировки правил в теоретической лингвистике, формулировка правил в дидактических грамматиках зависит от возраста обучаемых, их языкового опыта, психологических и других особенностей. Для различных групп учащихся должны быть написаны различные грамматики. Лингвистика не может указывать универсальные закономерности, от которых зависит эффективность обучения в области систематизации грамматического материала, использования терминологии или формулировки грамматических правил для всех категорий учащихся [5].

В настоящее время роли грамматики при обучении иностранному языку уделяется меньше внимания, чем это делалось ранее, что приводит к значительному увеличению количества ошибок в речи учащихся. Рассмотрим особенности немецкой грамматики и причины возникновения некоторых грамматических ошибок на начальном этапе овладения языком на примерах из учебника И.Л. Бим для 2 класса общеобразовательных учреждений «Немецкий язык. Первые шаги».

Первой трудностью, с которой сталкиваются учащиеся, является отсутствие какого-либо грамматического явления в родном языке, например наличие связок: «Das ist Anna. Das sind Ute und Otto». Поскольку на русский язык связки не переводятся, часто их «забывают» употребить в предложении, где это необходимо: «Das Anna. Das Ute und Otto». Происходит копирование синтаксической конструкции русского предложения. Таким образом, в немецком языке из-за устойчивого порядка слов в предложениях их двусоставность становится специфической особенностью, трудной для тех учащихся, в языке которых порядок слов в предложениях свободный, как, например, в русском языке.

Второй трудностью является замена одного слова другим на основании их «похожести». Таким образом в предложении «Ich heiÙe Rudi.» местоимение ich заменяют на связку ist: «Ist heiÙe Rudi.». В данном случае имеет место не сама грамматическая ошибка, а оговорка, которая к ней приводит. Другой разновидностью оговорки может служить пример добавления лишних букв: «Ist dast Frau Werner?».

Под оговорками понимаются факты оплошностей в потоке речи вследствие усталости, возбуждения и т.п., когда возможно быстрое самоисправление со стороны говорящего. Их следует отличать от ошибок, которые являются типичными отклонениями от правил изучаемого иностранного языка, т.е. ошибок, которые допускаются обучаемыми в ходе освоения языка и не поддаются самокоррекции, поскольку они являются отражением определенной стадии освоения иностранного языка [2: 53].

Третья трудность овладения немецкой грамматикой – постоянное соотношение формы одного грамматического явления с формами другого. В предложениях типа «Ich kommen aus Bonn» отсутствует согласование

подлежащего и сказуемого в числе и лице. Для грамматического оформления высказываний на немецком языке учащимся нужно помнить, что при построении любого предложения необходимо не выстраивать изолированные морфологические формы слов, а включать в предложение целые словосочетания в их грамматических связях.

Четвертая трудность наблюдается в уникальности грамматических явлений немецкого языка. Первой уникальной категорией, с которой сталкиваются учащиеся 2 класса, является категория артикля, которая отсутствует в русском языке. Часто род существительных в немецком и русских языках не совпадает, например: *das Mädchen* (ср.р.) – девочка (ж.р.), *das ABC* (ср.р.) – алфавит (м.р.) и т.д. Поэтому учащиеся должны запоминать немецкие существительные с соответствующим определённым артиклем, который является показателем рода.

Пятой трудностью можно назвать частое употребление конструкций с обратным порядком слов и вопросительных предложений без вопросительного слова. При свободном расположении всех членов предложения в русском языке происходит отрицательный перенос имеющегося опыта на построение немецкого предложения, ведущий к ошибкам в синтаксических структурах: «*Im Mai wir feiern unser Klassenfest «Tschüs, 2. Klasse». Er malt?»*». В приведенных примерах прослеживается нарушение устойчивого порядка слов при инверсии и в вопросительном предложении.

Шестой трудностью являются глагольные рамочные конструкции, которые должны восприниматься учащимися как единое целое. При отсутствии целостного восприятия происходит калька с родного языка: «*Ich will dressieren Tiere*» вместо «*Ich will Tiere dressieren*».

Седьмая трудность объясняется различием в управлении русских и немецких глаголов. Так, русский глагол «играть» требует предлог «в» или предлог «на» с соответствующим падежом, например, «играть в футбол / шахматы / карты» или «играть на пианино / скрипке / трубе», в то время как немецкий глагол «spielen» употребляется в подобных сочетаниях без предлога, например, «*Fußball / Schach / Karten spielen*» или «*Klavier / Geige / Trompete spielen*». Типичной ошибкой, совершаемой носителями русского языка при употреблении данных немецких словосочетаний, особенно на начальном этапе изучения, является добавление предлога, типичного для соответствующих словосочетаний в их родном языке: «*Die Kinder spielen in Fußball*» вместо «*Die Kinder spielen Fußball*» [1].

При изучении родного языка отсутствуют готовые схемы, затруднена возможность соотнесения языковых явлений с языковой системой. При изучении же иностранного языка говорящий по инерции внедряет привычные ему структуры в языковую систему иностранного языка, что ведет к возникновению ошибок.

В книге А.А. Залевской [2] отмечается, что только часть ошибок в иностранном языке может быть объяснена за счёт влияния родного языка.

Такие ошибки стали квалифицироваться как межъязыковые, т.е. ошибки межъязыковой интерференции. Однако встречается множество одинаковых ошибок, которые допускают изучающие иностранный язык независимо от характера их родного языка. Ошибки такого рода получили название внутриязыковых, отражающих специфику процесса овладения языком, ход этого процесса, в связи с чем используется также определение их как «ошибок развития» [цит. раб.: 54].

Список литературы

1. Брискина Е.В. Проявление лексико-семантической и грамматической интерференции при употреблении немецких глаголов носителями русского языка // Молодой ученый. 2016. № 20. С. 800-804 [Электронный ресурс] /URL <https://moluch.ru/archive/124/34146/> (Дата обращения: 02.10.2018).
2. Залевская А.А. Введение в теорию учебного двуязычия: учебник для магистрантов [Электронный ресурс]. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. 269 с.
3. Иванова О. Грамматические ошибки: как избежать? Простые правила – 2013 [Электронный ресурс] / URL: <https://www.syl.ru/article/108070/grammaticheskie-oshibki-kak-izbejat-prostyie-pravila> (Дата обращения: 02.10.2018).
4. Поймёнова А.А. Лексическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 214 с.
5. Краткая характеристика грамматического строя немецкого языка в сопоставлении с русским [Электронный ресурс] / URL: https://studbooks.net/1754535/pedagogika/kratkaya_harakteristika_grammaticheskogo_stroya_nemetskogo_yazyka_sopostavlenii_russkim (Дата обращения: 02.10.2018).

GRAMMAR MISTAKES IN LEARNING GERMAN

O.V. Chubarova

Tver State University, Tver

Different kinds of grammar mistakes are discussed. Mistakes and slips of the tongue are distinguished.

Key words: *mistakes, grammar mistakes, slips of the tongue, interference.*

Сведения об авторе:

ЧУБАРОВА Ольга Викторовна – аспирант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail:

Научное издание

**СЛОВО И ТЕКСТ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Сборник научных трудов
Выпуск 18

Отпечатано с оригинала авторов

Подписано в печать 03.12.2018. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 7.2. Тираж 500. Заказ № 621.
Редакционно-издательское управление
Тверского государственного университета
Адрес: 170100, Тверь, Студенческий пер.12, корпус Б.
Тел РИУ (4822)33-60-63.